

Кирилл Шишов

**ЕВРАЗИЙСКИЕ СТАНСЫ
ПОЭМА «ВЕЛИКИЙ ЗУБР»**

Январь—декабрь, 2006 г.

г. Челябинск
Цицero
2008

Ш65

Ш65 **Шишов К. А.** Евразийские стансы. Великий Зубр,
поэма. — Челябинск: Цицеро, 2008. — 304 с.

*Только пчела узнает в цветке
Затаённую сладость.
Только художник во всём
Ищет прекрасного след.*

**Афанасий Фет,
«Скучно мне вечно болтать»,
1842 г.**

**ХРОНИКА ОДНОГО РЕЙСА
(ЭКСПРОМТЫ)
23 ЯНВАРЯ 2006**

В путь

Этот поезд окоянный —
Поезд топится углём,
Этот поезд осиянный —
Оказался как ты в нём..
Стужа студит окоём,
Ты — убогий, бесталаный,
Мир вокруг тебя — обманный,
С пулей смертной за углом..

Но на праведных путях
Этот поезд Уфалея,
Я спешу к нему скорее,
Превозмогнув стужи страх

Вот он тронулся неспешно,
И душа опять безгрешна..

*8.20 утра
Вокзал ст. Челябинск
— 35 °С*

Певец в поезде

«Ещё не всё дорешено», —
 Запел красавец под гитару,
 Мотив привычливый и старый,
 И полу-мрак глядит в окно...
 И я с парнишкой заодно
 Опять попал в мотива чары,
 А предвкушенье сладкой кары
 Певцам дозволено давно...

Мы жаждем яркого огня,
 Костра любви, любви и света,
 И мы расплатимся за это,
 Наверно, до исхода дня...

Ну, а пока за радость эту
 Кладу в его ладонь монету...

*8.20—8.30 утра
 Поезд тронулся.
 Электроподстанция*

Страхи

Прекрасна Родина в снегах,
 Где чёрно-белые контрасты,
 Где фонари кроваво-красны
 На перепутанных путях..
 Здесь всё внушает стылый страх
 И возвещает: «всё напрасно»...
 Здесь холода в ночи опасны,
 А днём таится жуть в кустах...

Но сколь следов умелых рук
 Кругом уставлено и живо
 Для жизне-быта, не наживы,
 Как-будто каждый — лучший друг...

А встретит глаз электро-башни —
 И в раз становится нестрашно..

*8.45—9.00
 Выезд за город
 Пригородная зона...*

Ст. Шагол

Знает русский и хохол
 Эту станцию «Шагол»,
 И зовут её «Щегол»,
 Завершая произвол..
 А себя зовут — «щегель»
 — Птицы песни и игры,
 Птицы-вестники весны,
 Чьи намеренья ясны..
 Щеголята-летуны —
 С щеголихами нежны,
 И всегда готов на взлёт
 Сей щеголистый народ..
 Потому аэродром
 Там построен за углом...

9.10 утра

Ст. Ессаульская

Это просто Есаул*
 Всех надул и обманул,
 За кордон давно уйдя
 От великого вождя..
 Есаул — казачий чин,
 Раньше — зависть всех мужчин,
 При Советах — враг и тать,
 Кого велено хватать..
 Есаулово село
 В Бренд российский процвело,
 В нём теперь — двойное «эс»
 Как предвестие чудес:
 Конных скачек нет пока —
 Тяга к рыси велика..
 9.20 утра

В вагоне-1

Спит вповалку стар и млад.
 За окошком — лютый хлад..
 Спит вповалку русский люд,
 Съев кормёжку из трёх блюд,
 Впав в блаженное тепло.
 В белых наледях стекло.
 Лишь не спят проводники,
 Их заботы велики:

* Есаул — в старину — помощник известных разбойников, напр. Ваньки-Каина, Пугача (В. Даль)

Туалеты все во льду,
 Не изладишь на ходу,
 Их заботы теребят —
 Не ходить же под себя..

9.45

Ст. Ишачино

В вагоне-2

Хоть вагон совсем не старый —
 Есть в нём полки, а не нары,
 А на окнах — не решётки
 А стекла двойные сплётки..
 Люди спят, давно забыв
 Пересылок злой мотив:
 С юга к северу России
 Их отцы в места глухие
 Тем же ехали путём,
 Под охраною притом..
 Те же в окнах перелески,
 Так же станции прелестны,
 Те же русские снега,
 Так же жизнь недорого..

10.00

Ст. Аргаяш

Надписи

«Опасно! Опасно! Опасно!» —
 — Написано крупно везде
 Художником яркою краской,
 Чтоб виделось ночью и в день..
 «Ходить запрещается!» — видишь?»
 «Стоять возбраняется здесь!» —
 Любя ли тебя, ненавидя ль —
 — Вопит предписания спесь..
 Крутенька движенцев держава —
 Грозит, наказует нас всех..
 Себя бы она удержала
 От глупых надежд на успех..

10.10

Разъезд за Аргяшом..

Снегурочки

Неужели они дурочки
 — Наши девушки — снегурочки
 В милых шапочках с помпонами
 И в дублёночках с фестонами..
 Что им делать здесь под выюгами,
 Где не встретиться с супругами,
 Чтоб не пили — не куражились,
 Чтоб любить без драк отважились..
 Ах, красавицы-красавицы,
 Вам уехать бы — не маяться,
 Не читать в вагонах книжечки,
 А к Парижу бы поближе бы..

Но сидят в вагонах дурочки,
 Безответные снегурочки.
 Сердце лаской обливается —
 Ах, какая ты красавица..

10.30

*Разъезд Татьян ЮУЖД
 Подъезжая к Кыштым*

Пироги в вагоне

Есть в Руси хорошее —
 Пироги с картошкой,
 Пальцы обжигают,
 И в пути — товарищи;
 Русь моя убогая,
 Как ты сердце трогаешь:
 Нет изводу бабушкам,
 Бабушкам-сударушкам,
 Чтоб в вагонах шастуют,
 Пирогам хвастают..
 Солнце — ослепительно,
 Тесто — восхитительно,
 А пюре — сметанное —
 Счастье самобранное..

10.50

После ст. Кыштым

Русь без покаяния

Опять призывают нас каяться —
 Над Русью несчастною галиться,
 Опять вспоминать прегрешения
 И прадедов-дедов лишенья...
 Кричат: ненавидят вас недруги,
 Богаты излишне вы недрами,
 Земля у вас... срамно-бесхозная,
 Башка у вас вечно колхозная...
 И верно — есть мало в наличности
 Разумной сердечности в личности,
 Всё скопом в обычности делаем,
 От казней былых оробелые..
 Но в этих снегах в одиночестве
 Все помнят об имени-отчества,
 Без памяти жить не получится,
 Она нам — и суд, и попутчица..

11.20

Под Мауком

В 12.10 поезд прибывает на ст. В. Уфалей

РАНГИ ЭПОХИ

Ваше высочество-Одиночество,
 Как вас по жизни настойчиво хочется.
 Ваше величество-Электричество,
 Как нас волнует ваше количество.
 Ваше сиятельство-Обязательства,
 Как не хватает для вас доказательства.
 Ваше высоко-Преосвященство,
 Как вы умело сулите блаженства.
 Ваши, Сударыня, статус и честь
 Не позволяют влюблённость учесть.
 Ваше Ничтожество, радость моя,
 В вашем убожестве — света струя.
 Вот, наконец, возрождаю в народе я
 Статус Высокого Благородия..
 О, не сочтите мой труд за вредительство,
 Ваше Высоко-Превосходительство.
 Впрочем, чины в этом мире излишни —
 Всем управляет Владыко-Всевышний..

21.30

Гостиница

23.01.06

ТЕЛО И ДЕЛО

Тело, что тебе дано —
 — Ювелирное изделие..
 С ним душою заодно
 Не томи его бездельем,
 И шлифуй, и полируй
 Кости, связочки и мышцы,
 Глупо с ним не озоруй —
 Тело долго пригодится.
 В беге быстром и ходьбе
 Не излишничай небрежно,
 Осторожничай в толпе,
 Проявляя к телу нежность.
 Тело с делом сопрягай
 Музыкально-осторожно —
 Кожей ты почувешь рай,
 Хоть сравнение безбожно..
 Чувствуй этот чудный дар,
 Как священное наследье,
 Сам себе и комиссар
 И сокровищ собеседник.

*5.30 утра.
 Гостиница
 24.01.06*

ХОЛОД-1

Сумрак совиный, морозный,
 Город застыл одиозный,
 В паре, в тумане — солнечный диск,
 Словно алмазный шедевр — аметист,
 Избы в убранстве пуховиков
 Дышат столбами белых дымов,
 Горы подобны гряде облаков
 Тают в испарине материков,
 Скрип от качения шин и шагов
 Сдавлен, испуган, криклив, бестолков..
 Что это — мира финал или нет,
 Злобной природы жестокий ответ,
 Вызов, угроза, намёк, колотун
 Или январский обычный канун..

11.00

*г. В. Уфалей. Учебный пункт филиала.
 Студентов нет ввиду мороза — 37 °С.
 24.01.2006*

ХОЛОД-2

Проявление угрозы — тот мороз,
 Как хотите — эти слёзы все всерьёз,
 Все уловки, недомолвки — в пустоту,
 О погоде кривотолки возрастут.
 Будут, будут чрезвычайки и расстрел
 Тех, кто ловко и случайно уцелел.
 Неугаданные кары — способ тем,
 Кто пока ещё не старый, но хотел

Отомстить высокоумным дуракам
 Объявляя их безумно в дар волхвам..
 Холода — всего лишь полюс ссор и драк,
 Все народы раскололись, видя мрак,
 Глобализма уравнение в том и есть,
 Что при холоде значеньем сникла честь..

*11.30 дня
 Там же, тогда же*

НАБЕРЕЖНАЯ НЕИСЦЕЛИМЫХ

(К 10-летию смерти Иосифа Бродского)

Утром отчего-то так появилась тяга поваляться в тепле возле супруги, что не было мочи сопротивляться, а ведь надо умыться, почистить зубы, побриться, вспрыснуться лучшим дезодорантом, прогулять собаку, накормить и её, и кошку..

Крутился чуть не час, и жена уже встала, завершила туалет и принялась читать только вчера принесённую книгу об истории той школы, где учились наши дети — сын и дочь; в книге много почти полуторастолетней истории, много неизвестных старинных и вчерашних фактов, ярких фотографий, где — увы — ни одного из наших детей, хотя есть их учителя, судьбы их, необыкновенные случаи из их биографий..

Словом, я — улёгшись в уже остывшую постель — долго ждал, пока супруга вновь водрузилась рядом со мной (мы всегда спим порознь: так приятней редкая близость, волнующая меня вот уже более четырёх десятков лет)..

После неё, естественно, заговорили о школе, где теперь учится наш внук, о характерах учителей и конфликтах, кои всегда имеют место в современной сословной иерархии учебных заведений..

Вдруг жена включила телевизор — и я замер от неожиданности: знакомое печальное одухотворённое лицо великого поэта-ровесника мелькало на экране на фоне венецианских каналов. Он что-то рассказывал — и я понял: это давние съёмки Бродского в любимой им Венеции..

Голос диктора пояснил, что эти съёмки показывают к 10-летию смерти нобелевского лауреата.. Вспомнилось его ироническое:

...Сюды
Забрёл я как-то после ресторана
взглянуть глазами старого барана
на новые ворота и пруды..

Да, он говорил об удивительной, «ювелирной» архитектуре Венеции, о её связи с последующими громадными ансамблями Санкт-Петербурга и Москвы (Кремль строили итальянцы, даже зубчатка кремлёвской стены перенесена по форме арсенальных стен Венецианской крепости!!!).

Потом он перемещался то в гондоле, то пешком по крохотным улочкам предтечи его родного города, читал стихи, рассуждая о модели человека Запада и его законах, при этом мягко парировал собеседника, приехавшего из России (его друг — поэт Евгений Рейн), всегда уточняя, округляя, эпатуруя собственную мысль, необъяснимо точную, обширную, философски-артистичную и утомлённо-печальную..

Я долго, замерев, смотрел на эту воскресную, как бы специально для меня пущенную в столь ранний час, ленту. Мне давно пришлось прочесть его мощные, исполинской силы диалоги с Соломоном Волковым. Его афоризмы:

- За равнодушие к культуре общество расплачивается прежде всего гражданскими свободами.
- Дать человеку полно высказаться при жизни.
- Все мы — поэты — знаем всё обо всём.

Но то была книга вне образа, и вот — сам автор..

Как он одет, как идёт, как вытаскивает сигареты, так и не закулив ни разу... Как смущается и задумчиво говорит о мечте приехать в Ленинград и боязни — ни к кому не зайти, а зайдя — узнать, что тот умер..

Но особенно поразило, как он рассказал о набережной, с которой отправляются к острову мёртвых (там кладбище) катера с гробами..

«Набережная неисцелимых» — так я нашёл её название для русского перевода, при этом искал слово долго и тщательно» — сказал Бродский нараспев.

«Неисцелимые», — это точное название, видимо, не случайно..

Неизлечимые, безнадежные, конченные..

Самое интересное, что через тройку лет после фильма 1992 года сам Бродский в таком же саркофаге, как в начале фильма, отправился на этот самый остров, где и оставлен навсегда, рядом с Стравинским и Дягилевым..

Он тоже оказался неисцелимым для Родины, для мира, для будущего..

Как так совпало сегодня всё это — моя тяга, собачьи заботы, книга о школе — и встреча с необыкновенным по глубине и оригинальности поэтом — евреем по национальности, русским — по языку, стилю, и широте гениальности..

29.01.06

ЛЮБАЯ

Какой бы ни была ты —
 Угрюмой или нет,
 С полученной зарплатой
 Иль чокнутой от бед,
 Наевшейся омлета,
 Голодной после лыж,
 Сходившей в оперетту,
 Нашедшей в супе мышь,
 Измученной от внука
 Иль посетившей мать,
 Зевающей от скуки,
 Свалившейся в кровать —
 Любая хороша ты,
 Прелестно-дорога,
 Кусты ль тебе ландшафтом
 Иль чистые снега,
 Салон автомобильный
 Иль кухни интерьер,
 Где рядом — муж дебильный
 С отсутствием манер,
 С наличием испуга
 Пред мусорным ведром,
 Где крутит центрифуга
 Фруктовый котильон...
 Везде ты бесподобна,
 И я — тебе контраст,
 Мне быть таким удобно,
 И пусть нам бог подаст...

*Воскресная прогулка на лыжах вдвоём
 9.01.06*

НА УТРО ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

А ночью мир был пересотворён
 За счёт того, что падал снег спокойно,
 Полотнища развёрнутых знамён
 Затмили завершившуюся бойню,
 Всю выбелив белилом колокольню
 И, истолча бесцветный цитрамон,
 Бог живописью так был увлечён,
 Что праздник сотворил первопрестольный.
 Как тщательно обсыпан пудрой стиб
 Претонкой веточки, недвижимой и изящной,
 И воробей от радости охрип,
 Пленённый этой сказкой настоящей.
 На теплотрассе сталагмитов ряд
 Застыл, как будто звуков водопад...

5.02.2006

*Утро. Воскресенье
 после ночного снегопада*

НАСЛЕДИЕ

Забудем мир озлобленный и старь,
 Измученный погоней золотой,
 Нам по душе узорные хачкары
 И Моцарта блистательный покой.
 Вот памятник истории святой,
 Пусть он сулит возмездия и кары,
 Но в нём звучит мелодия гитары,
 И купол в нём сверкает красотой...
 Мы извлекаем тонкий аромат

Из старины для продолженья жизни,
И, не чуждаясь тайны укоризны,
В прошедшей вечности не ведаем преград.
Хвала Всевышнему за таинство наследья,
В котором тонко спрятано бессмертье...

10.00. Утро
5.02.06

**МОИМ ДРУЗЬЯМ —
ЕВГЕНИЮ АЛЕКСАНДРОВУ,
ВЛАДИМИРУ АСТАШКИНУ,
ТАТЬЯНЕ МАЕВСКОЙ**

Ещё не всё на свете продаётся!
Друзья мои — воистину тверда
Урала сталь, а там, в глуби колодца,
Чиста и освежительна вода..
Но всё на свете требует труда,
И пусть над нами богатеи смеётся —
Ещё не всё на свете продаётся,
А совесть неподкупностью горда..
Спасибо Вам за стойкость и отвагу,
Наследье Родины — отнюдь не звук пустой,
Вдохнули вдохновенье Вы в бумагу,
И та бумага стала Золотой..
Учусь у Вас, как защищать наследье,
Пусть видит Бог Ваш подвиг и усердье.

18.00. Вечер
5.02.06

ОДИН ДЕНЬ ВСЕГО

Какой сегодня длинный день,
Он словно целая эпоха,
И накрывает его тень
Гомера или Архилоха.
И всё в нём искренне до вздоха:
Исчезла мелочь-дребедень,
А напряжённая крутень
Под вечер выглядит неплохо:
В нём — радость снега, бег машин,
Восстановление утраты,
Раскрытие смысла годовщин
И неизбежность злу расплаты..
Всё — в этом дне! Не каждый год
С собой такое принесёт..

5.02.06

*Чистый снег утра, реставрация дверей в Варламово,
осознание подвига экспертов-друзей, диалог в машине
с Маратом и потом, дома — с Женей, ожидание у Анюты
и презрение к сильным мира сего..
Всё — одновременно и крупно понялось..*

ЦАРСКИЙ ПОЕЗД

(Новелла)

В первой декаде февраля, после диких морозов, небывалых за долгие десятилетия, приехал в наш город мой старинный друг Саша из Москвы. Таких, как он, сумасшедших командировочных, в наше рыночное, не менее дикое, чем морозы, время уже давно никто не приезжал: цены несусветные для среднего человека. Ездят только бизнесмены за товарами, а тут приехал он на два дня посмотреть... царский поезд?!?

Откуда — спрашиваю — у нас такой поезд: царь на поезде был в наших краях ровно сто лет назад — в начале русско-японской войны, да и то не в нашем, тогда небольшом городке, а в столице горных заводов Златоусте... Ему тогда хлеб-соль подносили тамошние мастеровые, украшенное оружие — шашку, кортик, всякие охотничьи наборы с инкрустациями...

— Чудак, — отвечает Саша — это не целый поезд, а всего один вагон из него... Спец-вагон автономный, каких с десятков всего было в стране, бронированный, оборудованный спец-связью для совещаний и управления войсками в полевых условиях. Такие вагоны потом у членов правительства использовались в Советское время: Троцкий ездил, потом Каганович, потом, видимо, начальнику дороги достался один из них... А теперь у вас на вокзале создали музей железнодорожный...

Я-то знаю точно: открыли его к 70-летию Вашей дороги, понял...

— И там этот вагон поместили?..

— Естественно. Давай собирайся, вместе посмотрим, — сказал Саша, привычно сбросив с плеч поклажу громадных

сумок и дорожных кейсов, какие всегда и в прошлом умудрялся протаскивать с собой по всей стране...

Чудесный он был человек — этот Саша, влюблённый в железнодорожную историю с далёких студенческих лет, бросивший ради старинных паровозов и вагонов всю свою эффектную научную карьеру (мы оба с ним остались до конца жизни рядовыми чернорабочими науки — доцентами-генераторами кропотливой работы с юными разгильдяями студенческих аудиторий), даже потерявший первую семью в средний, самый напряжённый период жизни...

В доме у него всегда было тесно от всяческих раритетов: старинных фонарей путеобходчиков и их диковинного инструмента, по стенам висели тщательно очищенные до блеска медные таблички с названиями паровозных и вагонных фирм, а шкафы ломились от томов с чертежами и схемами в разрезах бесчисленных монументальных исполинов парового века...

Руки у него всегда были сбиты от работы: к своим почти семи десяткам лет он восстановил лично и с друзьями не один мамонт былого величия державы; в Москве и в Питере уже громоздились целые полчища колёсных чудовищ, готовых к броске при пуске топок, ибо Саша убедил и доказал на самых высоких госуровнях, что паровозы — абсолютно необходимый резерв страны в любых чрезвычайных ситуациях: при атомной войне или нападении террористов на энергостанции, при землетрясениях и отказе электросистем...

Нынешние дикие холода тоже поставили страну опять на грань теплокатастрофы, и я, признаться, не удивился, что именно Саша появился у нас после них: вновь заговорили в газетах об угольном топливе, о ценности пара и уроках былого...

Но царский Поезд был для меня поворотом неожиданным и манящим: вновь всплыла старая мысль о напрасном отречении Николая именно в таком вагоне, метавшемся тогда, в первой мировой, по оперативным тылам войск с отчаянной целью выживания державы, почти победившей стальнокасочного врага..

Увы, сделать этого было не суждено..

— Конечно, конечно, давай пойдём, я охотно буду сопровождать тебя,— сказал я, дивясь одному — почему я, выросший на вокзале, не однажды уезжавший с него на поездах и в этом году, ничего не ведал о пущенном музее, о таком уникалуме, как вагон царского поезда, размещённом где-то так близко от мест, знакомых мне до каждой детали: маневровки, мосты, склады, ремонтные депо — всё это и есть раннее поле моей жизни, ибо вырос вблизи них сам, и мои дети, и — теперь — мой внук, с которым я даже сумел застать горячие паровозы, работающие и донныне на маневровых тылах возле гаражей, где была наша машина..

Почему я ничего не ведал, а Саша из Москвы приехал, всё точно зная, а я — местный знаток и хвастун, самоуверенный бытописатель, ничего не ведал, заведомо спесиво отвергая необходимость дотошно обследовать не что-нибудь вообще, а именно привокзальные места после такого юбилея, как 70 лет Дороги, которую сам везде называл Великой и Судьбоносной.. Словом, приезд Саши, вообще-то говоря, был свидетельством моего позора, о котором, впрочем, никто, кроме меня самого, не догадывался и не переживал..

Оказывается, Сашу, как московского важного гостя, командированного обществом любителей железных дорог, уже ждали в местном музее истории дороги, куда мы и явились, встреченные знакомой мне дамой (как краезнат-

ца и меня там знали, но о новом достижении своём специально не извещали, желая сделать мне сюрприз!). На машине для поездки.. на вокзал (вокзал, что был почти рядом!) нас доставили на запасные пути, что проходили под исполинским железобетонным путепроводом, возведение которого шло чуть ни сорок лет (мое студенчество, инженерство, писательство состоялось за эти годы!)... Там, возле тесных развалов складов плит, колонн, панелей мы узрели.. новенькую ажурную решётку, ограждавшую разнокалиберное стадо чёрно-зелёно-красных паровозов и вагонов, застывших неподвижно под пуховиками снежных шапок..

Территорию их вечной стоянки ограждал... стеклянный павильон с макетом.. паровоза Черепановых — ювелирно сделанной модели середины XIX века, чистенькой, медно-чугунно-деревянной игрушки натуральной величины с высокой трубой и блеском штоков медных цилиндров и поршней..

И рядом, на открытом воздухе, сразу был замечен свежее-выкрашенный зелёный вагон, над которым из трубы шёл густой угольный дым.

Царский вагон был не только исправен, в нём была открыта предупредительно дверь, блестя на солнце ровные ряды крупных заклёпок и туманились в окнах кокетливые воланы кружевных занавесок..

«Проходите! Проходите», — воркующе позвала нас молодая татарка писанной красоты, обметая веничком ступеньки лестницы, чёрной, как и её смоляные кудри..

— Топите? — деловито с хрипотой спросил тоном проверяющего Саша, взбираясь вверх, в тамбур.

— Круглые сутки топим,— подтвердила татарочка,— музейный вагон..

— Это хорошо... Посмотрим, как тут у вас,— Саша прошёл вперёд, а я за ним, тоже уподобляясь начальству, осознавая всю торжественность минуты соприкосновения с почти вековым чудом сохранения исправного уникама техники в отечественной истории...

Да, это было поистине необыкновенно...

Тысячи и миллионы изделий, созданных руками мастеров, исчезли в чревах металлургических печей — паровозы и турбины, танки и ракеты, станки и даже памятники — царям, вождям, лидерам партий и гениям искусства, а здесь, почти не затронутый столетием, пред нами предстал воистину шедевр красоты и целесообразности — маленький дворец на колёсах, облицованный красным резным деревом и гобеленом по стенам, оснащённый аппаратами и приборами давно исчезнувшей поры Маркони и Морзе, уставленный добротной мебелью ручной работы, сохранивший не только диваны, но и обивку какой-то строгой красоты, от которой бросало в озноб: как всё это было продуманно и лаконично-целесообразно сделано, сохраняя работоспособность и пригодность не только в течение двух мировых войн внешних, но и в гражданскую, хаотическую, и в эпохи репрессий — истребительных, и в эпохи реформаций — пренебрежительных и развратных...

— Салон для совещаний,— пояснил Саша,— а вот личный кабинет, гостевое купе, купе связи, а тут — помещение для прислуги... Отлично, отлично, а вот это — извините — смешно... Это ни к чему господа-товарищи...

Последнее относилось к размещению в вагоне в бывшей столовой — музейной экспозиции... передовиков и ветеранов дороги (которой при Советской власти было отведено семь десятков лет административного бытия)... Мы, конечно, понимали неизбежность таких фрагмен-

тов — контрастных всему остальному, но воздержались от комментариев...

Будь наша воля — здесь бы разместилась именно банкетно-выпивальная экспозиция с сервизами в буфетных шкафах, с коллекциями винных бутылок всех эпох и даже... восковыми фигурами от царских персон до... наркомовских временщиков... Отбоя от посетителей не было бы в таких апартаментах...

Но... музей-то был ведомственно-путейский, и поэтому из рамок фотографий смотрели... машинисты и стрелочники, ремонтники и диспетчеры, красные орденосцы и испытые чиновники сталинско-брежневских инстанций с петлицами «почётных железнодорожников»...

— А вот эта фигура — чудесна! — возликовал Саша, открыв двери следующего купе. — Посмотри, какая экзотика!

Я заглянул и обомлел: в глубине будуара-купе стояла рослая женщина в наряде начала прошлого века с ридикюлем, в шляпке парижской моды, с пышными волосами и разгоряченным возбуждённым восковым лицом...

— Террористка-эсерка в царском вагоне! Вот это да, вот это придумочка! — захохотал Саша, и я подхихикнул ему.

— Это у нас для интереса придумано,— пояснила из-за моего плеча директорша музея,— разве плохо?

— Что вы, что вы, всё это — очень пикантно,— добродушно гоготал Саша,— в конце концов, революция победила. Для детей эта дама — воплощённая История...

— Да,— согласился я с другом — эпоха терроризма продолжается...

14.02.06

ВРЕМЯ ОБМАНОВ

Всему есть время на Земле:
 Любви, и подвигу, и муке,
 Благодеянию в семье,
 Тоске и горестной разлуке.
 Есть время мысли и науки,
 И время быть навеселе,
 Когда ты неба слышишь звуки
 В любом заброшенном селе..
 Но как бессмысленны те дни,
 Когда приходит нам расплата,
 И как бессмысленны утраты
 За миги глупой суетни..
 Тогда всю жизнь нам обнуляя,
 Себе ты хуже негодяя...

22 февраля 2006
 После очередного предательства...

МОЙ ГОРОД

Жить в этом городе всегда —
 От детских игр и сумасбродства
 До одинокого сиротства
 В глухие поздние года..
 И только юная звезда
 Тебе являет доброхотство,
 Прощая в прошлом донкихотство
 И дни предательств и стыда..
 Как вечен мир вокруг тебя,
 Беспамятен и легковерен
 И как в наивности безмерен,
 Лишь пошлость искренне любя..
 О! Детский город стариков —
 — Как ты прекрасно-бестолков...

3 марта 2006
 Слушая передачу TV о Борхесе, Буэнос-Айресе в
 интерпретации
 Петра Вайля — седого, классического знатока мира..

Н. Ягодинцевой

* * *

В средоточии живущих,
То спешащих, то жующих,
Бедняков и неимущих,
Хитрецов и всемогущих,
Смыслов всех не зная сущих,
Вам желаю быть в их гуще,
Под защитой преимуществ,
Философии присущих.
Ибо тяжек хлеб насущный,
Одиноки зубры в пуще...

Ирочке любимой

* * *

Дорогая и родная,
Жизни сущность постигая,
Не достигнуть, видно, рая,
Но всегда стоять у края..
Коль весна идёт золотая —
Снег на солнце тихо тает,
Тело в воду превращает —
В чём-то нас он обучает.
Может быть, и мы постигнем,
Хоть блаженства не достигнем,
Годы в мудрость переплавим,
Детям-правнукам оставим..
8 марта 2006

20 МАРТА 2006
ДВЕ ДАТЫ: 30 ЛЕТ КОСТИ РУБИНСКОГО
СМЕРТЬ ЕВГЕНИЯ САДАКОВА ≈ 70 ЛЕТ

Нас вынесут вперёд ногами,
Поскольку мы не продаём
Ни Родину в хуле и гаме,
Ни яснозвездный окоём..
Обречены мы быть вдвоём
С искусством исповедным в драме,
То светотенью, то словами
Пытаясь состояться в нём..
Но выше вечного искусства —
Трагедия родной земли,
Где гибнут люди от бесчувствий,
По горло утонув в крови..
То — наша кровь и наших предков —
Густы лесов российских ветки..

19.30. Вечер дома

20.03.06

После чествования 30-летнего и шока траурной вести..

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ САДАКОВА

Философ, подвижник, святитель почти,
Почти Дон Кихот поколения..
Какими словами поэту почтить
Его на земле проявленье:
Он был правдолюбом-романтиком дней
Эпохи великой надежды,

И не было преданней, чище, верней
 На этой земле порубежной..
 Он чувствовал суть перемен рубежи
 И был летописцем эпохи,
 И он не сдавался всесилию лжи,
 Из бед извлекая уроки..
 Полвека почти киномузе служба,
 Концепцию Мира имея,
 Судил он деянья великих держав
 По заповедям Прометейя..

Любовь и согласие он миру вещал
 Высоким эпическим слогом,
 И только насилье вождям не прощал,
 В союзниках чувствуя Бога..
 Могуч и всесилен тот кино-язык,
 Что дал ему сам Оболенский, —
 Которому верный он был Ученик,
 Масштаб измеряя вселенский..
 И время надёжно от тлена храня
 Оставил земле он наследье,
 Как пламенный жар Прометейя огня,
 Вступая достойно в бессмертье..

20—21.00
 20 марта 2006

К 80-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ТУЛИНСКОГО

Среди людей любимых Института
 И Южного Урала, и страны
 Ваш образ Дон-Кихотский почему-то
 И наша жизнь чудесно сплетены..
 Мы Вам во всём по-прежнему верны..
 Бывало — Чудом вырвется минута,
 И к Вам на исповедь, где будет круто,
 Бегу, волнуясь, как бегут сыны..
 Вы — Патриарх десятку поколений,
 Вы — воплощенье мудрости отцов,
 И Ваша помощь в дни больших сомнений
 Корусть в нас выжигала подлецов.
 Спасибо Вам за честность без гордыни,
 Живите долго, как живут Святыни.

27 марта 2006

С. В. Тулинскому

ВЫРОЖДЕНЬЕ (ЦИКЛ) ИЛИ ВОЗРОЖДЕНЬЕ

* * *

Когда погибели России
Мы будем подводить итог,
Нам не поможет ни Мессия,
Ни Блок, ни всемогущий Бог.
Всему приходит в жизни срок —
И ханжеству, и грубой силе,
И даже деспот не всесилен,
В маразме обретя итог..
Но как измерить шанс судьбы
И вероятность возрожденья,
Когда, изведав все сомненья,
Мы ждали молний голубых:
Мы жаждали просветов туч,
И нам блеснул пресветлый луч..

* * *

И нам блеснул пресветлый луч
В глазах наставника благого,
Который слышал наше слово,
Хоть был преславлен и могуч..
То было время мрачных туч,
Когда наследники былого,
Не зная способа иного,
На всё крепили свой сургуч:
Лишь он вёл с нами диалог
Пределльно резко и открыто,

Его суровый тон и слог
Подобен силе динамита..
Но в этих спорах мы росли,
Как всходы злаков из земли..

* * *

Как всходы злаков из земли
И животворны, и ранимы —
Так мы свой голос обрели,
Лишь им от мёрзоты хранимы..
Летят года и эры мимо —
От всех властителей вдали,
Но злак растёт неудержимо —
И мы выросли, как могли.
Но он, возможно против воли,
Нас постигал в процессе дел,
И бестолочи своеволий
Крал, как умел, и свой предел..
Чуждаясь ханжества, он спорил,
Что мы несём отчизне горе..

* * *

Да, мы несём Отчизне горе —
Давным-давно он говорил,
И беспределу своеволий
Предписывал удел горилл..
Хотелось за́ море — за мóре,
И с опытом житейским споря
Мы истоптали сонм могил..
Всё рухнуло: страна и власть,
И ложь всевышняя, и нечисть,

И вот уже, по свету мечась,
Свою мы усладили страсть..
В штормах цепляясь за обломки,
Поплыли мы на суд потомков..

* * *

А что учитель — оппонент?..
Он изменился, но не слишком.
Над нашим слабеньким умишком
Он трунит, как интеллигент..
И презирает он конвент
За явной глупости излишки,
Неблаговидные делишки
Улавливая за момент.
И Революции дела
Ему ясны, как жажда власти,
И он предвидит все напасти,
Что ждут страну из-за угла..
И мы, цenia его года,
Почти согласны с ним всегда..

* * *

Почти согласны с ним всегда
В оценке подлости всевластья,
Уже не ожидая счастья,
Боимся, что придёт Беда..
Так одолела ерунда
Возвышенность и силу страсти,
Что стали мы виной напасти
Иль — если мягче — то вреда..

Но, поразмыслив, мы поймём
В чём парадоксов всех причина,
Его крутая годовщина*
Расширить может окоём:
Таких, как он — лишь единицы,
Чтоб поколениям сроднится..

* * *

Чтоб поколениям сродниться —
Сто тысяч надобно, как он,
Чтоб не манила заграница
И тугодумия заслон..
Что толку — всех согнать в загон
И грим навесь на юны лица —
Сверкает молнией зарница,
И зрак мечтою упоён..
Мы все мечтаем — вождь и раб,
Делец, учёный и предатель,
Но груз всевышних обязательств
Не спрячешь, как валюту — в шкап..
Доступен разум лишь немногим
При каждом выборе дороги.

* * *

При каждом выборе дороги
Толпа за пастырем идёт,
Но путь не назначают боги —
Здесь Провидение не в счёт.

* 80 лет — юбилей!

И самый мудрый звездочёт
 И нищий праведник убогий
 Не выстроит дворцов чертоги,
 Когда б не вера и народ...
 И в этом тайна совпаденья:
 Нетерпеливцы правят бал,
 Когда творцы сопротивления
 Готовят к взрыву аммонал...
 Тут не в почёте осторожность —
 Тут лишь злоречье и безбожность...

* * *

Уйдём, Учитель, с этих троп
 Исполненных всегда двуличья,
 Пусть нам доступен только трёп —
 Лгать простодушным неприлично,
 Смешно рядиться в плащ величья,
 Готовить страшно смертным гроб —
 Мы — не приматы, а АНТРОП,
 И наш язык — не песня птичья...
 Отвергнем гнев и конформизм,
 Не будем клясться лицемерно,
 Нас не спасёт патриотизм
 И скверна не спасёт, наверно...
 Давай, Учитель, мы замрём
 И глянем в даль, за окоём...

«БОГИНИ»

(цикл)

30 марта. К/ф «Последний раз, когда я видел
 Париж» В главной роли — Элизабет Тайлор
 (≈ 60-е годы)

По С. Фиджеральду

* * *

Да, это ты была — Она —
 Великая любовью фея,
 Моя супруга и жена,
 Всю жизнь которой пламенею...
 Когда я глажу твою шею
 Иль с алебастром рамена —
 То я сокровищем владею
 На все с избытком времена...
 О! Счастье выстрадать тебя,
 В тебе — великое постигнуть,
 Алтарь в душе своей воздвигнуть,
 Непостижимое любя...
 Тебе Господь мне дал загадкой,
 Как смысл жизни этой краткой.

Юджин О'Нил «Любовь под вязами» (≈ 60-е годы)
В гл. роли — С. Лорен

* * *

«Под вязами» — внезапный фильм
Тогда потряс меня страстями,
Софи Лорен, блестя очами
Нас превратила в простофиль..
Лос-Анджелес — за сотни миль,
Но я сжимал тебя горстями.
В тебе я клялся этой даме,
Ища в тебе заморский стиль..
Пусть глуп, заносчив, пошловат,
Провинциально иллюзорен,..
Но твой телесный аромат..
Но вкус во рту гранатных зёрен..
Софии, Софы — не шептал,
В тебе Её я обнимал..

* * *

Да, эти женщины прошли
Сквозь жизнь мою в твоём обличьи,
И ты богинею была,
Хотя была женой обычной..
Непостижима и — привычна,
И вдруг — опять Её овал,
И ревности стальной кинжал,
И взгляд — пронзительный и птичий..

Фетиш. Фантом — и обыдён..
Десятки лет в верчении быта..
Но вдруг — Она — внезапно в день —
И воскресает, что забыто..
Она тебя мне дарит вновь,
Монбланом делая любовь..

* * *

Нет, без богинь нельзя любить,
Без потрясения — нет поэта..
Элизабет — святая нить
Из жертвенной любви и света..
Вся сущность древнего сонета,
До слёз способная пленить,
И рыцарского триолета
Должны нас шпага поразить..
Тогда, сквозь мглу десятилетий,
Мы можем снова воскресать,
И неспособны мы на свете
Ни отступить, ни предавать..
Бессмертна прелесть женских чар.
Их постигать — особый дар.

* * *

Как Блоку — профиль незнакомки
В кафе-шантановом дыму —
Так мне в экранные потёмки —
Элизабет... мне одному..
Тебя в постели обниму,

Особенно, когда просонки —
 И вдруг — красивые потомки
 Безмолвно шествуют во тьму...
 Что это? Эрос иль Амур?
 Болезненная немочь плоти?
 Нет — это счастье быть в полёте,
 Когда мерцает абажур.
 Сосредоточенность души
 Нам воплощает миражи...

* * *

Она играла иль жила
 Непостижимостью страданья?..
 О том не ведая заранее,
 Я знал одно лишь — обожгла..
 Была душа во мне — зола,
 И подражательное знанье,
 Но, пробудив во мне познанье,
 Она меня воссоздала..
 Да — пусть Актриса! Не жена!..
 Но беззащитна и прелестна..
 И разом стало мне известно,
 Зачем вообще Любовь нужна..
 Любимая! Зачем нам сроки,
 Когда доступен смысл высокий..

* * *

Когда доступен смысл высокий
 Принять страданье бытия —
 То ни презренье, ни жестокость
 Не сменяют знаков жития..
 Кому подвластна жизнь моя,
 Как ни влиянию Востока
 На искус европейский соков,
 От коих ржава колея..
 Жить на разрыве. На излом.
 Страдать, другому помогая..
 Нет, не нужна мне жизнь иная
 В бореньи доброты со злом..
 Итог всегда печален в смерти,
 Но лишь любовью он бессмертен..

30.03—3.04.06

Челябинск — В. Уфалей

Посвящается А. Н. Гумилёву

СОНЕТЫ ГЛОБАЛИЗМА

(цикл)

Бороться и искать,
Найти и не сдаваться.

**Тасман —
первооткрыватель Австралии**

* * *

Взгляни, поэт, на смысл времён,
Пустому взгляду недоступный,
Где скрыт причинности закон,
Где нищ богач и горд преступник...
Вращается над миром спутник,
Упорным разумом взнесён,
Глумится над женой распутник —
И вот проказой пригвождён...

Во всём — высокий Суд Природы,
Её возмездье и азарт,
Ему подвластны все народы,
А не колоде глупых карт.

Ищи, поэт, многопричинность,
Где зло волшебю, как невинность...

* * *

Что движет Миром? Почему
Пустеют города Империй,
Где бродят нынче только звери,
Да воют ветры в злую тьму...
Кто скажет — попустил Господь,
Иной — на засухи покажет,
А третий — мощность силы вражей
Исчислить яростную плоть.
И всё же — крепости, дворцы,
Фонтаны, алтари пустые
Не отражение стихии —
У них ведь были и творцы.
Материю сподвижит дух —
Не только взгляд. Не только слух...

* * *

Народ... Всегда ли он велик?
Во мгле веков имел начало,
Быть может, он уже старик,
Пригнавший лодку до причала...
Рассеянню и одичало
Он слышит с неба птичий крик,
И амулета древний клык
Трёт бороды его мочало...
Шамана презирает внук,
Заморским зеркалом пленённый,
И, в даль томительно влюблённый,
Фрегата слыша цепи стук...
Блестят на солнце шпаг эфесы,
Идут стремительно Кортесы...

* * *

Идут Кортесы. Рвётся Кук
 За океан, за океаны,
 Вооружением наук
 Всемирна слава Магеллана
 И, честолюбием горя,
 Колумб упорствовал недаром:
 Сверкают свечи алтаря
 Сверх-изолоченным пожаром.
 Недаром клялся Галилей,
 Соперничать не в силах с богом,
 Что тайну подвигов людей
 Не разгадает синагога..
 Бороться, жаждать и искать..
 Пусть даже пуля у виска..

* * *

Не Божий промысел. Отнюдь
 Увлёк тебя, моя Европа,
 На сей кроваво-долгий путь
 Сквозь континентов диких тропы..
 Собою жертвуя всегда,
 Каза́ки русские воздвигли
 За океаном города,
 Задув плавильных горнов тигли..
 Первопроходчества азарт
 — Избранников удел немногих,
 Их вдохновляет вождь и бард
 На пыл скитальческой дороги,
 И каждой нации подъём
 — Взлёт духа, а не блеск знамён..

* * *

Но вот является торгаш,
 Комфорта сын и обустройства,
 Спадает враз ажиотаж
 И дон-кихотские геройства..
 Идут размеренно века,
 Приход с расходами итожа,
 Пра-правнук латника слегка
 Огрузил: он теперь вельможа.
 Пусть он и белый человек —
 Его потомство — все метисы,
 Континентальных рельсов бег
 Рождаёт склонность к компромиссам.
 Благопристойность и расчёт
 Даруют славу и почёт..

* * *

Закат Европы — не закат,
 Но налицо усталость духа:
 Не может пять веков подряд
 Комфорт налаживать старуха..
 Национальный арсенал
 Скудеет в битвах без потомства,
 Поскольку знает капитал
 Лишь лицедейство-вероломство..
 Так пал пред Павлом древний Рим,
 И Византия — янычарам,
 Самоотверженным и злым,
 — Увы — сдалась в боях недаром.
 Кому ты сдашься. Кто твой враг..
 Неуж окраинный барак?

* * *

Казалось — как всевластен Ум,
 Сменивший пылкость давних предков,
 Властитель поколений дум
 И щедро одарённый сметкой..
 Как он, все войны разочтя,
 Скопил устойчивость баланса,
 Любого яркого вождя
 Считая меткой декаданса
 Ум, воплотившийся в закон,
 Сумел границы переплавить,
 Нигде не чувствуя препон,
 Барыш лишь утвердя во славе.
 Однако яростный барак
 Ему опять не друг, а враг..

* * *

Барак — колоний давних сын,
 Дитя умеренной Европы —
 Неужто станешь властелин,
 Как паном властвуют холопы..
 Природа, ты зачем даёшь
 Потомство нищете так щедро
 И нам сулишь опять грабёж,
 Когда уже скудеют недра..
 Доказан издавна ранжир:
 Ум должен обладать богатством,
 Иначе рухнет этот мир
 И в воровстве и в святотатстве..
 Но, попирая сей Закон,
 Обильно чрево нищих жён..

* * *

Так бешено войдя в азарт,
 Глумится в ярости Природа,
 Шестой рожая миллиард
 Отнюдь не белого народа..
 Час пробил — белый человек,
 Сей глобализм — тебе награда.
 Набит богатством твой ковчег
 И динамитной силой ада..
 Вертя прогресса колесо,
 Тому ты сам первопричина,
 Что, как удавка, как лассо,
 На шею стянута морщины..
 Ты — стар, но молодеет мир.
 Ему ты больше не кумир..

* * *

И ты, Россия, в той узде
 Одна — заложница неволи.
 В тебе сошлись, как бы в гнезде,
 Все токи евразийской боли..
 Сырьём богатая дотолё,
 Зерном изрядна в борозде,
 Ты разбазарила везде
 Пассионариев подполий..
 Почти бездетна ты теперь,
 Скудея разумом и риском.
 Стучаться в западную дверь
 Твои сыны и одалиски.
 И ты теряешь добрый нрав
 Средь вакханалии отрав..

* * *

Что предвещает глобализм —
 — Супер-религия Европы —
 Тебе — фашизм иль фанатизм
 И у могил гелиотропы...
 В своей вселенской нищете
 Оскудевая даже духом,
 Распята будешь на кресте
 На боль измученным старухам.
 Свой иль германский олигарх
 С тобой управится умело,
 И православный патриарх
 Вздохнёт покорно и несмело:
 Ведь даже он не суверен,
 Акцизу частному взамен.
 3—4 апреля 2006
 В. Уфалей

РЯДОВЫЕ

(новелла)

Перед выходом из вагона, в котором мы приехали из Уфалея, он проскользнул вперёд, ловко соскочил со ступенек и подал с перрона мне руку: «Будьте любезны, не поскользнитесь»...

Я опешил, но руку подал, благодаря: «Премного благодарю, Ваше благородие»...

Ему было восемьдесят, и он только что подарил мне историю своей жизни, в которой было всё — детство в Кыштыме, в семье потомков демидовских крепостных, школа на вокзале в Челябинске, где позже учился и я, расстрел отца в 37-м и голодные годы подростка в начале Отечественной, когда и жмых был в радость. Пятеро братьев без отца голодали и росли, как придётся: то техникумы, то живопись, то подделка талонов, за что загремели под суд и только отправка в армию в сорок четвёртом спасла их от заключения...

«Мне год прибавили, и отправили в лагерь на формирование.. У меня семь классов было — мог бы и в училище офицерское попасть, только после проверки в кадрах всё время выгоняли обратно: сын врага народа, в командиры не пригоден.. На третий раз в связисты попал, так до конца войны радистом и прослужил. Всё в Прибалтике, до Кёнигсберга дошёл и Пиллау.. Слава богу, не в полковой артиллерии, а в дивизионной, чуть подале передовой линии.. Только здесь и повезло — кто-то в кадрах проворонил..

Врагов народа только на передовую посылали, а я во втором эшелоне был, аппарат 20 кг и вся сбруя.. Десятки бомбёжек испытал, а жив остался и не ранен. Сам удивляюсь — столько протопал. Помню последний день на фронте:

Тишина, весна, птицы поют. Сменщик подошёл, а я ему говорю: «Я подежурю — сходи перекуси»...

Только он вышел из землянки — пару залпов прогремело, и мне кричат: «Ваську убило!»...

Выхожу — он лежит мёртвый. Собрался паёк развернуть на ступеньке грузовика, зенитчики выстрелили, свои — да один снаряд по верхушке тополя попал и разорвался. Это снаряды против самолётов, при ударе с препятствием вырыг осколки...

Его и накрыло... Если бы я пошёл обедать — точно на его месте лежал... бы...

Так меня пошадило... И ведь не в первый раз... Нас ещё в апреле, на следующий день после гибели Васьки, с Западного фронта сняли и в эшелонах повезли на Восток... С немцами всё ясно стало. Значит, в другом месте мы нужны оказались... Едем через Урал, через Свердловск. Я чуть было не сбежал там, два года не был в Челябинске, но одумался — как же я полк найду, куда он едет...

И снова сберёг себя, по-раздумьи... И на Дальнем Востоке, где мы японцев гнали, сколько таких везений у меня было — не счастье... Друг мой по полку, Леонид... Всю войну с первого дня прошёл, с немцами каких только случаев не было, а жив остался. А тут — японцев-то немного было, и убегали они почти без боя, а Лёнька одному вдогонку выстрелил, тот остановился и ответил...

Наповал Лёньку свалил и исчез за сопкой... Не гоняться же за ним. Так Лёньку и схоронили, в песке...

После войны институт закончил, электриком стал, по науке пошёл — а всё каждый день опасался — сын врага, всё-таки... И в партию вступил, и детей нарожал, а всё страх и смирение моё не проходило... Трудно с этим жить

было. Уже и старик, а всё отца вспоминаю... Я ведь даже с ним не попрощался. Его ночью взяли, я на полу в другой комнате спал. Проснулся — а его нет...

Он юрист-консультантом уже был, в профсоюзе работал. Старший брат слышал, как он матери сказал: «Если всё будет по закону — вернусь»...

А какие у нас законы, сам знаешь... Мне вот девятый десяток, а работать надо — хоть ветеран, хоть пенсионер, а концов с концами свести невозможно»...

Так мы и расстались... Адреса да телефоны. Сетования на время и доцентско-преподавательские вздохи о поколении...

А ведь я только благодаря его поколению выжил, и стал пенсионером, которому без работы тоже не терпимо... И судьбы у нас — такие далёкие в начале — теперь объединились почти в одни беды...

Удивительны метаморфозы жизни...

Когда подъехал троллейбус, тут уж я не растерялся: подсадил его за локоток на ступеньку и пропел: «Пожалуйста, Ваше сиятельство, в салон на мягкое местечко»...

И мы оба рассмеялись, хоть и в отцы он мне годился — а свой брат, рядовой доцент...

4.04.06

СУПЕР-ДЕНЬ

(запись на память)

Какие бывают порой дни — не передать никаким текстом. Был понедельник, 10 марта, когда я наконец уговорил свою любимую, единственную, несравненную сестру Ирочку посетить наш литкружок «Мемуары», где вот уже два года истово трудятся над литертекстами разные ровесники наши — дети войны, жертвы лагерей, сироты победы..

Ирочка пришла, получив поддюжины книг, где есть и её первые опусы воспоминаний о военной поре, для меня особо значимые, ибо именно меня она опекала в те страшные годы, будучи подростком, страдая от голода и неся бремя старшей в семье, где отец был на фронте, а мать работала на износ, вылечивая раненых..

Душа моя Ирочка, которой не заменят никто — ни жена, ни дети, ни внуки, ухаживала до смерти и за нашей мамочкой, и нет таких регалий в человеческой жизни, чтобы измерить её подвиг человеколюбия и самоотверженности, какой она несёт все свои семьдесят с лишком лет, а поныне преподавая водоснабжение и канализацию в техникуме, когда город почти на грани экологической катастрофы и более нет специалистов её эрудиции и трудолюбия..

И Ирочка пришла, прослушав целую гамму воспоминаний своих ровесников — от яростных пророков будущих революций против богатых — до скрупулёзных новеллистов первых уроков нравственности (Галина Игнатьевна — самобытный автор, детство которой прошло в немецком концлагере)..

А потом, после разборок, я прочитал коллегам свои изыскания по православию и стихам Алексея Степановича Хомякова, чью книгу я нашёл в библиотеке ... отца, состав-

ленной в довоенное время, как и Апполона Григорьева; и их всех защитил своей гибелью мой отец, собравший всё это в расчёте... на меня, тогда ещё годовалого младенца..

Я почти плакал, когда находил эти книги — крохотные книжечки библиотеки малой серии поэзии 30-х годов, ибо впоследствии никто не издал этих славянофилов — Виневицина, Шевырева, Хомякова, Григорьева — а отец их знал, ценил, сберёг, и через три четверти века я (зрелый поэт и писатель) открыл их впервые, заплакав от потрясения и восхищаясь глубиной их мысли и стройностью формы..

О, великая моя Родина, где есть и жива моя родная сестра, где есть единомышленники-словотворцы и бытописатели без расчёта на известность, где есть права на реальные свидетельства и невыдуманные события (как о шахтёрах сказано в одном из повествований — класс!).

Потом я побежал в Фонд, где должен был приехать из Екатеринбурга Саша Кердан — офицер, поэт, писатель и организатор Ассоциации писателей Урала.. Каков мой земляк-копейчанин, каков его пассионарный напор — ни с чем не сравнить! Энергии, как у ракетного двигателя, хоть и есть у него завистники и правдолюбцы-враги..

Но это — просто факт времени. Саша прибыл на свидание с министром культуры, кому предписали встретить его добром и приветом, а деньги будут... через три месяца, да и то — может быть.. Это знакомо, но напор Кердана в моём присутствии был неотразим, и министр с побитым носом (опоздав на час) только соглашался трусливо, ибо (я знал) получил выволочку сверху, да по полной шкале..

Ох, эти игры чиновников, самолюбье при наличии полной безответственности за всё, бездушность и плохо скрываемое безразличие.. Не будем, не будем..

Далее мы рванулись на некий бенефис другого Министра — образования, которого я знал с Саткинского района, где он был главой — единственным с педобразованием. Он и там был особым, умным и деловым. А тут — в области, — что-то делал, влиял, строил, значил, чего я сказать не могу. Но столы у него были обильные, челядь собиралась в немислимых количествах, и мы попали к нему через фильтры не сразу, а с выдержкой...

И не пожалели — впервые я сел за стол с бывшим своим ректором и нынешним, просто Х для меня (забыл (пока) напрочь). Пока Хозяин развлекал толпы плебеев и патрициев в других залах, я воспользовался паузой и впервые откровенно поговорил с дуэтом заправил вуза...

Ох, не знаю, что они вынесли из беседы, но я уяснил одно — вуз хочет стать «национальным», а это значит — бог весть... И они сами не знают, надуваясь от значимости своей и громады в сорок тысяч студентов... Как мог, я тоже что-то рекомендовал им, не особо надеясь на результат...

А для себя понял — философы у них идут на убыль, и ниша становится вакантной... Это — ни архитекторы, ни экономисты, ни психологи — это квинтэссенция мысли, и тут кое-что предвидится...

А потом — с Сашей мы поехали в Фонд, где ждало меня письмо, что город готов обсуждать идею музея литературы... За три века такое впервые — чему я был рад и потрясён...

Так прошёл день удач и успехов. Таких у меня мало, и Саша был творцом этого дня.

Спасибо, Кердан — Керданный вал эпохи!

10 марта 2006

СВЯТАЯ ТРОИЦА

(цикл)

Читая Меньшикова «Выше свободы»...

Я сам

Рождённый Матерью благою,
Я вырос, горю вопреки,
Воспитанный семьёй и строем,
Что принесли большевики.
Жизнь — как подобие реки...
Ты в ней обязан быть героем,
Себя в душе упорно строя,
Как бы потери не горьки...
Сие души самостоянье —
— Есть радость жизни в зрелый час,
Она — итог и достоянье,
В ней всё, что нажил ты подчас:
Быть Личностью с упорством Воли —
Вот высший смысл наследной доли.

10 апреля 2006

«Родина»

Так, отстоявши честь, как знамя,
Живёшь, самим собой гордясь?..
А Родина святое имя
Тебе дала, чтоб ты был князь?
Её беда иль унижение
Тебе не важны?.. Кто ты есть?
Кто отстоял тебя в сраженьи,
Чтоб ты копил и лень, и спесь?..
Земля родная — горы, веси,

Её грядущее — во мгле.
Тревожен склад могучих песен
И кровь сочится по земле.
Ты без неё — Ничто. Запомни.
И плоть твоя — лишь глины комья.
12 апреля 2006

Мир

Но Родина — не всё на свете..
Планета — общий дом людей,
Единым солнцем дом наш светел,
Богат наследием идей..
Шекспир прекрасен и Коперник,
Вернадский — гений биосфер.
Лишь Космос — людям всем соперник —
Да Смерть — владелица химер.
Соединимся, люди, в братстве,
Оставив распри на века..
Как быть с неравенством в богатстве?
— Мы справимся наверняка..
Всё чем душа живёт, крылата,—
Мечтой, как золотом, богата.
16 апреля

Эпилог

Да, такова троичность Мира,
И каждому дана в удел
Сия тяжёлая порфира
Средь будничных нелёгких дел..
Не виден этому предел..
Богатства жажда иль кумира,
Грядущего черта пунктира —
Как устремленье к сердцу стрел..

И если стал ты Человек —
Соединяй в себе триаду,
Как неизменную награду,
Живя свой трудный долгий век.

Вот высший промысел Планеты
И Господа любви заветы..
19 апреля 2006

МАТЕРИНСКИЕ ПРОСТЫНИ-1

На материнских простынях
Я спал, и снилось мне такое,
Что кто-то сберегал меня
В пылу войны, на поле боя..
Как бы свеченье роковое
Я чувствовал среди огня..
То мать, родившая меня,
Шептала слово мне святое..

Проснувшись, чудом уцелел,
На простыни я зрил заплаты,
Была та простынь староватой..
Вдруг я увидел, обомлев,

Инициалы моей мамы,
Уж десять лет зарытой в яме..

23 апреля

*Пасха, сон и пробуждение в Варламово, где впервые
ночевал за пол-года и потрясённо увидел её красные
вышитые буквы «НА».. — «Надежда Алфеева». Боже
мой, Господи!..*

СТАНСЫ

Ещё Отчизне послужу,
Ещё потужусь, повзыскую,
Раз я обрёл её такую,
Вплотную вставшей к рубежу..
Я ей всю Истину скажу,
Как я по ней всегда тоскую,
Что я люблю её былую,
Не перешедшую между..
А нынче.. Страшно передать
Какое варварство маячит,
И роковые неудачи
Она почувствует опять..
Но, впрочем, Истина ли то,
Что носит воду решето..

23.04.06

*Вечер после Варламово дома, прилив сил от
исполинского солнца Пасхального дня — первого
жаркого дня всего апреля (≈ 20 °С). Потом —
холода и снег на неделю, как расплата за Пасху..
30.04.06.*

Памяти Натальи Захарченко

ГЕНИЙ МЕСТА

(цикл)

* * *

Гений Места летал надо мною,
Облик Женщины тайно прияв,
И со мной поменявшись судьбою,
Показал исполинский свой нрав.
Столько мощи и чести приняв,
Как высоко парил он душою,
Как меня обжигал прямоюю,
И во всём был взыскующе-прав..
Смелость. Огненность. Риск и душевность
И характера чистая сталь..
Гений Места. России волшебность..
Неизбывна потери печаль..
Как посланец миров недоступных,
Потерять этот Образ — преступно..

* * *

Везде — в походах иль в застолях —
Неповторимо-хороша,
В сочувствии ли тайной боли,
как будто святится душа.
Всегда — на лезвии ножа,
Аттической владея солью,
Ценила дерзко своеволие,
Свободе лишь принадлежа..
Но и расплату так сносила,
Как воину не по плечу,
Нечеловеческая сила

У ней, подобная мечу..
И жизнь свою так обрубилла,
Что раньше матери — могила..

* * *

Помню, помню те ранние дни:
Прядь и профиль, как будто античный,
Средь эстрадной пустой суетни —
Красоты чистый облик девичий..
Сколько было потом тех обличий
Самой близкой прелестной родни,
Разрушающей статус приличий,
Всем дарящей волшебные дни..
Рядом быв, замирал, удивляясь,
Как полёту стремительных птиц..
Так в кустах смотрит пуганый заяц
На охотников возле границ..
Сорок лет — словно сорок мгновений..
С каждым днём та эпоха нетленной..

* * *

Передать невозможно решимость
И редчайший талант красоты..
Как алмаз в нём — её одержимость,
Неустанный напор прямоты..
Древнерусские будто черты —
В старину презирали так лживость,
Иль жалкого духа спесивость,
В двоеперстье слагая персты..
Не оттуда ли самосожженье —
Путь её, как полёта итог..

Может вправду, такое служенье
 Предпочесть почитает сам Бог..
 Не судья, не толмач — но свидетель,
 Крест тяжёл у тебя, добродетель..

* * *

Ты понимаешь ли, Поэт,
 Чему ты был немой свидетель:
 Какую цену добродетель
 Заплатит, выйдя в белый свет..
 А что — иной дороги нет,
 Где нет капканов, ям и петель..
 Да, сам Господь тому радетель,
 И в этом — жизненный секрет..
 Склонюсь, её лелея образ,
 Осиротею навсегда,
 И воплощу и Лик, и доблесть
 Под взглядом Высшего Суда,
 Но для души — безмерна рана:
 Зачем, зачем ушла так рано..
 20—30 апреля 2006

ЭПИТАФИЯ ДРУГУ К ГОДОВЩИНЕ УХОДА Р. ЧАПЦОВА

Есть люди, чьё значенье для народов
 Всесильно на большие времена:
 Одни провозглашали нам свободу,
 Другие — нас вдевали в стремяна..
 Но есть ещё особенность одна:
 Давая нам живительную воду,
 Есть люди, что раскрыли нам Природу
 И как бессмертие сулит она..
 Чапцов бессмертен по своей натуре.
 Он — лучшее, что я узнал в свой век.
 Он в душу мне смотрел, глаза прищуря,
 Доброжелательно-весёлый Человек.
 С тех пор я знаю: жизни назначение
 Есть солнечное светоизлученье..

24 апреля 2006

*Написано утром в приступе отчаянной тоски
 по красоте этого Человека.*

* * *

Воскрешенье-воскресенье —
 То пасхальная пора..
 И её предназначенье —
 Сеять пахарю с утра.
 Тихо старое уходит,
 Отмирает, возродясь,
 Ведь недаром в огороде
 Семена бросают в грязь.

Уходите в эту пору —
И останетесь навек,
Ибо, чтя Богиню Флору, —
Сим бессмертен Человек...
24.04.06

МАТЕРИНСКИЕ ПРОСТЫНИ-2

В деревне не был я всю зиму
И только позднею весной
Уже влекло неудержимо
Возиться с грядковой землёй...
Но — боже мой, но, боже мой —
Пути ведь неисповедимы —
Себя я вновь почувал сыном:
В снах говорила мать со мной...
Проснулся с влажными глазами,
Льняную простынь приоткрыл:
Да, это простынь — простынь мамы,
Чинёная, что было сил...
Господь — ты истинно товарищ —
Когда такое в жизни даришь...
30.04.06
*Опять возвратился к этому случаю, так поразившему
меня в ту поездку в Пасху 23 апреля...*

ЛИТГАЗЕТА № 16 (19—25 АПРЕЛЯ 2006 г.)

*Из Розанова, которому 20 апреля с. г. исполнилось 150 лет
(род. в 1856 году — умер в 1918 году)*

«Разительную особенность и вместе главную почти трудность УПРАВЛЕНИЯ и направления русского общества составляет то, что оно слито из людей безграничной наивности и доверчивости — в одной и большей части, и из людей до последней степени циничных,— циничных старым закалом римского разврата: холодных, обманных, притворных, гибких. И вот первая часть милых и прекрасных людей находится — уже с давних времён — в обладании и обмане у вторых. Эти последние ведут первых за нос; с таким видом, как ведут в Царствие Небесное и к спасению».

И эти... бегут к своей гибели, как именно к спасению.

* * *

И ещё: 23 апреля — Всемирный день Книги. Дата выбрана потому, что 23 апреля 1616 года ушли в один день из жизни два титана слова — Уильям Шекспир и Мигель Сервантес. С 1995 это день отмечается в Мире! В России — с 2003 года (совсем недавно!). Проводится конкурс на лучший рисунок и лучшее стихотворение на тему «Памятное место моего родного края» (по регионам России). Проводит Международный Союз общественных объединений книголюбов.

107031, Москва, Пушечная улица, дом 7/5, строение 2;
тел. 621-8221, т/факс 621-4626. Контактное лицо ТАТЬЯНА.

Удивительно, как ничтожен и адрес и телефоны и «лицо Татьяны» в аспекте Всемирности — Международности — Классичности и Книголюбства...

Такова нищета культуры книги и наследия классики в XXI веке...

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

(новелла)

Когда моешь пол после долгой зимы, главное — суметь добраться до мышинового помёта, который остался под всеми шкафами на кухне, под старинными лавками вдоль стен и — особенно — под мойкой, где всё втаптывается в доски и приходится по нескольку раз менять воду, чтобы заблестел на них лак, порядком стершийся и почти хрустящий от песка, остающегося на пальцах...

Да, этот песок, песок... Сколько я его вымел, перегрёл лопатой в смеси с цементом, потом выравнивал на стенах этой кухни, оштукатуривая эту кухню в деревне...

А теперь вот за эту зиму — это уже пятнадцатая зима, как я приобрёл этот дом — он начал катастрофически сыпаться со стен и — надо же — вместе с мышинным помётом требует такого количества воды и усилий, что приходится ползать на корточках по кухне чуть ли не час, пока наконец станет приятно вздохнуть и позвать жену: уборка закончена, можно обедать...

Сегодня ночью был снова холод и опять вода в баке замерзла, как и вчера, когда мы приехали в полдень, и оба этажа проходной лестницы были в воде от капающего с крыши тающего снега. Он лежал такими ноздреватыми подушками и начал таять только-только, и я обрадовался: мы приехали во время, можно было за два-три часа сбросать его с крыши, пробить ледяные пробки в желобах, собрать в вёдра просочившуюся жидкость в доме и просушить площадки и лестничные марши, где уже начала облупляться краска от сырости и прогнивать швы между досками...

Слава богу, что наконец в эту зиму остановился и затаился грибок где-то глубоко в стенах, откуда его уже не выкурить.. А то ведь почти три года я сражался с ним, вскрывая полы на той же кухне и в прихожей, выгребая кубометры страшно прогнивших досок, лаг и прогонов, а он — отвратительно-мерзкий и глумливый — смотрел на меня торжествуя своими белёсыми розами гнёзд, где сияли жемчужные капли собранной им от сырости и протечек с крыши влаги..

А я его все-таки победил, загнал в глубь швов старинных брусьев, из которых сложены стены пристроя — лиственных брусьев, взятых со старого разобранного нами дома, где он и затаился до времени. А потом, воспользовавшись моим благодушием — рабочие не сделали продухов под полом — грибок полез в сторону протечек с крыши, и — не будь я бдителен и упрям — добрался бы почти до стен и полов основного строения дома..

Но я сделал и продухи, и вентиляцию, перебрал заново треть пристроя и потом следил за каждым его шагом, за каждой щелью, из которой он норовил добраться до света, до воздуха..

И вот сегодня, при приезде, я понял, что — пусть временно, но я победил..

Правда, я забыл ключи от дома, потому что при отъезде жена так заставила меня вымыть и убраться в городской квартире, что я замотался, и, таская поклажу в машину, забыл про ключи вообще..

Вспомнил, когда упёрся капотом машины в деревянные ворота и обомлел: как попадём: до дома — сто километров, не на улице же в деревне оставаться..

Но — слава богу — дубликат ключей был у сторожа моего, который после инфаркта уже редко приходил смот-

реть за усадьбой, но — если заехать к нему — он мог бы со мной поработать, как мы договорились..

Сегодня он тоже тут, кончает запуск теплового отопления, постукивает по трубам и крутит вентиля, а вчера — вчера мы — после того как он дал мне ключи и позволил позвонить дочери, чтобы она привезла мой набор из города — вчера вечером он с моим зятем так классно исправили трубу, вышедшую из резьбы, что только я удивлялся: труба толстенная, намертво заклинивавшаяся, выскочив из муфты, а они вдвоем с моим зятем — врачом по специальности — за пару часов с помощью деревянных клиньев, разводных ключей по пол-метра длиной и солидола так ловко вогнали эту стерву на место, что вот сегодня можно и начать пуск отопления..

Правда, ночь была холодная. Она перед 1 мая всегда такая. Это — Вальпургиева Ночь, шабаш ведьм на Лысой Горе.. У Гёте в «Фаусте» и у Булгакова она описана.. Воланд или Мефистофель — ею правит, не знаю, только без отопления в доме такую ночь пережить нелегко: в ушах звенит от холода и сердце замирает.

Дом в деревне — не коммунальная квартира, где над тобой — по три-четыре этажа, наполненные людским теплом, соседскими туалетами и коммунальными трубопроводами, которых мы не знаем и знать не хотим..

Здесь, в деревне, над твоей головой, кроме чердака с голубьями, бесконечное звездное холодное небо, Вселенная и пустота, от которой сжимается сердце и слышишь голоса умерших душ..

Ночью ты здесь один перед господом Богом и некому позвонить и неоткуда, если тебя прихватит инфаркт или что-то лопнет внутри..

Но самое ужасное — могильный холод, от которого не спасёт железная трамвайная печка и пара плохо затыканных деревянных рам, которым полтора века, хотя они и сделаны из лиственницы с полукружьем сверху, как я очень люблю, любуясь ими днём...

А ночью я навалил на себя аж два спальника — свой и внука — оделся в трое штанов и в куртку, пока согрелся, чувствуя, как безумно одинок и заброшен человек под это звездное небо для бесконечной проверки его стойкости и терпения...

Зять предлагал жене моей ехать ночевать опять в город, ибо только завтра можно будет запустить тепло, а ночь будет холодная, но она отказалась, надеясь согреться в бане, которую зять умело и скоро запустил, обучившись за десять лет работать с любой электрикой (даже отвёртки носит в кармане и гаечные разводные ключи крутит на славу)...

Жена перемоглась после бани под пуховым одеялом в соседней комнате, где тоже стояла «трамвайка», только новая, помощнее... А я спал со старой, и видел сны тревожные, как будто все, кто умер в этот год, — приходили беседовать со мной — и её сестра, что в прошлом году умерла от рака, затаив свой недуг от всех и доведя себя до последней стадии в полном сознании и даже работоспособности.

Ни дня не была на бюллетне, и в три дня покинула нас, потряса нас такой загадкой до ужаса: как идти на смерть с улыбкой, даже сумев устроить свой день рождения, зная, что жить осталось... неделю...

И вот она приходила в Вальпургиеву ночь, в холодную мою комнату, и что-то объясняла мне, в чём-то упрекала, и тут же смеялась, вспоминая, как мы в походе ловили с её приятелем рыбу в бредень, а я боялся холодной ледяной

воды и провалился со страху в яму на реке Уфе с головой и так опозорился в её глазах, что навсегда остался трусом для неё и потенциальным предателем, не стоящим уважения... не то что её приятель — атлет и охотник, бесстрашный раллист автогонок и изобретатель тепловой автоматики...

А потом приходил другой недавно умерший друг мой — профессор и академик, иронист и диссидент, бесстрашно сражавшийся с партией, которую победил, и с вузовским начальством, которое его победило, довело до инсульта и спроводало на тот свет задолго до его физического износа...

Вечером перед смертью он звонил мне, договаривался о статье в сборник, а утром — жена его позвонила и спокойно сказала, что он не проснулся... Ни секунды не был в тягость никому — и вот ушёл, как говорят — без причащения святых тайн...

Они оба выбрали Вальпургиеву ночь для диалога со мной, когда я лежал, почти оледеневший в холодном деревенском доме под звёздами. И не мог даже ответить им, что я не виноват в их уходе. И что без них мне страшно, потому что они никогда не выдавали мне своих страхов от жизни и ушли, как мужественные люди, как титаны. А я — жалкий трусливый человек. Я боюсь всего: грибка в этом доме, протечи в крыше и обгонов на скоростной дороге, налоговой инспекции и давления у своей супруги, беспечности своего внука и самоуверенности своего сына, трудной беременности дочери и даже... воров, что крадут в усадьбе всё, что плохо лежит: от железных изделий во дворе до продуктов в амбаре, где порой разбирают крышу, чтоб украсть пару банок тушёнки...

Но особенно в эту ночь я боялся за свою старую собаку: ей уже почти пятнадцать лет, и задние ноги у неё ослабли. Она даже в машину плохо залазит, а по лестнице

в доме — она круче, чем в городской квартире — даже не пытается подняться на второй этаж...

Я ей в кухне в эту Вальпургиеву ночь постелил и плитку включил, чтоб согрелась. Она вся дрожала, как я в постели, и жалобно смотрела на меня.. И за неё мне было страшно. И поэтому я мыл сегодня пол в кухне, потому что у неё течка (в 15 лет!) и всё было в крови. И пол, и подстилка. И надо было смыть эти пятна, пока жена копала сорняки на огуречных парниках, а сторож запускал теплосеть, без которой мы в эту страшную ночь так замерзали, потому что это была ночь под Первое Мая — Вальпургиева ночь...

А приехав в город под вечер, поставив машину в гараж, я долго ходил по супермаркету, выбирая любимые лакомства для жены. Купил торт нашей юности «Наполеон», потом датский сыр-брынзу, горячепочённую горбушу и даже чешское пиво «Старо-Прамен», которому четыреста лет (фирме или способу — не знаю).

Жена была очень довольна и — вопреки обычаю — не морщила скептически ротик. Хотя рыбу объявила пересоленной, сыр — простецким и безвкусным, а торт — рядовым и дешёвым...

А я был рад, ведь она не знала, с кем я беседовал в прошлую Вальпургиеву ночь и как мне было жалко нас всех — и себя, и её, и нашу старую собаку, и даже Наполеона...

Нет, не торт с его названием, а именно императора, фильм о котором — по совпадению — я смотрел, когда жена уснула.

Две серии французского производства с Де-Пардьё и другими великолепными актёрами...

И мне снова (в тысячный раз!) было жалко, как он остался одинок, заброшен на Эльбе и даже своего ребёнка

уже никогда не видел, проиграв все войны, которые он так талантливо и кровожадно вёл...

Я почему-то понял, что старый дом, старые друзья, старая собака и даже... старая жена — это лучше, чем завоевывать континенты, утверждать свободу в революциях и напирать на себя бесстрашно корону Великого Человека — Поведителя Мира...

Не зря, видно, в мае бывает Вальпургиева ночь... Холодная пронизывающая насквозь всё тело и душу. Поистине — дьявольская Ночь...

После Варламова. Написано в ночь на 2 мая с 2 до 4 часов ночи на городской квартире, опять-таки, на кухне...

МАЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Мир не был понимаем
 И не был он хорош
 Ни жарким тёплым маем,
 Ни в полуденный дождь.
 И не был он основан
 Во имя — сырых — нас,
 Не раскрываясь в слове
 Ни в профиль, и в анфас..
 Но он любим был нами
 И сладостно ценим
 В момент, когда цветами
 Он наводил свой грим.
 Он пахнул, обольщая,
 Нас к жизни возвращая..

2 мая 2006

15° тепла, почки и листики, шмели и муравьи.
 Лес задыхал.

ИЗ ОЧЕРКОВ М. О. МЕНЬШИКОВА «ВЫШЕ СВОБОДЫ»

Гибель нашего народа, как и всякого, единственно от упадка нервов..

Вот почему социализм так близок к деспотизму: ограничивал свободу, он исключает естественную конкуренцию и устанавливает искусственное равенство.. Его идеал — тирания во имя всеобщего равенства, но этот идеал уже давно испробован.

Несомненно, засилие богатых угнетает бедность, и государство должно внести свои коррективы. Но главная беда наша не в засилии богатства, а в вырождении труда народного, в потере веры в труд, в фантастических химерах, объясняемых.. упадком народа. Не в грабеже столь слабого у нас богатства, а в восстановлении труда — единственный возможный выход.
 1907 г.

Wtima ratio — последнее доказательство, довод (лат.).

Нужно готовиться к самой страшной в человечестве опасности — крушению человеческого общества (из-за анархии, против которой европейское общество ещё не придумали действенных средств).

(писано в 1907 году — за десять лет до Октября!)

За добытый предками Мир придётся заплатить, может быть, такой непоправимой жертвою, каково самое бытие народное.

«Мысли не рождаются, а ПРОБУЖДАЮТСЯ в нас»...

Платон

СОЛОВЬИНАЯ ПОРА

(цикл)

* * *

Когда на тополь не расцветший
Садится к вечеру опять
Певец, изрядно постаревший,
И начинает распевать —
Тогда приходит благодать,
И исчезает год прошедший,
И я, уже не сумасшедший,
Вдруг начинаю понимать:
Певец берёт почти октаву,
Он три колена приобрёл,
И он поёт не ради славы,
А тешит чувства произвол.
Он для меня опять образчик,
Хоть на стихи давно растащен..

*21.00 вечера
8 мая, с. Варламово*

* * *

Зачем мне дом в глухой деревне,
Где избы жгут и воровство,
Зачем мне старый дом и древний
И мрачной брани естество..
Зачем усилий мотовство,
Что возбуждает только ревность,
А молодухи — как царевны —
Меня не зрят, как существо..
Всё потому, что возле дома
Старинный тополь в сотню лет,

И по весне на нём знакомый
 Пернатый значится поэт
 Пусть он поёт едва с неделю —
 — На год с излишком им болею.

*Там же
 Тогда же
 22.00*

* * *

Невелик — как положено певчим,
 Легкокрыл. Не приметен в листве.
 И пушинки он кажется легче,
 Пропадая почти в синеве.
 Но на то он и есть соловей,
 Чтоб тебе постигать бесконечность,
 Артистичную видя беспечность
 В ходе времени строгий канве..
 Вот замри — и услышишь в распеве
 Пару нот, неизвестных вчера,
 Их подслушал он в ночь у деревьев,
 Их обрёл он в тумане с утра..
 Он сумел в песню мир переплавить.
 Вовсе даже не зная о славе..
 23.00

* * *

Я только помнил: Соловей-Разбойник —
 Есть чудище старинное былин.
 И то, что от Ильи он стал покойник —
 Я радовался, как российский сын..
 Потом я стал примерный гражданин,

Струя слова, хоть подставляя подойник,
 А совесть омывать под рукомойник
 Я вовсе не спешил. И не один..
 И лишь под старость, соловья услыша,
 Познав его уменья мастерство,
 Я различил — как он берёт всё выше
 Прославить дня простого естество.
 Да, он — действительно разбойник вдохновенья!
 Народ недаром подобрал сравненье..
 23.30

* * *

Учись, поэт, у соловья,
 Его фиксируя рулады,
 Хоть песнь у каждого своя —
 Свои у каждого отрады..
 Пусть коротки его декады,
 Но, радость жизни не тая,
 Ликует он в цветеньи сада
 И от журчания ручья..
 А ты способен на рассвете
 Вот так же славить каждый миг,
 Что в гнёздах вырастают дети,
 И солнца бронзовеет лик.
 И это вовсе не беспечность,
 А жизни суть и бесконечность..
 24.00

* * *

Как совпали — мистика иль нет ли
 — Пенье соловья и этот день —
 Самой изнурительной победы,
 Славы и рыданий светотень.
 Мать моя рыдала обречённо,
 Мужа окончательно теряя,
 А салюты били восхищённо
 Самую высокую из слав.
 Кто же ведал, что салют великий
 В пении разбойных соловьев
 Означает не конец интриги,
 А лишь осознание оков.
 От потерь людских на взлете славы
 Началось крушение державы.

9 мая 2006

*Утро, воробьи с истомными криками***ДЕНЬ ПОБЕДЫ!**

Пришедших к власти кулаков
 Хочу поздравить я, однако,
 А всех умильных дураков,
 Пленённых знаком зодиака,
 С победным днем враждебных сил
 Не знаю, можно ли поздравить,
 Боясь возмездия могил,
 Погибших в несомненной славе..
 Что пожелать моей державе,
 Вновь завоёванной на треть,
 Победный подводя итог
 Её хранит теперь не Сталин,
 А некий безымянный Бог,
 И как на это посмотреть..
 Давно известно — время лечит.
 Как хочет, нас оно калечит..
 Дай Бог нам выстоять в борьбе,
 Хоть что-то сохранив в себе...

9 мая 2006

*с. Варламово, после митинга
у монумента павшим сельчанам*

У ПАМЯТНИКА К. МАРКСУ В СЕЛЕ

Стоит побеленный болван
 На пьедестале из бетона —
 Надменный житель дальних стран,
 Изобретатель лже-закона..
 Он здесь провёл эксперимент,
 Вполне, как кажется, удачный:
 Село пошло на экскремент,
 Как платье юной новобрачной..
 Из храма выстроенный хлев
 Давно пустует без скотины,
 Зато скотина, обнаглев,
 Сады объела до пустыни..
 Народ ликует от вина,
 Свободен от работ и чести,
 Но это — не его вина,
 А наша склонность к глупой лести..
 9 мая 2006
 Там же

СОНЕТ О СМЕРТИ

Смерть ходит рядом, понимая,
 Что ей подвластно всё вокруг:
 Почти овчарка неживая,
 И у сестрицы умер друг.
 Пусть был он не её супруг,
 Но эта рана ножевая
 Почти, как символ, но родная
 Умеет утешать подруг..

Сопrotивляясь зыбкой смерти,
 Мы проявляем суть свою.
 Вы нашей слабости не верьте —
 Мы, как солдаты, вновь в строю.
 Мы — дети войн, мы знаем голод —
 Для нас не властен смерти холод..
 23.00
 9 мая 2006. По приезду в город Ч.

СЛУЧАЙ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Вот бьют салюты дня победы,
 А молодежь пьянуща в дым..
 Ведь хорошо — курнуть с соседом,
 Таким же парнем молодым..
 Тут делать нечего седым,
 И не получится беседа,
 Но ветераны пьют усердно —
 Сочувствую я их родным..
 Идёт старик, тряся медали,
 Подтрунивает молодёжь,
 Никто, однако, не скандалит,
 Хотя у них давно балдёж..
 Пусть дед и свалится в канаву,
 Зато добыл стране он славу..
 23.30
 Вечер 9 мая 2006

* * *

Как просыпался виноград,
 По красоте неописуем,
 Высоких требуя наград,
 Листы узорные рисуя —
 Так пробужденье красоты
 Лопух нахрапистый, учуяв,
 Спешить выкидывать листы,
 Её размашисто линчуя.
 Соревнование идёт
 Природы дикой и искусной —
 И человеком будет тот,
 Кто сохраняет меры чувство,
 То удаляя лопухи,
 А то слагая им стихи...

19 мая 2006

с. Варламово.

Холодный вечер перед заморозками

* * *

А вот и наклонулась груша
 Которую я посадил,
 Но, если описывать лучше —
 Её я боготворил..
 Она доросла до подростка
 В том старом, усталом саду,
 Достигнув серьёзного роста
 И с буйной природой в ладу.
 Я бережно выкопал корни
 И с глиняной жижей её
 В деревне натужно-упорно
 Выращивал, словно новьё.

И вот холода миновали:
 Она зелена, как в серале..

БАННЫЙ СОНЕТ-1

Запах свежего листа
 Не почувствует невежа —
 Тот, кто ищет неспроста,
 Где прокисло и несвеже.
 Но заметил я, что реже
 Открываются уста
 Этих личностей, и брежжет
 Им всё реже красота..
 Буду париться я в бане,
 Свежим веником дыша,
 Пребываю я в Нирване
 И блаженствует душа.
 Ну, а тот, кому обрыдло,
 Сварит из дерьма повидло..

22.30

19 мая 2006

с. Варламово.

*Сосед отказался от бани, обещав нехотя прийти —
 и обманул.. Вот как!*

БАННЫЙ СОНЕТ-2

Убегу на другую планету,
 Уезжаю в другую страну,
 Где вообще телевизоров нету,
 Где послушаю я тишину...
 Я влюблен лишь в деревню одну,
 Где разгадывать можно секреты —
 Почему соловьи и рассветы
 Держат так сладострастно в плену...
 Здесь с берёзовым веником в бане
 Оживает не тело — душа,
 Здесь с любимой возможность признаний
 Целой жизни откроет мне шаг.
 Ради этих волшебных свиданий
 Станем мы ино-враз-планетяне.

23.30

20 мая,

с. Варламово

Чудесный безветренный день, синее небо и благодать посадки картошки, сбор и сжигание листьев, тополя и соловей!

СВЯТОТРОИЧНЫЙ ВЕНИК

(Новелла)

Когда я парил жену новым веником — он впервые удивил меня запахом — свежим и нежным, томным и обворожительным. Бане уже лет десять, но впервые мне попался на чердаке такой ароматный веник — мягкий и гибкий..

— Видишь,— при вторичной пропарке сказала мне жена, розовая от удовольствия и впервые с какой-то иной интонацией,— это ведь ты делал этот веник — потому он и пахнет. Ты всё время брал веники у друзей или на рынках — они заветренные, жёсткие, и листья у них отваливаются мгновенно... Это я тебя уговорила в прошлую Троицу — ты помнишь?

Я, естественно, почти ничего не помнил в сущности... Помнил, что срезал ветки, помнил, как выбирал тонкие прутики и избегал сучков и сухих наростов, помнил, как стыдился хилости получаемых связок перед упругими, купленными, которые были молодцеваты и стройны, как молодые парни-новобранцы в строю в зелёных гимнастёрках на подбор и щегольски подпоясанные шпагатом, будто ремнём.

А вот ведь — оказалось — что мой веник был наособицу пахуч и — впервые! — заслужил такую похвалу... От моей жены такое услышать — почти чудо... Скупы её похвалы..

Впрочем, я понял, почему она это сказала.

Сегодня мы впервые почти за год жили в деревне три дня.. Вырвать в мае такое для меня — исключение из исключений. А вот — получилось, и мы впервые в субботу могли понежиться с утра в постели, и вспомнить не только

о любви — столь редкой в наши годы — но и — благодаря распускающимся листочкам и почкам на яблонях — вспомнить и о предыстории нашей любви, о том робком, неуверенном, нежном времени, когда мы впервые познакомились и всё будущее висело на волоске, на ниточке тоньше паутинной и могло в любую секунду от дуновения ветра оборваться... И навсегда — прощай...

Страшно подумать — но это было именно так, и сейчас — после сорока с лишним лет жизни вдвоём — я с ужасом подумал — какая катастрофа могла произойти у меня с ней. И не было бы ни моих обожаемых детей, сына и дочери. Не было бы и ангельских внуков моих — ныне почти юношей. Не было бы и всей моей необыкновенной жизни, полной забот, ошибок, вдохновений, книг, рукописей, стихов, поэм, баллад, сонетов...

Ужас обуял меня, и я с дрожью в голосе спросил:

— А сколько лет до свадьбы мы были знакомы?..

И тут началась фантазмагория: ни она, ни я не могли посчитать — год-два-три...

Столько рваных, перепутанных, обидных и глупейших ситуаций произошло в те молодые годы. Оказалось — это была целая эпоха той, досемейной, испуганной и пульсирующей юношеско-девической поры, так что оба мы всеми силами постарались забыть это страшное время.

Думаю — правильно. Иначе нам бы не выдержать того ровного мощного неотступного давления семейной жизни, в котором совсем иной счёт годам и десятилетиям. Счёт на размер зарплаты и болезни детей, квадратные метры жилплощади и ступени карьеры... Счет извечный и балансовый до копеек и рублей, в котором задыхаются слабые духом и жаждущие удовольствий, недополученных в детстве или юности...

Но мы выдержали эти долгие годы, и поэтому сегодня утром, лёжа рядом в истоме от любви, вновь обжигающей нас, несмотря на годы, мы и затеяли этот невольный разговор...

— А ты знаешь, кто тебя вытолкнул провожать меня в тот вечер? — спросила жена...

И я опять не знал, кто именно это сделал... Помнил смутно ту свадьбу у друзей — соседей по дому, где неожиданно встретил двух прелестных сестёр, одну из которых знал издавеча по институту, а другую — медичку — видел впервые, и в контрасте с той, другой — бойкой и эффектной — эта медичка выглядела бледно и невзрачно...

Но у её сестры — Натальи — был уже парень, с которым она пришла на свадьбу наших общих знакомых, а медичка была одна. И одна собиралась уходить. И мне она вовсе не понравилась. И я, даже после танцев и выпитого, вовсе не собирался провожать замкнутую и гордую самой собой медичку... Нарциссизма у меня было с избытком...

И всё-таки меня кто-то чуть не взашей вытолкнул, предварительно задержав опасного (как выяснилось потом) претендента. И я безразлично и с показной галантностью (коей обучился с ранних курсов вуза) понёс какие-то авоськи с тортами, данные медичке для передачи её родителям, давними большими приятелями устроителей свадьбы, случившейся невесты когда... Ибо и спустя сорок с лишним лет мы не могли с женой вспомнить — когда именно это было... Была чужая свадьба — и всё...

— Но я помню, что ты потом приходила на мою защиту, значит — мы к тому времени уже были хорошо знакомы, ведь иначе ты бы не пришла...

— А я помню, что после знакомства была несколько раз на сборах — и в Ленинграде, и в Москве, и у меня были

совсем другие парни... А меня тогда «пасли» всякие добровольные «охранницы», которые, видимо, знали о твоём существовании, и каждый раз придя поздно, я получала от них упрёки и назидания.. И потом, помнится, меня всё время соблазнял наш доцент в институте — еврей-биохимик. И, если честно, была я не прочь от его ухаживаний..

Так спокойно и теперь почти равнодушно, но с достоинством отвечала мне жена, так и не соглашаясь на точное выяснение сроков — сколько же лет мы действительно провалялись между тем знакомством — случаем и последующей свадьбой..

Я-то знал, что моих собственных влюблённостей, испугов, расчётов и срывов в те грандиозные два-три года было... не пересказать.. Потребуется сотни страниц художественной прозы, чтобы передать вулканы тех юношеских дней, где смешались страсти и обманы, города и походы, слёзы восторга и разочарований..

Медичка долгие годы казалась мне неестественно-замороженной, ограниченной и затаённой на фоне ярких, доступных, эффектных красавиц времени поздней оттепели, происходящей в стране..

И вот теперь я узнаю, что кто-то хотел нашей встречи, кто-то оберегал мою будущую спутницу от случайных опасных знакомств, кто-то жаждал её внимания с расчётом и долго мстил ей за целомудрие и строгость поведения, так поразившую меня в первые дни и даже месяцы знакомства..

Естественно, проводив медичку, я вручил её в безопасности родителям, и те — о, моя наивность — удивлённо и горячо благодарили меня, угостив и пирогами, и чаем, и приглашая в гости, куда я — опять из пустой галантности — стал изредка заходить, имея очень много

побочных контактов, и знакомств, и увлечений, и вынужден был, естественно, прогуливать эту странную, словно немую, гордую медичку, не знавшую ни литературы, ни стихов, ни театра, в отличии от всех других моих приятельниц, брызжащих всезнайством и эрудицией..

Вот так и тянулись те годы почти ритуального ухаживания без внятных намерений, ибо медичка чуралась легкомысленных развязных компаний, была всегда молчалива и лишь где-то через год (а может — два?) позволила себя поцеловать при прощании..

Говорят — браки совершаются на небесах.. Возможно, но в нашем случае кто-то упорно сталкивал нас, даже когда мы пытались избежать друг друга..

— А кто сообщил тебе про мой день Рождения, когда ты прислала мне телеграмму, хотя мы не виделись чуть не пол-года? — спросил я.

Она не знала, не помнила, и даже — кажется — не придавала значения той телеграмме..

Но я-то знал, как повернула та бумажка всю мою душу, мою судьбу, мою жизнь..

«Поздравляю. Надеюсь. Жду» — было сказано всего три слова, а ведь я, казалось, давно забыл об этой медичке, и её любезных (лебезящих?) родителях, и о тех прогулках, где я вёл нескончаемые хвастливые монологи о литературных гениях, с коими знаком, о замыслах, коими наполнен, а она молча шла рядом, непременно под руку, но не отзывалась ни на единую удачную мысль..

И вдруг, с приходом телеграммы на мой мальчишник — а это был последний мой холостяцкий день рождения — я понял, словно молнией поражённый:

— Эта девушка — исключение из всех мыслимых и немислимых правил. Она тверда и обладает такой скры-

той волей, что тебе и не снилось.. Вертихвостки — нимфоманки, эрудитки — лесбиянки — это всё шелуха, пена на волне шархания нашей псевдоинтеллигенции.. Надо же, как я не понял, что она меня любит без слов..

Так была решена моя судьба.. Но кто же надоумил её послать телеграмму. Кто сообщил ей о дне, о моём дне рождения — жена и сейчас не могла вспомнить.. Правда, без помощи небес браки, может, и заключаются. Но люди им способствуют. И весьма..

Я лежал рядом со своей благоверной, вдыхая знакомый аромат её любимого тела, и вспоминал с благодарностью тех — уже ушедших — добрых и мудрых людей, которые так хотели нашего знакомства.

Да, конечно, среди них непременно была красавица Ирочка — старшая сестра того парня, на свадьбе которого я был, как товарищ жениха по дому, школе и даже вузу.. Ирочка была бездетна, безумно красива, а я всегда восхищался ею — похожей на киноактрису, ладной и живой, остроумной и уверенной, ибо видел в ней идеал своей будущей избранницы. Но — увы — она была старше почти на десять лет, подробно знала мои ранние стихи, и хвалила их — ведь она была учительница литературы.. И именно ОНА — только ОНА — могла и подстроить приход двух сестёр, одна из которых и должна была стать моей женой, по её замыслу..

Именно ОНА и сообщила благосклонным ко мне родителям моей недотроги-медички о моём дне рождения, ставшим поворотным в моём решении на перемену в жизни.. Она всё знала от родителей медички, и ею были продуманы все дальнейшие мои импульсивные действия..

Добрый ангел нашей семьи — Ирина Ивановна Логинова. Спасибо тебе спустя сорок пять лет — говорю я.

Именно там — на небесах ты смотришь на нас, лежащих на тёплой постели, уставших от любви и испытаний жизни, и жена впервые говорит мне чуть назидательно (как обычно):

— Я тебе говорила — делай веники сам. Видишь, какая разница, понял?..

— Понял,— говорю я, понимая по этим совсем другое..

20.05.06

БАЛЛАДА О ПРОХОДИМЦАХ

Люблю проходимцев
 Особой любовью,
 Поскольку они
 Укрепляют здоровье:
 Отрыжка от них
 Укрепляет живот,
 А лстивость для них
 Прочищает мне рот...
 К тому же у них
 Откровенность во всём:
 Использовать нас,
 Как обычный роддом:
 Родить, воспитать
 То мыслишку, то дело,
 А дальше — отдать
 Им использовать смело..
 В том прелесть их помыслов,
 Прыть естества,
 Нечуждой, конечно,
 Слегка воровства..
 Сегодня — их время
 Торжественный час,
 Когда они любят
 Использовать нас..
 Дай бог им здоровья
 И крепкого сна,
 Поскольку злословью —
 Копейка — цена,
 А сны их тревожны,
 Как всяких воров,

И печень, возможно
 Зовёт докторов,
 И совесть — пуглива,
 Хоть разум могуч,
 Пьют пенное пиво —
 На доньшке — ключ..
 И ключик от сейфа
 В набрюшнике спит,
 Отрыжка от кейфа
 Добро им сулит...

27.05.06

ЗАПАСЛИВАЯ СТАРОСТЬ

Как хорошо, что мне досталась
 Весьма запасливая старость:
 Сумел я много запастаи,
 Чтоб груз суровых лет нести:
 Наивность, простоту и глупость,
 По мелочам — в одежке скупость,
 Доверчивость по части дел
 И в романтизме беспредел.
 Сумел себе готовить кашу,
 Любить под вечер простоквашу,
 Быть без ума по части пса
 И птички слышать голоса.
 И вот — по милости господней —
 Я различаю, что «сегодня» —
 — Мгновенье не моей лишь жизни,
 А шаг в истории отчизны...

28 мая 2006

Утро в Варламово
Тепло и благостно

СУТЬ

Главное — отмечать существенное от несущественного...

Заповедь Тимофеева-Ресовского

В безумном хаосе судьбы
Среди борений и мучений
Не ведал кто в пылу борьбы
Тоски и тягостных сомнений...
Тщета в погоне развлечений
И предков тихие гробы
Готовят горечь огорчений
И ставят метки на столбы.
Но есть способность у раба,
Что Господом дана не даром —
Интуитивно в поте лба
В бореньи различать удары:
Пусть пуля душу обожжёт,
Но сердце боль переживёт.

28.05.06

Полдень

ПОИСК СУТИ

Сущность от не сущего
Как нам отличить...
Девушка влекущая
Хороша в ночи...
Друга обязательство
Иль болезнь дитя —
В разных обстоятельствах
Мы живём, шутя...

Вдруг — мгновенье выбора,
Как избрать пути..
Но подобьем киборга
Выбор не найти.
Просчитать немислимо,
Где и в чём успех..
Повод многочисленный —
В честь одеть доспех...

27 мая

ВЬЮН

Как же ловок, хоть и юн,
Этот самый хитрый вьюн:
Притаился в глубине
С сорняками наравне,
Но, когда всевластный суд
Тем все головы снесут,
Вьюн — попрос и тут как тут..
Ловко выйдя из глубин,
Он снаружи Господин,
Он по палочке любой
Завладеет высотой,
Он по ниточке наверх
Перейдёт любой барьер —
Мастер всяческих карьер..
Изумлённо ахнет власть —
Сорняковая напасть!
Весь увила чудный сад,
Вместо рая сделал ад..
Сей небасенный сюжет
Написал не зря поэт...

27 мая 2006

БУДЬТЕ, КАК ГОЛУБИ

(микро-трактат)

Я вспомнил эти известные евангельские слова, когда в очередной раз в майские дни полез на голубиный чердак своего дома. За самым прозаическим делом: набрать еще пару ведер помёта этих докучливых и смиренных птиц, живущих в моём старинном доме, верно, столько — сколько он сам стоит на свете... А это почти полтора столетия, за которое сменилось чудовищное число поколений, судя по толщине гумусного слоя на чердаке, засыпанном когда-то древесной и каменноугольной золой, а теперь ставшей таким ценным продуктом, что за десять лет я не выбрал и сотой доли этого продукта их бурной жизнедеятельности..

Как всегда, едва я открыл крышку чердачного люка, стая стремительно вылетела в широко открытые слуховые окна, оставленные для них в качестве аварийного выхода мною вот уже пару лет...

Раньше эти окна были застеклены, и голуби пользовались воздушными продухами в старой части обширного чердака, но в пристрое, где был поставлен накопительный бак от скваженного насоса, и куда доходило тепло от парового отопления, голубям было зимой чуть-чуть вероятнее выжить в суровые зимы. Поэтому они скапливались там всё больше и охотнее, несмотря на мои частые выходы на чердак для хозяйственных нужд: чистка и наладка бака, контроль и починка приводных труб и вентиляей, проход на саму крышу для сбрасывания снега к весне..

Они так привыкли к новой зоне чердака, что охотно клали там яйца весной и даже летом, и мне приходилось осторожно обходить эти их белые изящные обиталища будущих голубей, что, прямо скажем, было неловко: ла-

зил я всегда туда в сапогах и в озабоченности, не всегда различая в полутьме новые места гнездований, иногда уже имевшие крошечных жёлто-сизых птенцов, как правило — парами пищащих от ужаса перед моим появлением...

Вот поэтому я и оставил окна чердака без стёкол, когда их постепенно побили своими мощными костяками самцы, взлетая от моего появления стремительно и прямо на свет, явственно видимый только через широкие стёкла моего пристроя..

А что было делать — птицы они пугливые, осторожные, охранять свои гнёзда не умеют, а у меня ни один деревенский кот попасть на чердак никак не сумеет, довольствуясь лишь оплошностью молодых подлётков, коих перья я часто находил во дворе возле стен — каменных, но скользких, с которых, видимо, и падали неловкие и плохо летающие подростки, попадая прямо в лапы хищным аборигенам деревни..

Словом, к голубям я привык, почитая в них удивительно жизнеспособных и кротких птиц, хотя они и досаждали мне, заваливая желоба водостоков своим помётом до такой степени, что зачастую, при ливнях, вода перехлестывала через борта и заливала мне не только чердак, но и белоснежные гипсовые потолки, с таким трудом восстановленные в этом старинном доме..

Но привычка к голубям и тем трудностям, которые они вызывали, в этот раз вдруг омылась каким-то новым изумительным чувством: «а ведь они, действительно символы христианства, о которых, видимо, не зря так часто говорил Христос:

«Живите, как птицы небесные, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы и Отец Ваш небесный питает их»...

Да, поразительно, как переживают зиму эти терпеливые, не перелётные птицы. Как выносят бескормицу из-за малости лошадей и коней у нынешних селян...

Но ещё удивительней другое — взлетая при каждом моём появлении на чердаке, они абсолютно не желают никакого контакта со мной и вообще не считают меня ничем, кроме врага и угрозы, хотя я частенько ставлю им в миске во дворе отходы каш или пшено, которое они урядкой от меня, естественно, охотно клюют...

И вдруг меня осенило: это — модель самого глубинного христианского поведения — не контактировать, не соприкасаться со злом, вообще не идти ни на какой диалог с ним...

Так молча гибли первохристиане, не признавая ни самих римлян, ни их суда, ни их образа жизни...

Так индусы молча отказывались повиноваться англичанам, глухо и немо игнорируя их школы и занятия, идеалы и образ жизни...

Великий Ганди таким способом добился ухода Англии из древней и великой Индии, и это способ снова сработал, как и в рухнувшем от Христиан Риме...

Учиться неучастию в любом злом и неправом деле, молча уходя, улетаая, покидая всякого, чьи намерения нечисты, подозрительны, двусмысленны — вот что, по-видимому имел в виду Христос, когда возводил Голубя в символ высшей духовности, чистоты помыслов, не способных на малейшую подлость...

Спускаясь с двумя полными помета вёдрами с чердака, я крепко и долго думал, занимаясь подготовкой земли под помидоры.. Господи, как неожиданно предстаёт перед нами каждая твоя фраза, каждая через тысячелетия прошедшая притча, и как много нужно знаний и опыта, чтобы это понять..

Вернее, даже не понять, а едва догадаться — поверхностно и с горячим сердечным трепетом.

Поистине, как вечны голуби на этой земле — вечны евангельские таинственные формулы бытия..

Человеческого, если хотеть сохранить эту разновидность живых существ на планете..

27—28 мая 2006 (ночь)

с. Варламово

Р. С. Думается, это — результат моего увлечения взглядами Толстого, коего православие люто отвергает, увы..

* * *

Эти голуби не кормятся из рук:
 Человек для них — совсем не лучший друг.
 Эти голуби, как дикие, живут,
 Свой верша закон и даже суд..
 Кротость голубя — поистине секрет
 Многих сотен миллионов трудных лет,
 Пусть их даже и удаётся приручить,
 Даже почту им возможно поручить
 — Всё равно в своей природе тех свобод
 Человек им, даже кроткий, не даёт..
 Дикий голубь — голубь наших чердаков —
 Видно, вовсе не настолько бестолков..
 В храмах Господа — Всесильного Христа —
 Белый голубь нарисован неспроста..

28 мая 2006

Та же ночь с размышлениями

МЕДЬ И БРОНЗА

(новелла)

— Ну ты хоть помнишь, как мы с тобой в прошлый раз были в Уфалее? — спрашиваю я внука, грызущего чипсы на заднем сидении..

— Помню, мы тогда в бане мылись у твоего приятеля. Он, кажется, тоже писатель, только с бородой и старый..

Внуку двенадцать лет: он окончил вчера шестой класс и едет со мной простывшим, чихающим и кашляющим, но бодрится.. Едем мы вторично в надежде попасть на родину Бажова в Полевское, куда не могли год назад попасть из-за проливных дождей, потопом заливших тогда все дороги..

Сегодня с утра солнце, но сзади я вижу через обратное зеркало — собираются грозовые тучи, и я волнуюсь — вдруг опять не получится. Рисковать со слабым городским мальчуганом в длинной горной дороге я теперь побаиваюсь: случись что на пути — куда я денусь в незнакомых местах.. А внук — хотя и подросток — беспомощен, как мне кажется..

— В Уфалее что добывают, помнишь?..

— Железо, кажется, или цинк, — не помню, — безразлично отвечает он, шурша пластиковым пакетом.

— Какое железо — это чёрный металл. А здесь цветной металл добывают, и вовсе не цинк. Цинк — это у нас электролизом получают в городе, а здесь никель.. Что из него делают?

— Почем я знаю, чего-нибудь полезное..

— В кармане у тебя, у меня, почти у всех этот металл.

— Серебро, что ли? Ты мне в Миассе, помнишь, купил серебряный рубль. Кстати, он почти весь стёрся.. А на нём — царь Николай, которого в Свердловске уби-

ли... Я помню, мы с тобой давно ездили, где его похоронили...

— Не увиливай! Совсем не серебряные монеты у каждого сегодня в кармане, а никелевые, точнее — сплава с никелем... Вон, видишь, отвалы от этого блестящего никеля...

Мы подъезжаем к Уфалею, и жуткая могильно-чёрная гора отвала вырастает перед нами в контрасте с зелёным березняком и пёстрыми яркими дорожными знаками...

— Вот это да! И это тоже никель, что ли?

— Это отвалы. Отходы. Из одной тонны руды — грамм двадцать чистого никеля...

— Всего-то! Впрочем, я вспомнил — нам в школе показывали какую-то руду — красную с прожилками...

— Путаешь ты — то была железная руда, а никелевая — другая, серая. Я покажу... А какой металл люди первым плавить начали, ты хоть помнишь?..

— Железо, конечно. Ты мне все уши про железо прожужжал. В Тагиле когда были и в Златоусте...

Ему явно надоело уже говорить про металлы, и он пристально высматривает на улицах городка, куда мы въехали, магазины или киоски, готовясь опять просить купить ему чипсы, или хрустящие хлебцы или пироженку. Он знает, что колу я ему не куплю, ибо в машине есть специально для питья квас «Никола», который произведён по русскому рецепту и который похож на пиво, что ему очень нравится...

— Так вот, дорогой, пока ты не ответишь правильно — ничего тебе не обломится. Железо требует свыше тысячи градусов для плавки, а то, что добывали раньше его — гораздо меньше. Мы куда едем-то, приятель...

— На родину Бажова, ясное дело...

— А он про что писал?

— Про «Малахитовую шкатулку».

— А что такое малахит?

— Камень такой...

— Что из него добывали?

— Ничего. Красивый камень. Зелёный. Сто раз видел. В Миассе, в геологическом музее. Я не забыл, учти...

— Это какая руда в нём?

— Да никакая. Это камень. Хороший и всё.

— Это — тоже сырьё для древнего металла, паразит ты этакий...

— Для олова, что ли?

— Балбес! — зверею я, чуть не пропуская неожиданный светофор, — это руда для первого металла человечества! самого древнего и самого нужного и сейчас, и при Бажове, и при Петре Первом... Какой металл, мракобес ты этакий!

— Понятия не имею. Подскажи! — гундосит мальчик, вот уже пять лет очарованный компьютерными играми, гонками и монстрами, для которого я и сам — настоящий надоедливый монстр...

— Это же надо поглупеть. И совсем забыть про... — кричу я, останавливаясь перед гостиницей Уфалея.

— Медь! Медь! — догадывается мой потомок, и тараторит: «Вспомнил, вспомнил. Из неё и мечи, и щиты, и шлемы делали, а она не ржавеет, и она на монеты шла... А что малахит и медь — правда родственники?..»

— Как мы с тобой, — ещё кипя яростью, отвечаю я, замечая, что первые капли дождя уже застают нас возле приюта, где мы переночуем, откуда завтра двинем на родину Бажова, где добывалась медь около тысячи лет назад, а может быть, и раньше...

— Понял, понял,— тараторит внук, не теряя надежды на чипсы с беконом и вечерний променад в гости к боро-дотому писателю..

— Про медь я теперь вспомнил ещё, что там у Бажова все в шахте её рубили, точнее — не саму медь, а руду, и даже знаю, что она в сплаве с оловом давала бронзу!

— Верно,— сразу разомлев от его утлых знаний, отвечаю я, вдруг чётко понимая, что всё, чего он хочет, мне ему придётся обеспечить: и чипсы (они мне и самому нравятся), и баню (ибо к писателю я и сам хочу добратся), если вспомню дорогу среди деревянных домишек на окраине на берегу какой-то речушки или ручейка с мостом из железобетонных плит, ведь то, что он про бронзу мне доложил — это мне нельзя не отметить из педагогических целей..

«Дети — это капитал,— говорят американцы,— а внуки — это проценты с капитала»..

Мои проценты пока крохотные, но, видать, капиталец мой невелик. Надо ещё сколько трудиться и вкалывать, чтобы проценты набегали посolidнее..

— До вечера,— бурчу я, поднимаясь с ним в номер с вещами,— будешь сидеть в номере один, и телевизор не включать! Только читать будешь! И мне доложишь, что прочёл!

— Да я, дед, знаю: в этой дыре всего три канала на экране, как в деревне.. У меня книжка с собой, не волнуйся..

— Какая? — совсем приходя в разум, менторским тоном заканчиваю я диалог.

— Как ты просил — Майн Рид «Всадник без головы»... Доволен..

Конечно, я был доволен: доехали в срок, дождь пусть идёт хоть до завтрашнего утра, и мой внук принялся читать самый любимый роман моей подростковой поры..

Да, может, я зря на него так ору: сам-то я в его годы про бронзу понятия не имел, что это сплав. И, кстати, в компьютерные игры он уже два месяца как не играет — по просьбе моей дочери — его мамы.. Точнее — полтора..

Написано 31 мая 2006 г. после поездки в Уфалей и Полевское в течение 29—30 мая

*Посвящается Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому,
гениальному русскому учёному, биофизику и философу
(1900—1981 г.)*

«ВЕЛИКИЙ ЗУБР»

(Поэма)

Вступление

В подземной толще преисподни,
В каменно-угольных слоях,
Не в силах мы понять сегодня
Тот древний ужас, древний страх,
Когда, шахтёром подневольным,
Рубя познания тайных ствол,
Шёл Человек путём окольным,
Снося стихии произвол.
Геологическое время,
Леса былые спрессовав,
Его горячее темя
Давило сводом древних лав.
Удар неверный или искра —
И содрогнётся, тело сжав,
Подземный пласт, в чаду неистов,
Как столкновение держав..

И человек почти бессилён,
Попав в расщелину беды,
И не сыскать по всей России
Его ничтожные следы..

Но есть среди людей Титаны.
Один из них Великий Зубр..
Он жил неистово и странно
В среде таинственных фигур.
И в рухнувшем двадцатом веке
Он — выше всех земных владык —
Стал постепенно и навеки
И чистосерден и велик.

О нём рассказ на фоне века
Мы откровенно поведём,
Поскольку время — это веха,
Что мы для внуков сбережём.
Национальные герои,
Былин достойные давно,
Пусть вырастут в словесном строе,
А не в мелькании кино.
Лишь Слово остановит время,
Осмыслив тайные пути,
Подобно чёткой теореме,
Где произвола не найти.

И ты, Читатель вдохновенный,
Склонись над строками в тиши,
Чтоб выznать вызов дерзновенный
Своей мужающей души..

**Глава первая.
«Учителя»**

*Не то, что мните вы, природа.
Не слепок. Не бездушный лик.
В ней есть душа. В ней есть свобода.
В ней есть закон. В ней есть язык.*

Ф. Тютчев

Уходит в глубь времён стезя
Земного племя Человека.
Понять, что будет — нам нельзя,
Понять что было бы от века,
Такою мыслию томим
Всегда был Человека разум,
Но был в России исполин,
Что захотел понять всё сразу.
Вернадский — недр земли знаток —
У Менделеева учился,
Насквозь он землю видеть мог,
Как в сказке про гуся и Нильса.
Когда в России взвился вал
Переустройства государства,
Он словно бы заранее знал
Вершителей земных коварство.
Раззор и голод, как всегда,
Во времена великой смуты...
Его великая беда
Толкала к мысли почему-то.
Он — академик — огород
Затеял у друзей в изгнании,
И вдруг земной круговорот
Постиг в единстве Мироздания.

Где черви строят чернозём,
А травы поглощают Солнце,
Он понял — на Земле живём
Мы, как природы незнакомцы.
Всё просто: есть живая Мощь
В огромном Космосе холодном.
Как оживит пустыню дождь —
Так Жизнь бессмертна и свободна.

«Жизнь от травинки до меня
Едина в страсти размноженья.
Земли стихия иль огня
Над ней не властны в постижении.
Материя, что знал Ньютон,
Шары чугунные катая,
Не размножается потом,
Как люд великого Китая.
Земной поверхности пласты
Несут остатки прошлой жизни:
В известняке увидишь ты
Морских ракушек организмы.
В глубинной шахте для добыч —
Деревья каменные в недрах.
То жизни отшумевший клич,
Что Солнце накопило щедро.
Миллиарды лет здесь шёл процесс
Круговращения земного,
Жизнь — автор всех земных чудес —
Происхожденья неземного.
Итак — Пространство, Время — суть
Не все параметры Вселенной.
Живое с Косным не забудь:
Они всегда в борьбе нетленной!..»

Так сделал выводы мудрец,
Живого вычисляя массу,
И БИОСФЕРУ, наконец,
Расшифровал, деля на классы.
Пусть шла гражданская война,
Где убивали, изгаляясь —
Он вник в иные времена,
В открытии не сомневаясь..

Глава вторая. «Биосфера»

Ты, мой читатель, видишь мир
Давно забыв открытья детства.
Возможно — деньги — твой кумир,
А не испытанное средство.
Но, помнишь, может и тебя
Влекли и травы, и растенья,
И, в пищу их употребляя,
Испытывал ты наслажденье.
Мир насекомых, мир зверей
Тебя сегодня не колышат,
В борьбе за право меж людей
Тебя б заметили, услышав.
Ты понимаешь право жить
В борении за наслажденья,
То — зов и тела, и души,
Тебе доступный, без сомненья.
И раздражают лишь тебя
Препятствия на сей дороге:
То дома долгом теребят,
А то начальства слишком строги.

И некогда понять ту связь
Между растеньем и тобою,
Что обнаружил, удивясь,
Вернадский формулой такою:
«Мы неразрывны на Земле
С зелёным веществом планеты.
Пусть нарастаем мы в числе —
Нельзя бездумно делать это.
Мы не хозяева — увы —
В своем бесчинстве у Природы.
Законы жизни у травы —
Ограниченье нам свободы..»

Ты слышишь пенье певчих птиц —
Они поют тебе о том же:
Для человека нет границ —
То лозунг безответных бомжей.

Почти столетие назад
Вернадский в слове «биосфера»
Нашел границы тех преград,
Что человеку ставит мера..
Ещё земля была полна
Зверьми и птицами без счёта,
И увлекала всех война
И в развлечении охота,
Ещё бензиновый мотор
Неспешно гнал в пути колёса,
А физики вершили спор
Насчет атомного вопроса,
И миллионами — заметь —
Стрелялись зубры и бизоны,

И становилась редкой медь,
А нефть открыла старт сезона..

Стремительно двадцатый век
Входил во вкус войны с природой.
Всесилен наглый Человек,
Коль наслаждается свободой..

А между тем — опять заметь! —
Одним растением съедобным
Жил Человек, и даже в смерть
Его в могилу нёс удобно:
Европа — хлебное зерно,
Китай великий — рис прославил,
Индейцы с Богом заодно
Маис поставили в заглавьи..

Ход человеческих веков
Стоял..на ЗЁРНЫШКЕ Природы,
Хоть был порядком бестолков,
Ища то пицци, то свободы.
Кормить животных и себя,
Воздвывая трудно землю,
Леса попутно истребя —
Был путь единственно приемлем.
Но — посуды — леса убрав,
Полмира превратя в пустыни,
А сколько дерзостных держав
Уже отсутствуют отныне..

О том Вернадский и вещал
В Париже и Москве открыто,
Что тайна, скрытая в вещах,
Должна быть ныне не забыта.
Но век был молод, и едва
Во вкус входило наслажденье..

Так,мышь отведавши, сова
Летает в ночь, как привиденье

Так молодой и крепкий волк,
Почуяв нюхом запах крови,
Идёт со стаей на восток,
К лосиным лёжкам меж гнездовий..

Глава третья.

Герой — как архетип

Ровесник века — наш герой,
Естественно возрос в России,
И Киев древности седой
Изведал в годы молодые.
Средь братьев — старший верховод,
Рыбак, охотник и бродяга.
Он знал и сочный анекдот
И царский гимн подъёма флага.
Выносливый не по летам,
Азартный в лодочном походе,
Он всё хотел изведать сам,
Привыкнув с юности к свободе.
Он был отменный человек,
Гордясь наследственным дворянством,

Он ладил сам себе ковчег
Для жизненных грядущих странствий.

Когда же умирал отец —
Ему всего тринадцать было.
В роду стал старшим наш юнец,
Ресовским ставши до могилы.
То речка малая Реса,
Откуда род происходил сей,
Российской прелести краса,
Которой он всегда гордился.
И вовсе не был он как зубр —
Был Тимофеевым-Ресовским,
И революции грозу
Он встретил парнем растаковским.
Студентом будучи, меж тем,
В войне участвовал на диво,
Нося красноармейский шлем,
Махая саблей горделиво.
И в конных схватках, разочтя,
Узнал статистику удачи —
Азарта шалое дитя,
Что хочет мир переиначить.
И всё же был он «архетип»,
Что значит «человек традиций».
Такой живёт, пока не влип,
Имея повод для амбиций.

Он знает точно «низ» и «верх»,
«Нельзя» и «можно», ночь и утро,
Что делать завтра и в четверг,
Что значит «глупо» и что «мудро».

Он знает «Родина — права»,
Начальство ведаёт, что надо.
И помнит классиков слова,
За что положена награда.

И только старый анархист,
Кропоткин — князь, кумир эпохи,
В нём пробудил внезапно мысль,
Что коммунисты — кабысдохи..

Ту встречу помнил он всегда,
Как Дарвина сумел поправить
В беседе с ним тот бородач,
Толкнув его на поиск правды:
«Борьба в природе — только часть
Существования живого,
Природа знает также власть
Сотрудничества, как основу.
Стада тюленей, стаи птиц,
Киты, плывя по океану,
Не знают в помощи границ,
Сотрудничая постоянно.

Чарльз Дарвин видел берега,
Где жизнь тесна разнообразьем,
А я — где север и снега
И где насилью нет соблазна.
Учти, мой друг, от рыб до птиц
Взаимопомощь так чудесна,
Здесь не поможет метод — блиц
И в кабинете с чаем кресло...»

Так ихтиолог — рыбовед
 Впервые получил сомнение
 В доподлинности тех примет,
 Что пишут в книгах для ученья.
 Впервые он увидел цепь,
 Где связь нужды и несвободы,
 Где выживание в конце
 Сложнейших игр самой Природы.

И он... женился! Навсегда
 Связав себя законом чести,
 Чтобы и радость, и беда
 Были всегда с подругой вместе.
 Гармония такой четы
 Во всех скитаньях ореолом,
 Как символ высшей красоты,
 Им осветила путь тяжёлый.
 Он словно видел этот путь
 И присягнул ему с подругой,
 Поскольку видел жизни суть,
 Входя в черту ИНОГО круга...

Глава четвёртая. Становление Зубра

*Главное — отличать суще-
 ственное от несущественного.*

Н. В. Тимофеев-Ресовский
Истории

Итак — биолог. Перед ним
 Вся эволюция живого.
 Он молод. Нищетой храним
 От себялюбия пустого.
 Его наставник — сам Кольцов,
 Исследователь и профессор,
 Разоблачитель подделков —
 Мистификаторов чудесных.

Еще не злобна власть к мужам —
 Носителям высокочазанья,
 Хотя по разным рубежам
 Отсланы умы дерзанья —
 Философы иных идей,
 Соперники в борьбе за массы...

В России — лишь грызня вождей,
 И истребленье старых классов..
 Но Академия Наук
 Пока в спокойствии иллюзий,
 Что большевизм — науке друг
 И опасается конфузий.
 Психианализ жив пока,
 Хотя весьма под подозреньем,

Лишь Бог смещён наверняка,
И в том — ни капельки сомненья.

Идёт Большой Эксперимент.
А с ним — и малый, но научный,
Он у Кольцова — ассистент,
По-сути, лаборант-подручный.
Окидывая даль веков
Чередования в биомассе,
Они исследуют... жучков
И в том своё находят счастье.

Шагает по Отчизне НЭП
И возрождается хозяйство,
А их волнует — о, не хлеб! —
Фруктовых мушек разгильдяйство.

Они выращивают крыс
И скрещивают цепь полёвок,
Не признавая компромисс,
С природой не терпя уловок.

Они уходят вглубь веков,
Где эволюция быстрее,
Мышей рождая иль жучков,
На изворотливость хитрее.
Поймать — немедленно поймать,
Как признак появился новый,
И измененья угадать
У мух, у крыс иль у полёвок.

Откуда этот ход работ?
Чем озадачен Тимофеев?
Он вслед за Дарвиным идет,
Но только зорче и быстрее.
Ведь жизнь, живое вещество
Миллионы лет пути искала
От вируса и до Того,
Кто краскою писал на скалах..

Откуда родом Человек —
От моря, от его стихии.
Миллиарды лет — его разбег,
И в клетке — тайны родовые.
Там — код разгадки. Это ГЕН.
Но он — невидим в микроскопе,
Но чувствует лучи рентген,
Меняя следствия и опыт,
И пусть неясен механизм
Путей наследственных в природе —
Имеет свойства организм.
Аукаться потом... в урде.

И тут терпенье — не азарт —
Родные спутники науки..
Уже выходит он на старт,
В приёмах — мастер на все руки..

И тут приехал мистер Фогт —
Маэстро, ас по части мозга,
Что изучение ведёт
Всей гениальности серьёзно.
О, Фогт! Германский лицедей!

Такой он ловкий в этом деле,
 Что все властители людей
 К нему любовью загорелись.
 Он мозг Великого Вождя,
 Что в Мавзолее, изучает,
 И всем, немного погодя,
 Открыть все тайны обещает.
 И гениальности секрет
 Он ищет в срезах полушарий,
 Его открытия ответ
 Ждут все вожди на этом шаре...

Генетика? Ему она,
 Хоть непонятна, но, возможно,
 Частично в опыт включена,
 Продвинет знания осторожно...

Тут нужен крепкий, молодой,
 Проверенный Высокой Властью,
 На год — на два. Пусть и с семьёй,
 Эксперимента точный мастер.
 Пусть не хватает с неба звёзд,
 Не вздорный Гений — а сотрудник,
 Пусть беспартийный. Не прохвост...
 С которым ладить бы не трудно...

Кольцов, сомнений не имея,
 Рекомендует: «Тимофеев»,
 И едет всей семьёй в Берлин
 Российский верный муж и сын.

И машет вслед ему Кольцов
 — Наставник резвых удалцов...

Глава пятая. Эволюция Революции

*Делают революцию романтики,
 а результаты присваивают негодяи.*

Н. В. Тимофеев-Ресовский
 (в беседе с автором — 1960 г.)

За четверть века лишь едва —
 А он уже руководитель.
 Кружится даже голова,
 Ведь разум — он и соблазнитель.
 Свобода выбора — кому
 Она так просто достаётся,
 А ассистенткой взять жену —
 Был неспособен даже Моцарт...
 Какие немцы простаки,
 Они доверчивы, как дети,
 Не то в Москве — большевики
 К всему презрительны на свете...
 Прекраснодушен немец Крупп,
 Как попечитель института,
 Макс План изысканно-неглуп,
 Но церемонен почему-то.
 Приходится носить сюртук
 Взамен удобнейшей рубахи
 И пожимать десятки рук,
 От этикета даже в страхе.
 Но вот строительство теплиц
 Великолепно удаётся,
 Хотя в вольере нет для птиц
 Артезианского колодца.

Но есть рокфеллеровский грант
И приглашение для лекций,
И чувство — может есть талант,
Но маловат запас коллекций..

Так он выходит за барьер
Посредственности добродушной,
Ему и деланье карьер
Становится внезапно скушно.

И он плюёт и на диплом,
Что не получен при учебе —
Он знает выше ремесло:
Изведать мир на лад особый.
Он понимает — этот миг
Везенья — не его заслуга,
Кольцова верный ученик —
Теперь он в нём увидел друга..

Кольцов, Вернадский у него
Довольно часто пребывая,
Рассказывают — над Москвой
Встаёт заря, как огневая..
Угрюмый Сталин правит власть.
Кругом — враги и террористы,
И все мечтают — как напасть,
Имея помощь за границы.
Фантомы ширятся везде,
Имея признак инспираций,
Когда окажутся в беде
Лишь жертвы нужных провокаций.

Галлюцинирует почти
Вся старой гвардии верхушка,
Расширив в ужасе зрачки
И слатывая от удушья.

Опережая каждый факт
Известный с Родины, Ресовский
Предвидит паузу, антракт
В игре стремительно-бесовской.
Как эволюции знаток
И почитатель дарвинизма,
В душе подводит он итог
Эксперимента коммунизма.
И видит — Гитлера рывок —
Аналог Сталина насилия,
И понимает — краток срок
Эксперимента и в России.

Но он упорно лезет в суть
Феноменов внутри природы,
При этом отсекая муть
Явлений расовой породы.
Нет, Человек, конечно, червь,
Но он наследием богаче,
Ему нужна не во враче,
А в состраданьи и удаче.
Пищеварительный инстинкт
Нуждается в контроле мозга.
Вернадский правильно постиг,
Что значит Разум грандиозный.

Когда в Америке конгресс
 Биологов — крупнейших в мире —
 Исследовал людской прогресс,
 То Разум стал понятней шире.
 Он действует и вглубь, и вне,
 Он динамичен и статичен,
 И он в опасности втройне,
 Когда к народу безразличен.
 Он — всей планеты поводирь,
 Продукт развития природы,
 Он действует и вглубь, и вширь,
 Творец осмысленной свободы.
 Недаром, только слабым вождь
 Потребен в прагматичной цели...
 Германия — куда идешь?
 Страна, где люди озверели...

Так, посредине двух огней
 Он постепенно остается —
 Науки верный Прометей —
 В эксперименте, как в колоде.
 Ему потребен микромир,
 Разряды атомов, нейтроны,
 И Циммер — физики кумир —
 Ему помощник всесторонний,
 Его оружие — монохром,
 Анализ спектров излученья
 И дрозофил аэродром
 В лучах рентгено-превращенья...

Ещё нет атомной войны,
 Ещё далёко Нагасаки,

Но все они увлечены
 Хоть искру света дать во мраке,
 Найти разгадку — почему
 Однонаправленно Природа
 Шла к человеческому уму,
 Вдыхая запах кислорода...

А всюду — углекислый газ.
 Разрывы бомб. Исчадь ада.
 И оглушенье слабых масс
 И смерть. И виселиц награда.

Уходят в смерть Учителя. —
 Кольцов, объявленный фашистом.
 Вавилов гибнет, но не зря —
 Ресовский в рвении неистов.
 Он вычислит с Дельбрюком ген,
 Как некогда — планеты Кеплер,
 Приняв изгнание взамен
 Советского «великолепия»...

Отвергнув возвращенье в дом,
 Где вся генетика — в проклятьях,
 Он русским твёрже стал притом
 И в эмигрантах видел братьев.

Несчастье Родины, где власть
 Захвачена двуличной Кастой,
 Совсем не значило, что мразь
 Способна дать народу счастье.
 Беседуя наедине
 С интеллигентами в изгнании,

Он Родину любил вдвойне,
 Как мученицу в терзании.
 И в дни войны он привечал
 В лаборатории свободно
 Еврея — мудрого врача,
 Иль пленника, что был голодным.
 Он стал, как вызов всем властям —
 Немецким в расовом угаре,
 И русским, где царил бедлам
 И корчилась страна в кошмаре.

Но даже в самый страшный час,
 Когда фашизм подлез к столице,
 Он знал получше всех начальств,
 Что вся Россия возродится.

И сыну — юному Фоме —
 Внушил он стать антифашистом,
 Хотя предвидел, что в тюрьме
 Тот по доносу будет быстро...

Когда страна, сломав хребет
 Арийской гадине, победно
 К Берлину проложила след,
 Он был готов пропасть бесследно.

Гринёв так — пушкинский герой —
 Меж вражних станов очутился,
 Как пленник Чести всеблагой,
 Достоинства печальный рыцарь...

Глава шестая. У родины в секрете

*Быть в секрете — значит скрытно
 стоять на посту безопасности...*

Из воинского устава Петра Великого

Читатель, ты готов прочесть
 Десятки книг о мудром Зубре,
 Где месть запрятана под лезье,
 А человеку неподсудна.
 Страшилище Левиафан —
 Священный идол Государства,
 Средь всех, без исключенья, стран
 Исполнен мести и коварства.
 Есть в том природа властных сил —
 На полу-правду опираясь,
 Встаёт светило из светил —
 — То карьерист, а то — мерзавец..

В нём — квинтэссенция ума
 Наличной суммы интеллекта,
 Что носит нация сама,
 Себя считая за субъекта.

Так рассуждал и мудрый Зубр,
 Ещё пол-века не доживши,
 Непозволительный прищур
 Имея в богоданной нише.
 Знаток гипотез ноо-сфер,
 Вернадским взятых у Платона,
 Он знал — страна СССР
 Особым следует законам.

Он для неё — преступен весь:
 Невозвращенец, вольнодумец,
 Научную имея спесь,
 Коль попадётся — то безумец.
 Ему не говорил инстинкт —
 Беги, коль мучишься сомненьем,
 Ведь он таких вершин достиг,
 Что пренебрёг расхожим мненьем.

А он видел далеко вперёд:
 Во-первых, атома угрозы,
 И новой ненависти взлет,
 Зачем тогда жест личной позы...

Он видел ясно, во-вторых,
 Что Русь взрастила поколение
 Послевоенных, молодых,
 Которых будут грызть сомненья.
 И он — как русский человек —
 Обязан быть, конечно рядом,
 Когда грядет Науки век,
 Отличный от шаблонных взглядов.
 Какая тут опасность есть:
 Безграмотность и верхоглядство,
 Коммунистическая спесь
 И расточительность богатства.

Что может честный человек,
 Коль он — реальный лидер знания,
 Он — Ной, ведущий свой ковчег
 Во имя Разума дерзанья.

Как это русским разьяснить?
 Возможно — ценностью субъектов,
 Которых смог он сохранить
 С высоким квази-интеллектом.
 Он знает — Николаус Риль
 Знаток алхимии урана.
 Он с ним так много говорил,
 Что тот для русских без обмана.
 А целый био-институт,
 Не пострадавший от бомбёжек,
 Они России отдадут,
 Чтоб дальше знания приумножить.
 А сам? Ну, значит — так и быть.
 Добро проверится страданьем,
 Вот только трудно говорить
 С догматиками полу-знанья.

Недаром он провел года
 В анналах Института Мозга,
 «Менталитет» ещё тогда
 Был не исследован серьёзно.

Но он — как ясности стратег, —
 Природу понимал России,
 Просторов давящий разбег
 И склонность к выбору насилья.
 Он знал Ахматовой надрыв,
 Конец Вавилова в застенке,
 И всё-таки его порыв
 Иной заслуживал оценки...

Читатель! Давние года
 Тебя, быть может, затрудняют.
 Быть может, ты не жил тогда
 И просто строки раздражают.
 Самоконтроль тебе не чужд,
 Ты адаптировался в целом,
 Своих имея много нужд,
 Живя года на свете белом.
 Поэт, живописуя путь
 Столь необычного Героя,
 Быть осторожен должен чуть
 В высоком градусе настроения...
 Прости. И я в свои года,
 Ведя беседы с грозным Зубром,
 Был чем-то раздражён всегда —
 Меня отталкивала мудрость.

Страшит нас мощный интеллект.
 Мы простодушны по-ребячи.
 Но жизнь — серьёзнейший объект,
 У ней — нелёгкие задачи.
 И в юности нас берегут
 Наставники от твёрдой пицци.
 Алмаз наук — не изумруд.
 Без знаний к старости — ты нищий.
 Крепись, читая этот текст,
 Он продиктован долголетьем,
 И он тебе — на зрелость тест,
 Уроки прошлого столетья.
 Тебе придется сохранить
 Себя — в событиях покруче,
 И, если знаешь тайны нить,
 То это будет только лучше...

В чём тайна? Как не предавать
 Себя в коловращеньи века
 И ход событий принимать,
 Как слом на прочность Человека...

Так наш Герой попал под суд,
 Тайком с Берлина увезённый,
 Хотя почтенный институт
 Был взят в трофеи, побежденный...
 В той заварухе судебных дней,
 Инкорпорируя наследье,
 Немало было тех людей,
 Кто проявлял квази-усердье,
 Один отдел НКВД
 Искал преступников досуже,
 И предъявлял им на суде
 Доносов страшное оружие...

Хотя другой о Зубре знал
 И Рила приспособил к делу,
 Но медленно крутился вал
 Всех механизмов заржавелых.

За это время суд провел
 Почти полсотни заседаний,
 Где шёл циничный производ,
 Известный Зубру уж заране.
 Хранит судебный протокол
 Дотошный перечень проступков:
 Невозвращения ореол
 В них — обвиненьем неотступным.

К тому же — множество имен
Мыслителей из зарубежья,
Давно ушедших за кордон,
Но ненавистных, как и прежде.

И победительно страна
Всё обвиняет злобно Зубра,
Он для неё — почти шпана,
С чем соглашается он мудро:
«Я паспорта не продлевал,
Но я не знал, что я изменник.
Доклады немцам я читал,
Хотя и вовсе не для денег.
Не возводил я клеветы —
Я попросту аполитичен..
Я привечал из доброты
Людей без рангов и различий..
За двадцать лет я написал
Статей сто сорок и три книги..
Я в страны мира приезжал
Не как шпион, плетя интриги..
Я создал лучший институт,
Его в Россию возвращая,
И, если я отныне тут,
То сын погиб, меня прощая..
Я не скрываю ничего,
Хоть мыслю я не по-советски,
Прошу себе лишь одного —
Оставить Родине наследство...»

Он выслан был на десять лет
Трудиться до смерти в Карлаге,

Чтобы изгнал его скелет
За подвиг чести и отваги.
Увы — сам Главный Комитет,
Что строил атомную бомбу,
Ни ведали про тот секрет,
Что он низвергнут в катакомбы.
И он покорно умирал
Он дистрофии и пеллагры,
Пока Риль яростно искал
Его среди всей абракадабры.

«О, всемогущая страна!
Ты — Победитель полусвета,
Самой себе ты не нужна,
Когда в тебе творится это...»
Так думал Николаус Риль,
Бросая Берии упрёки,
А тот поспешно диск крутил,
Ища Ресовского намёки.
Ведь Риль теперь Лауреат —
Отец советского урана,
От Сталина поток наград
Теперь страшнее урагана.

И вот, сквозь сито дураков
Просеивая безотказно,
Нашёл следы он и, толков,
Вмиг выдал ГНЕВ и мощь сарказма..
«Почти Ресовский не жилец,—
Ему кричала в ухо трубка,
И Берия — гигант, стервец,
Тут смачно выругался: «...Труп ты!

Немедленно в аэропорт,
Сопровождай и у постели
Дежурить будешь, грязный скот,
А нет — ты труп через неделю!..»

Излишне говорить — чудес
Врачи России не умеют,
И то, что труп почти воскрес —
— То Провидение, скорее..

Но в этот миг прервать рассказ
Читатель снова просит нас,
Поскольку пауза в событиях
Нужна для смысла, как хотите..

Глава седьмая. Послевоенные войны

*Важнейшая добродетель — знание.
Главнейшее Зло — невежество.*

Сократ

Воспроизводство всех побед
Весьма опасное занятие,
Как подозрительный совет,
Что истинно — «все люди — братья»...
Читатель, забегу вперёд,
Когда век кончится двадцатый
И всё пойдёт наоборот —
Стал первым тыща сто распятый..

Тогда, итоги подводя,
Признали мы то поражение,

Что без Пророка и Вождя
Мы проиграли три сраженья:
Во-первых, битву за умы
Своей родимой молодёжи,
Что вырвалась, как от чумы,
Из мглы российских бездорожий.

Затем — сражение НТР
В науке, технике и цифре,
И развалился СССР,
Ища спасенья.. в молитве.
А самый страшный результат —
Отсутствие самостоянья
У целой нации подряд,
Влекомой снова в испытанье..

Так оказался тонок слой
Способных выжить без опеки,
Что стал легендой наш Герой —
Откуда стойкость в человеке..
Пусть не единственным он был,
И было доблестных не мало,
Сокрывшихся во тьме могил,
Попав в подвижников анналы..

Но нет воспроизводства их,
Не знавших ржавчины корысти..

Кому-то кажется — он псих,
Что гибнет ради вздорных истин..
России горькая судьба
Сынов не может не тревожить:

Богатства спесь — и голытьба —
 Всегда смятениям подножье.
 А расслоение идёт,
 Опасно набирая темпы,
 А там — Возмездие грядёт,
 А с ним — о равенстве легенды..

Нам снова нужен взгляд назад
 Во времена эпохи Зубра,
 Когда, пройдя и рай и ад,
 Он цену знал всему безумью..

Его, изрядно починив
 И слепоту чуть-чуть наладя,
 Свезли на озера залив,
 Где всё стоит, как на параде:
 Лаборатории, дома,
 Коттеджи средь сосновой чащи.
 Снаружи — вовсе не тюрьма,
 Но воля здесь не настояща.
 Здесь, на Урале, нужен был
 Знаток биолого-защиты,
 Поскольку рядом возводил
 Сам Берия объект маститый..

Носил тот номер и число,
 И зашифрован был надёжно.
 Такое это ремесло
 Для безопасности, возможно.
 Но знали жители вокруг,
 Что здесь урановую бомбу
 Готовят.. Был ли это слух
 Иль говорили для апломбу —

Не знали точно. Только тот,
 Кто находился за колючкой
 Знал свой конкретный фронт работ,
 И то — в опасности, под вздрючкой..

Так было, будет навсегда —
 Хранятся тайны государства,
 Пока не выплывет беда
 В обличье новом иль коварстве..

Шла битва — атомный шантаж,
 И здесь Курчатова гнал реактор,
 И, пресекая шпионаж,
 Не ведал всё и даже автор.
 Ресовский с Рилем заодно
 На Сунгуле вели беседы,
 Как было встарь заведено,
 К тому ж они теперь соседи..
 Полсотни немцев или сто —
 Не всё известно даже в книгах —
 Ведь мир науки непростой
 Всегда имел свои интриги..

Теперь Ресовский новый фронт
 По радиации освоил.
 Широкий науки горизонт,
 И в каждом секторе — герои.

Когда приехала жена
 С священным именем Елена
 И с нею — младший сын — страна
 Слегка смягчила статус плена.

Кто — по контракту, кто — как враг.
 А кто — вообще вольнонаёмный,
 Лишь он горбатился и так
 Своей натурой неумной.
 Бассейны вод изобретя,
 Исследовал он изотопы,
 И радовался, как дитя,
 Что снова обретает тропы.

В отстойниках любимых трав
 Жена фиксировала числа
 Паденья уровней отрав,
 Исполненные бездны смысла.
 Природа обретала вновь
 Спасительную роль Мессии,
 Людскую возрождая кровь
 От изуверов всей России..

Что бомбу делали вблизи —
 Они прекрасно понимали,
 И прилагали бездну сил,
 Чтоб люди зря не пострадали.
 Впервые в мире дозы зла
 Изучены с противоядьем,
 То были дьявола дела,
 А он был Фауст состраданья.
 Он столько знанья накопил
 Различных степеней очистки,
 Что Вождь его почти простил,
 Помиловав его и близких..
 Но только все его труды
 Ложились аккуратно в сейфы

Секретным средством от беды,
 Пока не грянут бомбы шлейфы..
 (И лишь потом, через года,
 Когда настали катастрофы*,
 И настоящая беда,
 Прообраз будущей Голгофы,
 Ударила вдруг на земле,—
 Чины верховные поспешно,
 О Зубра вспомнив ремесле,
 Тот вытащили труд безгрешный..
 О! Государственность наук!
 Доколь ты в услуженье будешь
 У подлых и нечистых рук —
 Дотоль в опасности и люди..)

А бомбовые погреба
 Всегда толкают в авантюры —
 Такая родины судьба,
 Воинственность её природы..
 В Корее — новая война,
 В Берлине — кризис. И евреи
 Спешат иначе имена
 Иль выйти замуж поскорее.

Но, слава Богу, умер вождь,
 Чья слава — выше фараона..
 И вот уже Ресовский ждёт
 Отмены злобного закона.

Вот немцы покидают край
 С суровым климатом сезонным,

* Чернобыль, 1986 г.

И уезжают, словно в рай,
 На Родину свою резонно..
 И на прощанье милый Риль
 Как тезка-побратим для Зубра,
 Меняя свой обычный стиль,
 Поднял бокал в дорогу мудро:
 «До встречи, кóмрад Николай,
 Наука правит этим миром.
 Мы встретимся, ты так и знай,
 Ты был и будешь нам кумиром!..»

Увы, Германия, увы,
 Её он больше не увидит,
 Поскольку люди из Москвы
 Её, как прежде, ненавидят.
 И, обвинения не сняв,
 Заигрывают вновь с Лысенко,
 В пределы дружеских держав
 Ему не выйти из застенка..

Он в Академии наук
 Сотрудник, даже не профессор,
 Хрущёв теперь науки друг,
 Весь в кукурузных интересах.
 Генетика? Пускай она
 Пока побудет.. на задворках..
 Те лицедейства времена
 России обернутся горько:
 Крик и Уотсон úзрят Ген
 Сквозь электроны микроскопа,
 В России же без перемен —
 Вожди, холоуи и холопы..

Но у него всё шире круг
 Друзей из новых поколений,
 К нему их тянет мощный дух
 И обобщение явлений.
 И в заповеднике Ильмен
 Обрел он летом обитанье,
 Как символ духа перемен,
 Как лидер мысли в вражьем стане.

Туда, как вольные стрелки,
 Как партизаны иль повстанцы,
 Текли к нему ученики,
 Писали письма иностранцы.

Здесь с тихой яростью ему
 Награду Дарвина вручили
 Чиновники, но самому
 В Берлин прибыть не разрешили.
 А как старались милый Риль
 И старый эмигрант Раевский
 Её добыть.. Но Чернобыль
 У власти не стоял в повестке,
 И спрятана тогда была
 Авария в Южноуральи,
 Когда радийная зола
 Засыпала две трети края..
 Так будет в нациях любых,
 Где власть не знает оппонентов,
 А люди немые и слабы,
 Кляня проклятых диссидентов..

Глава восьмая.
Встреча в Ильменах

Средь личных встреч у доброго огня
На берегу Большого Миассово
Была такая встреча у меня
С великим Зубром, о котором слово.
Теперь такая встреча, как основа,
Которая, всю жизнь переменя,
Меня, тогда слепого, молодого,
Так потрясла, как гром средь бела дня.

Но, по-порядку. Слухами томим
О сборах в заповеднике Ильменском,
Подговорился с парнем я одним,
Как нам туда попасть по-джентельменски.
Решили — выход: телерепортаж.
Он камеру припас, а я — блокноты,
И в рюкзаки нехитрый груз поклаж —
Еду и выпивку — сложили мы без счету.
Известен путь — с Миасса чрез хребет,
Пешком по просекам, хотя не без натуги,
Пришли на озеро, и леснику билет
С командировкой сунули мы в руки.
Лесник, как мельник снегинских Криуш,
Обрадовался, враз ополоумев:
«Ребята, вы ко мне? Ко мне неуж?
Меня — на плёнку. Будьте, как родные!»
Его снимали мы четыре дня:
Избу и дворик. По лесу объезды.
Лосей и пасаку. Корову у плетня.
Лесопосадки. Но когда был трезвый.

По вечерам у общего стола
Писал судьбу его и приключенья:
Про фронт, конечно, всякие дела.
И выпивали. Так, для развлечения.
В последний день он горд был, как индюк.
Взял расписание передач для формы
И, выпив крепко, заявил нам вдруг:
— Да что меня снимать. Я — гад и ёрник.
Сказать по правде — здесь я стерегу
Такого мужика, что что-там Гитлер..
Вон дом его стоит на берегу,
А вон его мелькает белый свитер..

— Что за мужик? Подробней расскажи,—
Я попросил, довольный результатом,
А он был пьян, всё говорил про жизнь
И об оружии, но это был не атом.
Напарник мой спросил: «Он что, шпион?»
Мы все тогда в шпионы наигрались.
— Дурак ты молодой. Учёный он,
За ним охотится весь мир и Аллен Даллес..

— Вот это да! У нас — такой мужик,
И он свободно без винтовки ходит?
— К чему ему винтовка или штык,
Он здесь бактерию заразную разводит.
Да вы не трусьте. Химия не тут.
Она — за лесом. Здесь живут, как люди.
К нему со всех концов гонцы идут,
Придёте Вы — и Вам он радый будет.

Он из Европы прибыл — чуешь — сам.
Простой, но умный. Только он секретный.
Давай ещё стопарик пополам.
Хороший он мужик, но безответный...»

И мы решились, как он захрапел,
Пойти и навестить коттедж заветный,
Лесник нам так порядком надоел,
Что мы закрыли двери незаметно.

Почти двенадцать было, но окно
Горело в домике с сиренью в палисаде,
Но перед входом было так темно,
Что замерли мы робко и в досаде.
Но постучали. Полуночный стук
Нас испугал. И мы опять смутились.
Но дверь открылась энергично вдруг.
Фигура на пороге появилась:
— Входите, не смущайтесь, молодцы!
Как раз вы к чаю. Рады молодёжи!
Старик седой, годившийся в отцы,
Стоял и улыбался нам в прихожей.

Я до сих пор, как вспомню, так дрожжу:
Я в целой жизни не встречал такого —
Да обратись к последнему бомжу —
В такое время он не скажет слова.
Был первый час! Свистели соловьи.
А он прислушался и снова улыбнулся:
— Ребята — в радость! Други вы мои —
А я-то чаем чуть не поперхнулся...

Вошли мы в комнату. И женщина на нас
Опять с улыбкой посмотрела мягко..
— Вот, Лёлочка, и к нам в полночный час
Послал Господь сих юношей приятных.
Садитесь. Пейте. Кто вы и зачем?
Вы — журналисты? Думал я — поэты.
Вот Вам остатки трапезных харчей,
А вот американские галеты.
Чем увлекаетесь? Вы учитесь? и Где?
Читаете? Ахматову иль Блока?
А верите ли всякой ерунде —
Борению Европы и востока?..

Вопросов шквал шумел и нарастал,
Но растеряться я уже не мог бы —
Сюда пришёл я вовсе неспроста,
Я шёл к Творцу такой секретной бомбы!
Поскольку я был чуточку поэт,
Совсем немного, то читал не мало,
И глазом я заметил на столе
Печатные листы оригиналов.

То были Мандельштам и Пастернак,
Как будто их читали только-только,
И эти стопки с рифмами бумаг
Мне были, как для пьяницы — настойка.

Я сразу предложил для них прочесть
Цветаевой поэму о разлуке,
И только после этого расчесть,
Кто мы такие — правнуки иль внуки...

Читать я мог получше, чем писать,
«Горы-поэму» я любил до боли,
Тем более, что за полночь читать
Такая радость, и в лесу на воле...

Там — предыханье. Там такой поток
Отчаянья и гнева и печали,
Что передать я только в звуке мог
Изящество литой словесной стали...
Окончив, я надолго замолчал.
И старики сидели со слезами.
И так была божественна печаль,
Что понял я, что выдержал экзамен.
Елена Александровна была
Так искренне потрясена стихами,
Что краешек скатёрки у стола
Весь смяла чуть дрожащими руками.
«Спасибо... Вы волшебник... Эта ночь
Мне не забудется. Вы просто гениальны»...
А мы боялись — нас прогонят прочь,
Поскольку мы бестактны и нахальны.

— Но поздно! Ты ложись, а мы пока
Пойдем — побродим соловьёв послушать...
А вы меня проняли, старика,
Пойдём лечить мятущиеся души.

И мы пошли, и слушали рассказ
О трелях соловья себе на диво,
И сколько есть ладов и парафраз
В его уменьи распевать красиво.

Стояла ночь. Над озером луна —
Как будто декорация из «Чайки».
Пуглива и чудесна тишина,
Когда такая встреча не случайна.

«Пойдёмте до рассвета в кабинет» —
Вдруг пригласил нас ласково Ресовский.
Его при лунном свете силуэт
Вдруг засверкал, как излучая блёстки.
Таинственно пробравшись меж кустов
Орешника, где соловьи звучали,
Он сдвинул некий скрипнувший засов,
И в нас пахнуло прелостью в подвале.
Вот мы поднялись, проступью хрустя,
По досчатым ступеням. Рассветало.
И тени отступали, шелестя,
А дрожь меня по телу пробивала.

Глава девятая. Открытие

Ресовский медленно закрыл за нами дверь.
Мы очутились в скромном кабинете.
Я чувствовал — настанет миг теперь,
И я пойму — зачем живу на свете.
Но, господи, я поглядел вокруг:
Бревенчатые стены без покраски,
Окна балконной двери полукруг,
На потолке — по трещинам замазки.
Стол устаревший. Книжные шкафы,
Два кресла дермантинной кожи,
Лежанка, наподобие софы,

И фотографии на стенках. Всё — вельможи...
 И среди них — Ресовский. Молодой...
 Но — погодите — рядом мне знакомый...
 Эйнштейн? Да это он — седой.
 А это — Бор с Ресовским возле дома.
 Я не готов к такой был простоте.
 Тем более — к таким священным ликам.
 Хотя я вырос в утлой нищете —
 Я ценность знал тех Личностей Великих...
 Таращил я глаза — и узнавал
 Лишь кое-где кого-то. Мимоходом
 Хозяин наш на снимки покивал:
 «Альбом почти семейный, хоть не моден...»
 Заткнулись мы, повторно оробев.
 Ещё тогда не выходил Булгаков,
 Но мы почувствовали — нет, не божий гнев,
 А ощущение Свыше Неких Знаков..
 Как будто бы к нам снисходил сам Бог..
 Ресовский выпрямился. Приобрёл осанку:
 «Ну что ж, ребяташки, начнём урок,
 На свежачке полезно спозаранку»...
 Входило солнце, бурое слегка.
 Замолкли соловьи. Другие птицы
 Под скрип по коже малого мелка
 Хвалу запели яркости денницы.

А он, нарисовав нам шар земной,
 Рассказывал о смысле БИОСФЕРЫ,
 Об эволюции. Неспешной. Непростой.
 Как шли века, давно, до нашей эры...

И мы узнали, что всегда, везде
 Жизнь вездесуща и непобедима,
 И появилась вовсе не в воде,
 А ею же вода и сотворима.
 Бессмертна и живуча на Земле
 Пришелица Вселенной — плесень
 И вирусы, что выживут в котле,
 И мир которых мощен и чудесен.

Горячая, кипящая Земля
 Уже имела вирусы и плесень,
 И, хромосомы надвое деля,
 Мгновенно размножились в процессе.

И только Жизнь давала кислород,
 Образовав загадочную воду,
 Тем самым запустив круговорот,
 Избыток связывая углерода.

Планктон и водоросли — пища для китов —
 Древнейшие живые организмы,
 Способные на солнечный улов,
 Дают начала следующей жизни.

От них — медузы, мелкие рачки,
 Ракушки, осминог и рыбы,
 Что плавают и ловят свет в зрачки,
 Но без растений выжить не смогли бы.

Без зелени погибельна Земля.
 Была б она, как Марс или Венера,
 И все её вокруг Солнца вензеля —
 Одна ГЕОлогическая эра.

Но фотосинтез только ей присущ,
В воде сначала, а потом — на суше,
Где медленно среди зелёных кущ
Рождались органические души.

«Живое — от Живого» — вот закон,
Не знающий в природе исключенья,
От хромосом зависит только он,
Превыше он закона тяготенья..

Кончая, он сказал: «Возможен путь
На шарике кормить миллиардов двадцать,
Теперь, когда вы знаете всю суть —
То пробуйте в задачке разобраться...!»

И получалось, по его словам,
Что, если Разум не решит задачки,
То будет нашим детям не вигвам,
А путь назад — до обезьяней жвачки.

Тут я увидел на его столе
Фигурку выразительной гориллы,
Что череп человеческий в руке
Держала и смеялась, как дебилы..

Настолько мощен был его удар,
Что в шоке мы растерянно молчали.
Но я обязан проявить сомненья дар —
Не Богу же мы, право, отвечали..

«Простейшие — основа на Земле.
Простейшие, наверное, и выход.
Бактерии бесчисленны в числе,
Так пусть они работают тут лихо..

«Великолепно! Bravo! Вы — в душе
Биолог прирождённый по стихии.
Я рад такому фактору уже,
Поскольку мыслят люди молодые..

Проблема в том, что человек, как зверь,
Дичает подозрительно активно,
И атома распахнутая дверь
Опасна и пленяющая взаимно.

Уже звенят природные звонки
Опасности стратегии насилья,
Но вы — пока ещё ученики —
Умнейте в одолении дебиля!!!»

Он написал названия трёх книг.
Вернадского впервые слыша имя,
Я напряжённой важностью проник,
Задумавшись над догмами своими.

Мы уходили в полдень. День кипел.
Сотрудники сновали непрерывно.
И это гуд риторики и дел
Был нам, как звуки жизненного гимна..

Глава десятая.
Контакт — есть контакт

Конечно, я легко нашёл тот том*,
Что у меня теперь стоит навечно,
Узнав, что нам Земля — родимый дом,
Но жизнь — из Космоса и бесконечна.

А Разум, коль недовок и жесток,
Природа демонтирует... до мухи,
И, вероятно, скоро близок срок
Весьма опасной голодухи...

Я понял — Бомба — это сами мы.
Людская жадность. Верхоглядство,
Весьма незрелые умы.
Высокомерье. Святотатство.

К подножию отеческих Ильмен
Я много лет изъездил вдохновенно,
В себе не замечая перемен,
Но были, были перемены...

Ходил в леса не раз и с нами «Зубр» —
Так окрестил его художник,
Поскольку редок был старик-авгур,
Как оказалось, вовсе не безбожник.

* В. И. Вернадский. Собр. сочинений. в 5 т. Т. 5. Биосфера. — М.: Изд. АН, 1952.

Зубр в заповеднике стал символом эпох.
Тогда никто не знал о Глобализме,
Нас каждый обязали делать вдох
Во имя наступленья коммунизма.

А Зубр заботился о маленькой Земле,
Где исчезали зубры и бизоны,
Где ветры в обезлюдевшем селе
Выветривали напрочь чернозёмы.

Где на песках пустынных древних рас
Росло несчастье в нищете и злобе,
Кипел котёл обезумевших масс,
Ища к Возмездью снова путь особый.

Зубр говорил «Политика слепа.
Пока не даст наука изобилья,
В несчастьи переменчива толпа,
Ей правит интриганов камарилья.

Зелёной биомассы лишь процент
Всего один! использует хозяйство,
И Человек — конечный консумент —
Здесь проявляет просто негодяйство.

Я покажу Вам чудо-сапропель,
Источник пищи просто бесконечный,
С небесной манной только параллель
Позволит обеспечить миру вечность...»

Мы шли в леса, на лежбище болот,
Потом мы извлекали гниль из почвы,

Потом бактерии вступали в оборот,
А чём мы узнавали лишь заочно.

Затем Японцы, съехавшись к нему,
Купили технологию процесса,
А наша — сам не знаю почему —
Об этом не писала даже пресса.

Так создавались пища-экслюзив.
Я бы сказал о ней «Эрзац». Возможность,
Чтоб целый мир потом преобразив,
Избегнуть распрей за ресурсы божьи...

Так Зубр учил своих учеников.
Так начиналась новая наука,
Я колебался, но в конце концов
Все ж предпочёл... «воспроизводство звука».

И я читал на многих вечерах
То «Илиаду», то «Раззор Батыем»,
А Зубр, как протодьякон иль монах,
Пел низким голосом молитвы вековые.

А после — математики опять
Вели анализ связей био-сферы,
И начинались «ОРЫ», где кричать
Могли и ассистенты-пионеры.

Неделями кипел азартный спор,
А Зубр лишь поощрял в том сумасбродность,
Когда биологов осатанелый хор
Всем кибернетикам поставил непригодность.

Как сложен мир живой — я понимал,
Но тут впервые ощутил унынье,
Когда сам Моисеев подсчитал,
Что быть при атомной войне пустыне.

Лет через пять в Америке благой
Такой же вывод сделали и янки,
И рухнул способ нам грозить войной,
Копя бессмысленно оружие и танки.

А через двадцать лет погиб Союз,
Весь начинённый порохом без меры,
И целый мир увидел наш конфуз,
Как обанкротились владыки-лицемеры.

Но умер Зубр задолго до того..
Он это знал, предвидел, видя дальше,
Он не во Власти видел торжество,
А лишь в искорененьи всякой фальши.

Благих работ его не перечеть,
Ученики его в чинах отчасти,
Они восстановили ему честь
На первых месяцах при Новой власти*.

И стало видно, сколько было лжи
Вокруг него, и мифов, и доносов,
И сколь была прекрасна эта жизнь
При всей неразрешимости вопросов...

* Полная реабилитация в 1992 г.

Эпилог

О, мой Читатель, в эпилоге
 Взволнованных и дерзких строк,
 Позволь сказать тебе в итоге,
 Чего я сам понять не смог.
 Мне столько лет, сколь было Зубру
 При давней встрече у Ильмен,
 Но я не стал таким премудрым
 В эпоху новых перемен.
 Он, наблюдая демократов,
 Предвидел и распад страны.
 Его Феномен, как и атом,
 Непостижимой глубины..

Знаток природных эволюций,
 Он измененья подмечал,
 Что взгляду узреть не даются,
 Но где начала всех начал.

Так, рака клетка-невидимка
 Дает химический эффект,
 Который видим лишь на снимке —
 Лишь после ясно зрим дефект.

Куда сложнее в наше время
 Понять генетику души,
 Меняющей и устремленья,
 И даже собственную жизнь.

Тончайших хромосом наследство
 Не потеряем ли и мы,

Коль только деньги станут средством
 На зрелость отбирать умы.

Катастрофичность сих посылок
 Сегодня не раскроет Зубр,
 Но каждый, любящий Россию,
 Сегодня быть обязан мудр.

Всевышняя Сама Природа
 Свершит безжалостно свой Суд,
 Коль Разум целого народа
 Уроки Зубра не спасут..

Взаимопомощь. Состраданье —
 Основа бытия во всем..
 О Зубре дерзостном преданья,
 Секрет, по-моему, лишь в том..

Написано в с. Варламово 5—20 июля 2006 г.

Сия поэма обязана выходу в свет книги «Рассекреченный Зубр» Издательство «Асадепіа» Москва, 2003. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Вступительная статья Я. Г. Рокитянского. Документы / Составители Я. Г. Рокитянский, В. Я. Гончаров, В. В. Нехотин.

ЭРОТИКА

(Цикл)

1.

Жрица любви

А мне опять приснилась ночью
 Та жрица подлая любви,
 Что денег непрерывно хочет
 За ласки сладкие свои..
 А я — лишь только позови —
 Её был раб — чернорабочий,
 Любому жесту — страстный зодчий
 С волшебной силою в крови..
 Но, исчезая, испаряясь,
 Она манила жадно вверх,
 Была где лестница крутая
 И шпиль, высокий, как кронвёрк..
 Я жадно губ её коснулся
 И вдруг — в стыде опять проснулся..

*4 июня 2006 г.**Дом, ночь, истома*

2.

Между богом и вакханкой...

Между богом и вакханкой
 Жизнь вращается моя,
 Меж цыганкой и вакханкой
 Брызжет мощная струя..
 Как несчастен, братцы, я
 Как несутся страсти санки,

Слышу вопли перебранки,
 Жалит совести змея.
 Каюсь, жалеюсь Иисусу,
 Плоть дырявлю, как ножом,
 И несусь, несусь, несуся,
 Жадной страстью обожжён.
 Между пламенем и снегом
 Жажду, жажду высшей неги..

*4.06.05**Ночь 2.30*

3.

* * *

Как в теле юноша живёт,
 Страшась ночных воображений,
 Далеким юных сновидений,
 Где женски чресла и живот..
 К ним губы тянутся — и вот
 Отброшен кодекс поведений,
 И страсть, не знающая сомнений,
 В могучих мышцах их сожмёт..
 О, жажда страсть излить наружу!
 И, воля воплотить себя,
 Не в Апполоне — но не хуже,
 О кратком времени скорбя..
 Страшись, мой друг, ночного бреда,
 Хоть нам неведома победа..

*4.06.05**Тогда же*

ЦЕЛОЕ И ЕГО ЧАСТИ

(цикл)

1.

Природа-мать, даёшь зачем
Траве могучее величье,
Любая часть таких систем
Способна род свой увеличить.
В несметном сонмище количеств
Они размножатся затем,
Обрубков корня обналичив
Без всяких формул-теорем...
И лишь несчастный мир животный,
А с ним — и слабый человек —
Лишь в целой существует плоти,
Потеря части — краток век...
Чем выше восхождение мира,
Тем тяжелей судьбы порфира..

4.06.06
3.30 ночи

2.

Копая сорную траву,
Копая, значит — я живу,
Она, скрываясь в чернозём,
Со мною борется числом.
Ей бесконечность, как приют.
Неимоверности растут,
Опережая мой азарт
И рвутся от дождя на старт.
Крапива, вьюн и лебеда
Ни в чём не ведают стыда,

И, как ты их не вырывай,
Им — вечно жить, а ты — хоть в рай.
Они — бессмертны, как народ,
А ты — лишь временный урод.
Они — в обрубке будут жить,
Ты обречён о том тужить:
Обрубишь палец — ты урод,
А все они — наоборот!

4.06.06
3.45 ночи

3.

Кто не знает разделения пола —
Червяки и сорная трава...
Так учила нас родная школа,
В чём была изысканно права.
Даже и цветы, и дерева
Лишены такого произвола:
Пестики-тычинки — не слова,
А прогресса фактор невесёлый...
Так двоится далее весь мир
На самцов и самок, к сожаленью,
И голубка для самца — кумир,
Ибо им владеет вождельенье...
Где уж там величье хромосом,
Если мать не встретиться с самцом...

4.06.06
4.00 утра

4.

Потешается Природа
 В эволюции земной
 Кислорода с водородом,
 Что в пропорции двойной.
 В кислороде — тайна жизни,
 В водороде — вся вода,
 И способность взрывом брызнуть,
 С миром кончив навсегда.
 А господством углерода
 Всё живое кончит век,
 Издаётся Природа,
 Ей игрушка — Человек...
 Но — и смертен, и химичен,
 Жалкий сей урод, двуног,
 Всё ж бессмертно-мозаичен
 Инструментом между ног..

4.06.06

4.30 утра

Дом, ночь, утро...

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДОЧЕРИ 11 ИЮНЯ 2006 г.

Сегодня ей 33 года. Моей любимой единственной девочке — уже 33! И это приходится на 66 год моей собственной путаной жизни. Выходит не случайно...

Задумана она в моей душе в 1971 году, после защиты и утверждения моей единственной учёной работы, остающейся и поныне моим — смешно сказать — высшим формальным достижением на поприще официальной деятельности в научно-престижном мире...

А дочь моя состоялась благодаря страстным настояниям Алексея Саввича, потребовавшим от дочери своей — моей капризной супруги — согласия на второго ребёнка. И вот — поездка в Армению в октябре 1972 года, гостиница «Наири» — высотная, почти заоблачная на вершине горы, 10—12 дней любви и покорной страсти... И встреча с Кнарик Аганесян — милой, обаятельной художницей, давно-давно нарисовавшей десять лет назад в Челябинске портрет Милы-студентки, и предсказавшей мне ласково и настойчиво: «Эта упрямец непременно будет твоей женой, причём — единственной»...

И снова, через годы, мы гостим теперь у неё в мастерской Еревана, очарованные красотой Арарата, поездками на раскопки древней крепости Эребуни, в религиозный центр Эчмиадзин, лицезрением форм классически античных храмов Гарни и Гегарда. Великая трагичная Армения открывает нам животворящие тайны свои..

И мы едины в порыве. Мы снова любим друг друга. И потому — лучшая бесценная дочь моя — моя радость, моё счастье, моя гордость — зарождается на этой прекрасной земле..

Она выстрадана, как Армения..

В ней сливается всё — моя верность этому миру, залог постоянства и преданности, вера в реальный итог первой и второй половины жизни: 33 + 33 года..

Вряд ли всё это сложилось просто так, стихийно и спонтанно, но в 66 лет это открывается заново, как Судьба, которую ты сам сотворил..

А я читаю утром в Варламово на солнечном рассвете роман.. тоже об Анне — Анне Карениной, сотворенный мучительной тоской великого гения России.

И каждый штрих этого вечного шедевра русской литературы слова играет новыми для меня гранями, смыслами и оттенками: страсть Анны — животная и омерзительная, чистая и нравственная высота любви Левина и Китти — встают в могучем контрасте подлинного торжества добра над злом. Ребёнок Анны и Вронского погибает. Целомудрие Левина и Китти даёт шедевр дитя, дорогого на всю их жизнь..

Есть в этом гениальном зрелом ходе жизни неотъемлемая справедливость Природы и Духовности, которой всегда противостоят похоть и низменная жажда удовольствий..

Так заново открываешь потаенный ход собственной жизни, где ты сумел волей и голосом предков удержаться в русле нравственной стойкости, хотя соблазны всегда рядом и так влекущи..

Спасибо, что в это утро, перед приездом Анюточки, такие мысли пришли мне в старую, уже почти сбитую с толку, голову, и в книге об Анне я нашёл и свою дочь.. Вот так, друг мой..

11 июня 2006 г.
Село Варламово
Утро 6.00

ХВАЛА ЕМУ

Хвала тебе, о Вседержитель,
За дочь пречестную мою,
За то, что в счастье, как родитель,
Имею добрую семью.
За то Тебя благодарю,
Что не увлек её вредитель
И не единственный соблазнитель
Не ставил бездны на краю..
Умна, прозурлива, красива,
Добра ко алчущим в беде
И в чудотворстве не спесива,
Прияху людие везде..
Чадолюбивый и нетленный —
Ты дал подарок несравненный!

11 июня 2006
С. Варламово
Днём, читано на застолье перед всей семьей
(11 человек + 2 зверя)

ГРОЗА В ИЮНЕ

Окно открою в ярую грозу
 И содрогнусь от ужаса стихии
 И, молнии узревши бирюзу,
 Вдруг осознаю бытие России.
 Звучат грома, как трубы боевые,
 То высоко, то будто бы внизу,
 Столбы земли колебля вековые
 И зданья подымая на весу.
 Всё вразной: то треск, то свет, то грохот,
 Потоки ливня. Треск сухой стекла.
 То сатанинский (или ведьмин) хохот.
 То хлещет: это крыша протекла.
 Какая Ночь! Исчадь преисподни!
 Как велики вы — знаменья Господни!

Ночь 9 на 10 июня 2006 г.

В ДЕНЬ 33-ЛЕТИЯ ДОЧЕРИ АННЫ

(цикл)

1.

Величие заката пред грозой
 Подобное видению Господня:
 Се — Духов День. Апостолы слезой
 Умылись в умилении сегодня.
 Закат, как бой: и алый, и седой.
 Иссызы тучи, кровью опалённые.
 И ты передо мною — молодой,
 Беременная, в Бытиё влюблённа.
 О, девочка моя! Всё бытие,
 В тебя поверя, умиленно смотрит.
 Державство исполняешь ты своё,
 Как ангелы, что выполняют по́стриг.
 Да будет твой младенец жив и здрав,
 Насколько ведаёт Природы горний нрав.

11.06.06

20.30

2.

Насколько ведаёт Природа горний нрав —
 Настолько ты противишься унынию..
 А я — не медик и не костоправ —
 Заворожён заката чистой синью..
 Пленённый не заморскою латынью,
 А предками, чья речь превыше прав,
 Я слышу будто древною ектинью
 Во имя Богоматери всех слав..
 Дай Богородица всеразрешенье чресл
 Возвышенно и мягко без истомы,

Чтоб новый человек легко воскрес
 И с радостью пришёл к родному дому...
 Ей помощи, Господь наш — вседержитель,
 Поскольку чадам всем
 ты есть родитель...

11.06.06.
 23.00

3.

В сей благодатный день мы ждём,
 Усталым сердцем содрогаясь,
 Что к нам в наш осиянный дом,
 Вот-вот заглянет жизнь другая.
 Стоит Природа Всеблагая,
 Зарницами украшен окоём,
 И травы, опоённые дождём,
 Как малахитом — зеленью сияют.
 О, густотравный год, дари дитя,
 Как ягоды, что вызревают щедро.
 В дубовых листьях желуди блестят,
 И шишки наливаются у кедра.
 Плоды Земли нам дороги не зря:
 Удачу людям травы говорят...

16.06.06

4.

Мы встали в очередь на выход,
 А кто-то хочет к нам войти,
 Испробовать земное лихо,
 Изведать торные пути...
 Мы говорим уже: «прости»,
 Шуты седые и шутихи —

А кто-то матери-крольчихе
 Всё чрево испинал почти...
 Таков порядок в мире вещем,
 Где влага — с сухостью земли,
 И где знамения — зловещи,
 А счастье — зёрнышко в пыли...
 Блажен, кто жизнь прожил без злости.
 Блажен и тот, кто жаждет в гости...

17 июня 2006
 Варламово
 9.00 утра

5.

Утренний дождь

С утра сияет бренный мир,
 Искрится солнцем в каждой капле,
 И петухи кричат в эфир,
 как предсказатели в спектакле...
 В избе ребёнок или в сакле —
 — Он и владыка, и кумир.
 Он — цель Создания. Не так ли,
 В рядне, что соткано из дыр...
 Он лучше делает и нас,
 Самозабвенных в эгоизме,
 Наполнит смыслом он рассказ
 О нашей тупиковой жизни...
 Как всходит Солнце на юру —
 Дитя улыбка по утру...

17 июня 2006
 9.30 после раннего дождя на рассвете

КЕСАРЕВО СЕЧЕНИЕ

(новелла)

*Жизнь Ивана Ильича
была самая простая и самая
ужасная.*

А. Толстой

Когда Наталья Ивановна в очередной раз оскорбила Ивана Петровича, опять обозвав его «дерьмом», он снова захотел было её ударить, как случилось в молодости не однажды, но он был уже в годах, и потому стерпел и молча ушёл в баню, где не спеша разделся, глядя на свои ноги в набухших венах, пощупал свой впалый живот и дряблые мышцы, растёр их и полез на полку, в горячий жар, чувствуя, что охватившая его горечь и обида постепенно проходят, уступая место состраданию и жалости к жене, к её неумению сдержаться после тяжёлой недели изнурения от лечебной работы, которой она занята более сорока лет...

Иван Петрович лежал на спине, подняв руки и ступни ног почти к самому потолку парилки, где температура была самая раскалённая и, поводя членами поочерёдно, с наслаждением чувствовал, как покалывает кожу этот живительный жар, заставляя даже самые крошечные сосудики омолаживаться, веселее пропускать кровь и давать ему ощущение радости, восторга и даже лихости, как это было давно, в юности, когда он, труся и замирая, бросался с утра в холодную воду лесного озера. Вода была ознобная, прозрачная, и, погружаясь в неё, он видел дно незакрытыми глазами, а на нём — пучеглазых зелёно-жёлтых раков, ползущих между камней, покрытых тиной, и смотрящих на него оттуда, снизу, сочувственно и сострадательно...

Уже и тогда ему было жаль и себя, и раков, мёрзнувших, как ему казалось, в этой сырой промозглой глубине. Жаль было и собственной матери, потерявшей на фронте мужа и теперь прилагающей отчаянные усилия, чтобы прокормить двух своих полусиротевших детей, оздоровить их после голодного военного детства, вывезя их в деревню, на лесное озеро, на чистый воздух и простую пищу, чтобы они могли затем жить долго и счастливо, когда их мать уже не сможет им помочь и не вытрет им слёзы огорчений, унижений, обид, которые — она знала это наверняка — будут у них непременно, ибо жизнь в этой местности сурова, как, впрочем, и сам климат — резко-континентальный, с перепадами жары и холода, дневного ветра и вечерней тишины, когда порою хочется петь от короткого, скоротечного, удивительного красивого зрелища заката за волнистыми гребнями гор...

Но запоминается почему-то не радость и не счастье коротких минут, а накопленные обиды и оскорбления, от которых старится душа, болит сердце и хочется уйти из этой жизни, как раки — в холодную безмолвную воду, на самое дно и там забиться между осклизлых камней в тину и безмолвия вечности...

Иван Петрович был один-одинёшенек на этот раз в бане, потому что, оскорбив его из-за пустяка, Наталья Ивановна, почувствовав что-то неладное в этой ситуации, отказалась наотрез идти, как обычно бывало в порядке вещей, на этот раз в баню первой и ушла спать ранее традиционного часа, и Ивану Петровичу впервые за несколько лет досталось не только счастье первого пара и чистых сухих липовых полок, но и тот, настоенный ароматный запах уже размягших от кипятка веников, которые, как положено, он заранее заварил для жены, готовясь к процедуре её

обслуживания по всем любимым поверхностям розового тела, а именно к поглаживанию, овеиванию, помахиванию, щекочению, похлопыванию, ибо поверхности эти были ему дороги и возбуждающи за многие годы их любви и устойчивого брака, несмотря на взаимные обиды и размолвки.

Иван Петрович и жену умел понять и пожалеть, как раньше — собственную мать, которая вывозила его — малолетка — на лесные озёра, где он учился плавать, боясь холодной воды и страшась в душе ужасно, что мать не выплывает из этого чудовищного громадного холодного озера; с ней что-то может случиться, как с отцом, который пропал на фронте, а тут пропадёт и мать, и он останется один на этом свете, один-одинёшенек, потому что сестра его старшая недавно вышла замуж за какого-то вернувшегося с войны фронтовика, обретя надёжного защитника, и ей теперь не до младшего брата. И вовсе не до того — выплывет или не выплывет их общая мамочка из холодного родникового озера...

Он тогда сам по опыту узнал, как холодны и дики родниковые ледяные ключи, что бьют со дна озера. От них ноги сводит судорога, и может вообще не издать даже звука при гибели. И он молчал, когда мать плавала, дрожа от холода и страха, боясь за мамочку и за то, что потеряет её, оставшись один на этом свете. А человек не может быть один на земле. Абсолютно не может, ибо люди выживают, только помогая друг другу изо всех сил...

Вот и сейчас он думал, что жена не потому назвала его «дерьмом», что он, действительно, заслужил эту презрительную оценку и был никчемным человеком, естество которого только и предназначалось на удобрение червям и растениям... Вовсе нет, жена употребила это крепкое слово потому, что сама испереживалась, как и он сам, за дочь,

которая должна была скоро рожать, и все вместе с ней волновались, потому что, как выяснилось, ребёнок (а это была долгожданная девочка, их первая внучка) прилегает к выходу из чрева не головкой, как полагается, а ножками. А это для нынешних высокообразованных врачей аномалия: навыки приёма новорожденных в таких случаях не гарантируют от осложнений ввиду давнего отсутствия опытных пожилых акушерок, в ранние времена (лет двадцать — тридцать назад) ещё способных принимать младенцев в любом положении...

Врачи советуют, если ребёнок сам не перевернётся, употребить «кесарево иссечение». Оно потому и «кесарево» — то есть «царское», что не измучивает роженицу долгими и травмирующими родовыми муками, могущими нанести вред взаимный, как младенцу, так и матери, но делают это «кесарево иссечение» только редкие мастера — хирурги, которых тоже мало осталось в этом мире и которых надо поискать надёжных, чтобы им довериться. А это ещё большая проблема — кому довериться на этой земле и в этой стране, где враз всё стало измеряться деньгами, а доброта и сострадание стали стремительно исчезать, как древнее искусство повитух и акушерок, способных вытаскивать из чрева без щипцов и других инструментов неповреждённых и жизнеспособных будущих солдат и даже маршалов, изобретателей и академиков, которым теперь, видимо, не суждено появляться на свет на этой многострадальной земле, где раньше рождалось куда больше, чем даже убивали в войнах и революциях...

А теперь — без войн и революций — умирает, превращаясь в «дерьмо» куда больше, чем успевают «кесарить» дипломированные врачи с недостаточным прожиточным минимумом зарплаты...

Иван Петрович вздохнул и медленно вытащил из цинкового ведра распаренные веники: сначала — берёзовый, спроворенный им после Троицы в прошедшем году, когда, по традициям славянских предков, лист укреплялся на ветке и уже не так быстро отваливался от материнских, выкормивших его сосудов дерева, и им можно не только обвеиваться горячим паром подолгу, но даже можно изо всех сил хлестать по телу, обретая здоровье и бодрость в самые лютые зимы на этой многогрешной земле...

Другой веник на этот раз был чужеземный, эвкалиптовый, привезённый и подаренный им — родителям — их дочерью после приезда с черноморского курорта, куда ездила она с мужем в компании своих сверстников — бывших одноклассников, дружащих семьями уже многие годы, переживших между собою, потому что знали друг друга с младших классов школы и доверяли друг другу так, что только вместе решались на такие дальние поездки на автомобилях, где возможны любые приключения — и неполадки машин, и даже размолвки в случае непредсказуемых расходов и аварий, когда только проверенные друзья выручат тебя из внезапной беды, а, может, и спасут от лихих людей, которых теперь развелось тьмы-тьмушие на просторах от родных мест до экзотических берегов Черноморья — вождённой вековой мечты русских пращуров и ратников-землепроходцев...

Эвкалиптовый веник Иван Петрович распаривал впервые, с сомнением ожидая от него пользы ввиду подозрительной длинноты его узких, серповидных листьев, хилова-то по его мнению, держащихся на материнских ветках, чересчур гибких и квёлых для настоящего употребления в русской бане.

Однако, стоило ему плеснуть на каменку из ковша воды, чтобы поднялся шипящий пар под потолок, а потом помахать в воздухе эвкалиптовым веничком — слабым и хилым — как вокруг он почувствовал терпкий и — одновременно — сладкий чудесный аромат, от которого у него так хорошо стало на душе и всплыли волшебные воспоминания...

Он вспомнил этот терпкий эвкалиптовый запах южного субтропического леса — влажного и парящего на яростном солнце, когда, ещё совсем молодым женатым человеком он был с юной женой на отдыхе, во время их первой совместной поездки с крошечным четырёхлетним сынишкой-первенцем и то, как они шли по эвкалиптовому высоколесью и искали вход в знаменитую Афонскую пещеру, в которой якобы с древних времён местные аборигены-абхазы скрывались от врагов, причём — целыми племенными родами, пребывая внутри гор чуть не месяцы, находя там и воду, и содержа каким-то чудом скот, а враги безуспешно искали их повсюду, а абхазы через тайные выходы громили их со спины, с тыла по ночам, отстаивая родную землю, хоть и были малы числом, но сильны они были внезапностью и упорством...

Сынишка тогда уже ходил, уверенно и крепко ступая по земле, радуя их с Натальей Ивановной выносливостью и терпением, не плакал, когда, споткнувшись о камни, сдирает кожу на коленках. Он только мазал их слюной и нараспев говорил: «Я дойду, мамочка и папочка! Только не бросайте меня... Я всё равно дойду...»

И потом он нёс его обратно после пещеры из леса — спящего и обмягшего, потного и счастливо сопящего, а тот во сне шептал: «Вы меня не бросайте одного... Пожалуйста...»

И запах эвкалиптового масла исходил из его волосиков на затылке, куда Иван Петрович целовал его, прижимая крепко к груди обмягшее горячее тельце сына..

17 июня 2006
с. Варламово
9.00—16.00

24 июня 12.00 ночи

Сегодня умерла Мария Владимировна — моя любимая тёща. Пережив юбилей в марте (90-летие), она умерла день в день со своей дочерью Наташей, которую пережила ровно на один год..

Вчера же умерла Милочка Журавлёва — верная подруга моей сестры Ирочки со школьных лет. Моя сестра осталась одна-одинёшенька в доме, где прожила с 1939 года (2006 — 1939) = 47 лет (если не считать Логиновых, моих ровесников, всё-таки отдалённых от неё возрастом десяти лет)...

А у меня в печатаньи четвертый том собрания сочинений, над пятым — колдуют редактора, а, кроме того, вышла книга «Благодарные сонеты» (стихи и новеллы 2005 года), которая мне очень нравится самому. И я счастлив.. Даже вопреки всем смертям вокруг..

* * *

И доктор Чехов болен был,
Хотя лечил других..
Живи над царствием могил
Мой огнекрылый стих.
Да будет знаменьем — беда
И горе — оселком,
Что дух не сгинет никогда,
А с горем — я знаком.
Уходят люди, да и ты
Готов мгновенно в путь,
Но лишь бессмертью Красоты,
Господь, дай присягнуть.
И, не кичась избытком сил,
Люби и прах, и тлен,
Поскольку так Господь решил,
Дав творчество взамен.
24.06.06

Из Чехова:

Он полагал, что если окружающая жизнь здесь, в глуши, ему непонятна и если он не видит её, то это значит, что её здесь нет вовсе..
Рассказ «По делам службы...»

В этой жизни, даже в самой пустынной глуши, ничто не случайно. Всё полно одной общей мыслью, всё имеет одну душу, одну ЦЕЛЬ, и надо иметь дар ПРОНИКНОВЕНИЯ в жизнь, дар, который даётся, очевидно, не всем..

Там же.

«Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь МИР, весь земной шар, Вся Природа, чтобы на просторе он мог проявить все свойства и особенности своего свободного Духа».

Там же.

25 июня

Похороны тёщи

Заупокойная панихида в кладбищенской церкви: толстый дьякон вида футбольного тренера — в чёрной футболке и мятых брюках, подпоясанный щегольским коричневым плетёным ремнём с пряжкой из нержавеющей стали, бритый и с пролысинами испитого бражника...

Священник в епитрахили с реденькой бородкой, ибо молод и щеголеват.

М. В. — сухая, светлая, мудрая, как святая с отдохнувшим лицом. Синяки (?) на лице подкрашены (откуда они? Катя?). М. В. до конца дней была в полном разуме. Когда ей сказали недавно о второй даме любимого первого внука Алешки, она сначала обиделась, а потом спросила: «Она хоть красивая?»

О доброте уже и не спрашивала — что-то по своему понимая, что доброты в этом поколении уже не сыщешь. Кате она стойко отказывалась подписать полную дарственную на квартиру, храня долю Милы — своей старшей дочери... Не случайно!

На поминках сестра её — единственная родная (88 лет) сказала: «Они меня с Алексеем Саввичем спасли в войну. Взяли из Златоуста меня — девчонку — где я с голоду уже умирать собралась. Саввич начальником цеха

был, паёк получал — мы все у него и жили. Стюранка жила (Настя — сродная, что жила и теперь живет в Велюкопетровке — селе Октябрьского р-на), и Мишка жил... Все жалась к Саввичу. Аня — самая младшая, сродная, подтвердила — «И я жила после войны. Тогда не деньги, а совесть ценили».

Мила моя добавила: «А потом и мои ровесники жили: одноклассница из Украины (теперь там), Наташкины подружки... Всегда в доме кто-нибудь жил, так привыкли...»

Вот так и узнаёшь коренную Россию — когда спасались, в кучу сбившись и помогая друг другу изо всех сил...

Не зря я без памяти любил милого Алексея Саввича и никогда не предавал его доверия и благого отношения. И от этого перед могилой с тремя надписями стоял честно, хоть и не крестился. Этот семейный склеп — вся моя жизнь в браке с их дочерью, жизнь без увёрток и прятанья головы в песок. И дети мои выросли нестигаемыми и здоровыми и духом и телом. Как мне не преклоняться перед ними: Алексеем Саввичем, Марией Владимировной, Натальей Алексеевной...

И каждый из них — со своим норомом, своеобычностью; тёща в средние года имела характер жёсткий и прямолинейный, любила только правду, как её понимала интуитивно...

А Наташа была мягкой, уступчивой, самоотверженной, и стореда от этого, как в огне... Её жалко до слёз — сколько ещё могла бы жить эта чудесная женщина.

Горе людское неизбежно...

25 июня 2006 г.

Снова из Чехова:

Быть подлецом и в то же время не хотеть
сознавать этого — страшная особенность рус-
ского негодяя!

«Пьеса без названия»

*Герой Платонов так говорит о своём отце,
с которым порвал в юности от разошедше-
гося расхождения взглядов. (Так говорил Дмит-
рий в «Братьях Карамазовых» тоже об отце-
сластолюбце.)*

Интересно: в пьесе Платонова... убивает женщина, ос-
корбленная его подлостью бесстыдства отношений с жен-
щинами: их у него в пьесе чуть не пять!!! Эта ранняя пьеса,
не ставилась нигде, а писалась для Малого театра в 1880
году, студентом Чеховым — громадная и великолепная по
характерам, диким и почти картонным. От этой резкости
Чехов уходил потом стремительно и осмысленно... Сравни
«В овраге», «Архирей» и т. д.

ПАРКЕТНЫЙ ПОЛ

Когда бывшее вспоминаешь,
То открываешь связь вещей...
Вот пол тупым ножом строгаешь,
И юн, и жилист, как Кащей...
Тот пол паркетный — не ничей,
Тебе полгода он товарищ:
Его строгая, борщ ты варишь,
В семье кормилец — казначей...
А цель одна — изладить дочку,
Жене стараясь угодить,
И Бог сподобил эту ночку,
Чтоб это чудо сотворить...
Паркетный пол втроем мы топчем.
Он — символ счастья, между прочим!..

*Варламово, 1 июля 2006 г.
22.00 — 9 дней тётце...*

Вячеславу Михайловичу Тарасову

УЧИТЕЛЬСТВО

Так случилось в жизни, что Учителем
Был мне заключенный бывший князь,
Всей моей планиды попечителем
Стал он мне, лукавая и смеясь.
От него весь одухотворясь,
Я не стал ни злыднем, ни мучителем,
Может, и не стал кому спасителем,
Только в тоге не ходил, гордясь...
Хорошо быть мучимым сомненьями
И учиться от учеников,

С ними я делился вдохновеньями,
К зрелости лукаво-бестолков.
Нет, не даром должен быть рачителен
Тот, кто стал в судьбе своей учителем.

1.07.06
с. Варламово
23.00

В. М. Тарасову

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

В чреде Властителей сообществ
Не часто встретится такой,
Что на судьбу отнюдь не ропщет,
Её считая всеблагой.
Вы — не Властитель, Вы — другой.
И человечнее, и проще,
Но Вашей исполинской мощи
Ещё не раз сойтись с Судьбой.
Вам мужества не занимать.
Недаром помнит вся Россия
Что есть в Челябинске печать
От Вашей дерзости и силы.
Учителя. Ученики.
Мы от тщеславья далеки...

1.07.06
23.30

*Написано перед встречей с Тарасовым и Соломинным,
состоявшейся на даче В. И. на следующий день 2 июля с. г.*

СТИХОТВОРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ К ПОЭМЕ «ВЕЛИКИЙ ЗУБР»

1.

Мировая игра

Варианты выбора Природы
Вовсе произвола лишены,
И, под наблюденьем небосвода,
Варианты вовсе не равны..
В них ни Бога нет, ни сатаны, —
Целесообразна лишь свобода,
Где в ошибке некого уroda
Будущность грядущего видны..
В переменно-жгучем этом мире
Лишь уродец лебедем взлетит,
Остальных сметёт полет валькирий
Иль огонь небесных аонид..
Неба и земли идёт увязка —
Всё это — реальность. В ней — и сказка..

22 июля 2006

Аэропорт города. В ожидании прилёта Алёши с Вадиком

2.

Цефалоз*

При неизменной пище всех существ,
Взращённых на зелёном хлорофилле,
Мы видим, как идёт процесс веществ,
Разнообразя Разум в этом мире..

* Рост мозга у существ.

Миллиарды лет ушло на взлёт рептилий...
 Горячекровные, на смену им пришел,
 Свою планету так преобразили,
 Что стал возможен взрыв иных рождеств...
 Живорождённые, чьё время — миллионы,
 А мозг — сперва всего лишь с кулачок,
 От мыши до кита и до бизона
 Всех тварей провели переучёт...
 Их высшее двуногое создание
 Десятки тысяч лет брело к сознанию...

*23 июля. Поездка по городу с Лёшей...
 Подготовка их похода по р. Зилим*

3.

Апогей

Десятки тысяч лет брело к сознанию
 Живое вещество, взлелеяв ум,
 От древности имея осязанье —
 Предощущенье притяженья лун...
 Затем приходит зрениа канун,
 Зрачками под водою партизана,
 А слух лишь расширяет притязанья —
 Господствовать на суше близок бум...
 Но осязанье, зрение и слух,
 А также обоняние и вкус,
 Лишь предвещают, что возникнет ДУХ —
 Питомец и гармонии, и муз...
 Шестое чувство — мира апогей —
 Отнюдь не привилегия людей...

*24 июля.
 День. 12.00
 г. Челябинск*

4.

Появление Духа

Отнюдь не привилегия людей —
 Влечение духовное друг к другу,
 В глубинах архаических морей
 Природа пестует самцу его супругу,
 Идёт вокруг красавицы игра,
 Исполненная ритмики и смысла,
 И мечется любовная икра
 В протоках бриллиантового мыса...
 Лишь папоротник на суше обречён
 Двоиться без летучих насекомых,
 Природа рассекает, как мечём,
 Мир надвое: влекомых-невлекомых...
 И вот идёт в растениях азарт —
 Тычинки-пестики идут на старт...

*24 июля
 Прогулка по бору с внучкой Машей и восстановление
 навыков убаюкивания по памяти детей и первых внуков,
 и это легко вспоминается.
 Время с 15.00 до 17.00. Чудо-погода.*

5.

Яйца жизни

От земноводных до рептилий —
 Полмиллиарда длинных лет,
 Покуда яйца научились
 Катиться, оставляя след..
 Хотя икринкам счёта нет,
 Но яйца дали крокодилам,
 Такой переизбыток силы,
 Каких у земноводных нет..
 Из всех рептилий только он —
 — Ровесник-родич динозавров,—
 Трёхсотый прожил миллион
 И очень бодро смотрит в завтра..
 Он сдревле яйца сторожил —
 И вот Земли он старожил!

27 июля. Город

РАЗГОВОР С СЫНОМ В БАНЕ

(цикл)

1.

Горит в камине медленный огонь,
 Уснули дети, жены и собаки,
 А простыня, как ангела фелонь,
 Отбрасывает тени в полумраке..
 Ты выглядишь, как Одиссей в Итаке:
 Крепка фигура и тверда ладонь,
 Ты мускулист от жизненной атаки,
 Гармонию познав, а не гармонь..
 Беседы за полночь, когда мы видим мир
 Единым в непрерывности событий,
 И пиво пенное мы пьём, как эликсир,
 Подверстывая таинства открытий..
 Любимый сын — есть счастье на земле,
 И эта ночь — вершина в их числе..

*Ночь с 5 на 6 августа
 в Варламово после их туристического похода
 по р. Зилим в Башкирии*

2.

И эта ночь — вершина в их числе
 Десятков лет, которых не четыре..
 Какое счастье — жить в подлунном мире,
 Отцу и сыну медленно взрослеть..
 Кекс шахматный разрезан на столе —
 — О шахматах припомнил ты в квартире,
 И как ты поднимал впервые гири
 Подростком-полуношей в игре..

А я отца припомнил изречение
 Из писем с фронта — мне наказ как жить,
 И к слову правды не терять влечение,
 И честь семьи для сына сторожить.
 Вот воплощение нити поколений:
 Мы — в бане... Дети — в волнах сновидений...

*Наутро 6 августа
 Все ещё спят. Я один в утре, солнце заликает окно... 9.30 утра*

3.

Мы — в бане. Дети — в волнах сновидений.
 Твой сын красив, как юноша-атлет,
 Готовый к испытаниям приключений
 В свои четырнадцать с немногим лет.
 Он даже может складывать сонет
 В мгновении словесных увлечений,
 И в нём ни тени раболепства нет,
 Чрезмерна только страсть разоблачений..
 Ты с ним объехал Запад и Восток,
 И пристально за вами смотрят предки,
 И только в них — судьбы твоей исток,
 Смелы поступки, изречения метки..
 Их горький путь взыскует к нам всегда,
 Россия с вами вечно молода...

*Тогда же. 10.30
 с. Варламово*

РУССКАЯ ДОЛЯ

(путевая зарисовка)

Всегда потрясают поездки в малые города Урала. С годами видишь и чувствуешь острее, внимательнее, цenia каждую крупину увиденного в ореоле опыта и внутреннего единства жития..

В Алапаевск мы поехали группой историков и краеведов посмотреть архитектурный музей под открытым небом. По дороге я рассказывал своим землякам о нём, виденном много лет назад, и об его организаторе — Иване Даниловиче Самойлове, как о редчайшем подвижнике-энтузиасте..

Участник войны, боевой офицер, он после ада смертей дал себе обет — восстановить церковь, где венчались отец с матерью. Это — посёлок Сенячиха под Алапаевском, где был когда-то крошечный заводик у плотины. А церковь — на горке, строена в годы войны 1812 года и после завершилась почти двадцать лет. Многоглавая, двухэтажная, в стиле барокко — редчайшем на Урале. Хозяева — род Яковлевых, крупных заводчиков из старообрядцев..

Иван Данилович долго с ней возился — с 50-х до 70-х годов безправно или под гонениями; а с 80-х — уже с благоволения начальства, ибо у власти в крае встал тогда Ельцин. Его покровительством ожил тогда не только почти ангельский собор, но и возник целый музей старинных крестьянских усадеб вокруг.. Всё это я знал с времён деятельности Всесоюзного Фонда культуры, где и встречался с Самойловым — уже тогда преклонных лет активистом, которого выбрали в Народные депутаты Верховного Совета СССР вместе с Лихачевым, митрополитом Питиримом и другими яркими фигурами эпохи Горбачёвской короткой перестройки..

Прошло почти двадцать лет, и я вновь приехал в этот музей, и вновь из сводчатых окон великолепного собора Преображенья залюбовался россыпью старинных, изрядно почерневших под дождями, деревянных домов, сторожевых башен, мельниц, амбаров и часовенок...

«А как вы чтите память своего создателя, Ивана Даниловича?» — спросил я у молодых дам, стайкой сидевших возле кассы музея и обсуждавших свои — как водится — домашние дела в силу малости посетителей в будний день..

Я сказал это, будучи уверен, что Иван Данилович давно отошёл от дел по преклонности возраста, а может — даже и вообще умер, как его многие ровесники-фронтовики..

— Иван Данилович работает, он по-прежнему наш директор! — хором воскликнули дамы и показали в окна на домик, где находится дирекция музея и где именно сейчас трудится и бдит Самойлов, седые апостольские волосы над головой которого так отчётливо помнил я все эти уже минувшие годы горбачёвско-ельцинской горячей крутизны..

Боже мой! Какой подарок поднесла мне судьба — и, конечно, радостное посрамление перед неверием её глубинной мудрости.. Как потешались надо мной спутники, пока мы шли по зелёной мураве благословенного холма, где на зелени засверкали в солнечных лучах капли ночного дождя: внезапно из серых туч вышло торжественное солнце, которого не было больше недели, и вся поездка шла в серости и унынии..

И вот именно в эти минуты Солнце осветило наш путь к дому, где мы увидели.. неизмеримо постаревшего, осунувшегося, дряхлого Ивана Самойлова, узнавшего все-таки меня (я ему напомнил события давних лет) и согласившего побеседовать о жизни с полудюжиной моих

земляков — потрясенных «ожившим» (я так и говорил им о Самойлове, как о прошлом!) легендарным человеком-творцом чуда создания громадного музея, раскинувшегося по обеим берегам чудесной речки Нейвы..

Нет слов, как и я был потрясён беседой с подвижником сбережения наследия. Подвижники всегда потрясали меня своей одержимостью. Но таких удачливых — сверхъестественно и необратимо — было очень мало. И Самойлов был самым бесспорно одухотворённым и достойнейшим из них..

— Мне отец говорил — не отвечай злом на зло. Делай только доброе дело — и не обращай на злых внимания.. Я так и делал, вот и всё..

Таким был лейтмотив его кроткого рассказа, исполненного библейской краткости и наивности, какими только и могут быть слова почти девяностолетнего старца, не однажды отсидевшего в тюрьме, и выброшенного в свои годы с работы за простодушную любовь к красоте древнего зодчества, к узорочью северных изб, к наивным рисункам деревенских маляров кисти, украшавших цветами стены крестьянских изб чуть не три столетия подряд на Урале..

Какое счастье, что впервые рядом со мной была и моя жена, обычно не имевшая возможности мотаться по градам-весям скромной моей родины.. Теперь и она восхитилась и человеком — старцем редкой нравственной силы и упорства, и его творениями, собранными за полвека по всему Уралу и даже в Сибири: он с гордостью показал нам из окна своего кабинета на только что привезённую таможенню с Великого Сибирского тракта, из-под Тюмени: высокую трёхэтажную деревянную избу — бревенчатый терем восемнадцатого века с крохотными новенькими окон-

цами, которую ладили плотники на ярком летнем внезапно выскочившем солнце.

И потом мы почти два часа бродили по этому обетованному уголку милого благословенного Урала, осматривали свезённые со всех её потайных мест древние почернелые избы и подворья шестнадцатого и семнадцатого веков — ровесников Ивана Грозного и Алексея Михайловича Тишайшего, свидетелей вольного землепроходчества и последующего раскола, в простоте которых — упрямое сопротивление и могучая воля к самоустройству... Каждая деталь — от печи до ухвата, от зимних саней до бороны рассказывает о предках мощно и безыскусно, только мало среди нас было искушенных, чтобы психологически вникнуть в молчаливые уроки четырёх столетий сопротивления верховной власти...

Привлекали больше резные, холёные избы-пятистенки позднего времени, с горшками гераней на подоконниках, с крытыми подворьями и ходками на кованых осях — всё, что свидетельствовало уже о достатке и самоутверждении их хозяев, равно как и мощные сторожевые башни, изящные часовни, таможенные посты, пожарные каланчи, тут и там разбросанные по угорьям прибрежной поймы...

Спутник мой — биолог и заядлый путешественник — обратил внимание на отсутствие фундаментов у большинства деревянных реликвий, на следы проникновения гнилостей в венцы срубов и, как опытный музейщик, начал сокрушаться:

— Как же так всё понатыкано без ума — за пять — десять лет всё в труху превратится!..

Я пытался обратить его взоры на работающих рядом мелiorаторщиков: они рыли экскаватором траншеи, клали туда трубы из асбоцемента и засыпали каменной трамбовкой...

«Это всё — для денег! Толку не будет — надо фундаменты срочно подводить, а уже конец июля. За зиму процесс наберёт необратимый характер. Этот дед не понимает, что творится... Разве можно в таком возрасте за всем уследить!» — резко констатировал он, почти по щиколотку погружаясь при ходьбе в болотную жижу...

И правда — в его словах открывалась печальная судьба грядущего музея, отчего мне стало горько, хотя я знал, что и наш новый музей в городе, строенный так недавно, уже заимел плесень в подвальных хранилищах из-за головотяпства строителей, а все, в том числе и мой собеседник, помалкивали... Таковы судьбы многих поспешных возведенных музеев, подумал я, вздохнувши, и спеша поскорее выбраться из действительно топкого места между двумя редчайшими усадьбами, с таким трудом вывезенными с севера в этот музей...

«Садитесь, едем в монастырь!» — послышался призыв нашего шофёра, уставшего ждать конца наших осмотров и дискуссий... И мы подчинились ему, хотя о монастыре рядом мы — признаться — даже не слышали...

Оказывается, рядом, как выяснил шофёр из беседы с работниками музея, находится только что построенный монастырь «Новых великомучеников» — убиенных большевиками великих князей рода Романовых, о судьбе которых мы, в общем, знали, но где именно было место их гибели — даже не догадывались...

И вот мы проехали минут двадцать, и попали на территорию, ограждённую великолепной многосотметровой высоченной стеной из лекального холёного кирпича, внутри которой находилась, оказывается, и шахта, куда живём сбросили великих князей и саму Елизавету Фёдоровну — сестру императрицы, гессенскую принцессу и русскую святую, ничем, кроме добра, не виноватую в событиях ни граж-

данской, ни предыдущей перед ней — империалистической — войн..

В монастыре уже выстроены и часовня Елизаветы Фёдоровны и церковь новых великомучеников, и даже корпуса будущих монашеских келий. Есть и источник святой воды, и готовая к подъёму наверх колокольня с дюжиной новеньких колоколов, и памятный крест возле горловины засыпанной злодейской шахты, где горят вечные свечи в киоте и идёт время от времени служба на воздухе, если позволяет погода и наплыв богомольцев..

Крепкие дюжие монахи стремительно пробегали по своим хозяйско-строительным делам, и было видно, что здесь всё идёт ходко и споро, что финансами их благое дело не обделено, а менеджерски всё обставлено на таком современном уровне, что даже доска объявлений о крестных ходах и поминовениях выглядит куда более броско и заметнее, чем телевизионные отрывки из обрывков наших ведущих каналов.. Всё рассчитано ни на единицы — а на сотни и тысячи прихожан, поток которых нужен, как и искомое раскаяние в наши непредсказуемые дни..

Потом мы возвратились в Алапаевск, где — как узнал вездесущий водитель нашей «Газели» — находится и дом, где пребывали перед страшной казнью неповинные ни в чём родственники царя..

И мы — действительно — посмотрели и этот дом — добротную земскую школу тоже из кирпича, только столетней давности, с громадными окнами и пятиметровой высотой потолков, строенными на века, где перед входом висели на громадном стенде рекламного вида.. портреты Елизаветы Фёдоровны, её наперстницы Варвары-монахини Марфо-Мариинской обители, рисованные прекрасные профили ещё пятерых мужчин — в офицерской форме, пого-

нах и даже эполетах.. Это были убиенные невинно дети Великого Князя Константина Романова, поэта, историка, друга Чайковского, попечителя Академии Наук и так далее.. Дети его (а у него было пять мальчиков, ушедших на фронт Первой мировой) почти все погибли здесь, даже не оказав сопротивления палачам-чекистам, причём, сбросив их живыми, а потом забросав гранатами горловину шахты, устроители казни так и не добились их гибели от ран.. Они все умерли от голоду, ожидая спасения от людей, но так и не дождавшись и громко распевая молитвы..

Тела их выгнали белые, придя в Алапаевск, только через две недели после расспроса жителей.. Сама Елизавета Фёдоровна похоронена была в Иерусалиме в Гефсиманском саду, как когда-то и пожелала при посещении Святой Земли..

Мы уезжали из Алапаевска следующим утром, унося печальную раздвоенность чувств.. Странно было видеть и прикоснуться к такому: гниющий музей под открытым небом — и стареющий подвижник-энтузиаст светского наследия.. Мощёный богатеющий монастырь — и рекламные щиты убиенных на улице, носящей гордо имя Ленина.. А рядом ещё и плакат «Алапаевск — город первых Советов на Урале!..»

Нас провожали нестареющие купеческие особняки на улице Ленина, задумчиво-тишайший, отстранённый бронзовый Петр Ильич Чайковский, взмахнувший ладонью в такт своей печальной музыке (в этом городе он провел свои юношеские годы) и многочисленные высоко взмётённые купола изумительной красоты соборов, которых тоже реставрировал упорный и неистовый подвижник русской культуры — Иван Данилович Самойлов, выбравший по своей Воле собственную, особенную Долю..

Неужели каждому — Своё?..

6 августа 2006

* * *

Непредсказуемая погода
 В июле-августе у нас,
 Как совесть нашего народа:
 То оправдает, то — предаст..
 Такой разительный контраст —
 В самой природе небосвода,
 В избытке сероводорода
 И в разделении мощных каст:
 Одни приближены к потоку
 Подземных струй и нищеты,
 Другие — взнесены высоко
 И к Космосу приобщены..
 Одни приветствуют покорность,
 Другие знают злость и вздорность..

6.08.06

14.30

с. Варламово

ОТЧАЯНИЕ

(цикл)

* * *

Восьмое августа. Пора
 обычно чистых сенокосов..
 А нынче — пасмурно с утра,
 Как будто наступила осень..
 И на душе, как будто просесть
 Иль раны твёрдая кора..
 Такое пережил вчера —
 Как будто прах с полей уносят..
 Как будто в битве в спину нож
 Мне сын вонзил, а дочь погибла,
 В тюрьму меня загнала ложь,
 Жену несчастье постигло..
 Как труп, встречаю я рассвет..
 Надежды нет. Погоды нет..

8 августа 2006

5.30 утра

с. Варламово

*Пасмурный рассвет. После отъезда сына,
 госпитализации внучки, автостолкновения с госпожой
 Рвачёвой, милиционной волокитой и поездкой в ливень
 из города в деревню, где двое внуков и Мила.*

* * *

Да, равнодушие — есть грех,
 Как трансформация гордыни,
 А им причиной — успех
 Иль поругание святыни..
 Они — подобие пустыни..

Обезобразивая всех,
 Обезоруживают тех,
 Как горечь не познал донине..
 Но ты — не ментор. Ты — поэт,
 Излом природы изучивший,
 Выковывающий свой сонет —
 Как слиток золота, очищен..
 Крепись.. Так Данте, видя ад,
 Не обратил пути назад..

*8 августа
 6.00 утра*

* * *

Не обрати пути назад,
 Бесстыдство видя и несчастья,
 Коррупцию развратной власти
 И труса бегаящий взгляд..
 Мир — не кормушка для награда
 Иль храм, закрытый от напасти —
 В нём робок луч любви и счастья
 Перед всесилием преград,
 Но дух пророка и в пустыне
 Способен ангела узреть..
 Того надежда не покинет,
 Кто может слабость покорить..
 В себе ищущу опору духа,
 Не ослабляя к горю слуха..

*8.09.06
 6.30 утра*

* * *

Сам посуды — велик контраст
 Душа, изнеженной довольством,
 Погрязшей в диком своеволии
 Пред нищетой презренных каст..
 Один — последнее отдаст,
 Другой — хрипит от удовольствий,
 Веся тележку продовольствий,
 Как изобилия фантаст..
 Просить не следует у сильных,
 Пусть даже собственных детей,
 Забывших святость тех усилий,
 Что стоил их успех затей..
 Беспамятность — порок обычный,
 Как призрак Лира горемычный..

*8.09.06
 7.00*

* * *

Как призрак Лира горемычный
 Под старость окружает нас —
 Так наглой спеси голос зычный
 Голь осмеянию предаст..
 Но наступает всё не в раз,
 Есть много тонкостей различий,
 Когда презрения обычай
 Овладевает стилем фраз..
 И ты его давно почуял,
 Задолго зная сей порок,
 Его терпением врачуя,
 Однако, сладить ты не смог..

И вот теперь, в итоге жизни,
Не прибегай и к укоризне...

8.09.06
7.30 утра

* * *

Не прибегай ты к укоризне,
Но сострадание копи
Ко всей отчаянной отчизне,
Как конь, что мечется в степи..
Свою ты волю укрепи
Во имя справедливой жизни,
Когда из туч луч солнца брызнет,
Кусты и листья окропив..
Так йог индийский сухощавый
И змеборец, и мудрец,
Берёт легко рукою правой
Все восемь гадины колец,
И яд спокойно переносит,
Когда его о том попросят...

8.09.06
8.00 утра

СВОЯ ВИНА

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...*
А. Твардовский

Я знаю, никакой моей вины
В том, что болеют внуки или внучки,
В том, что несчастьем мы окружены,
Когда целуем маленькие ручки..
Я прожил жизнь отнюдь не белоручкой,
Не жажда в одиночье тишины,
Не веря в проявление воли шучьей
Или в безгрешье собственной страны.
Но если задыхается дитя,
Ещё ни в чём, нигде не согрешивши —
Я вздрогну, лоб и грудь перекрестя,
Вину в себе мгновенно воскресивши..
О! Господи, кругом я виноват.
Всегда готов вернуть билет назад.

9.09.06
23.00

ПРОВОДЫ СТАРШЕГО ВНУКА

Вот и уехал юноша почти —
Молодцеватый, рослый, саркастичный,
Мир увидавший вовсе не в очки,
А самолично, да притом отлично..
Два паспорта — родной и заграничный,
Почти цыгански чёрные зрачки,
Уверенность, что люди — дурачки,
Умеет он скрывать весьма прилично..

Однако, он умело ладит труд,
 С компьютером на «ты», как сын эпохи,
 Он знает, что его не розы ждут,
 А вероятнее всего — чертополохи..
 Он — продолжение вечности семьи,
 В нём — все надежды предков. И мои..
10 августа 2006 г.

РАЗГОВОР СО СТАРШИМ ВНУКОМ

Прости, мой внук, что мы тебя опять
 С моей старушкой грустно провожаем,
 Год предстоит тебя нам не видать,
 Увидимся ли — сами мы не знаем..
 Прости, что мы тебя не понимаем,
 Порой не знаем, что тебе сказать,
 Ты сравниваешь нас почти с трамваем,
 А мы в тебе всё время видим мать..
 Как грустно, что не всё в семье сложилось,
 Как нам мечталось, как родился ты..
 Теперь надеемся на божью милость,
 Что ты осуществишь свои мечты..
 Мой милый мальчик, мальчик черноглазый,
 О! Как бессильны в мире наши фразы..
10 августа
После проводов

К 80-ЛЕТИЮ КАСТРО

(цикл)

Фильм Оливера Стоуна «Фидель» (≈ 2 часа длиной)

* * *

Какой спокойный гений у страны,
 Идущей в даль по собственной дороге.
 Ему слова о славе не нужны
 И не нуждается он даже в боге..
 Его сужденья сдержанны и строги,
 Он прост и чужд державной пелены,
 Как ветеран неслышанной войны,
 Которой рано подводить итоги..
 Никто из лидеров измученной Земли
 Настолько мудро в старости не сдержан,
 И неспособен разумом взорлить
 В такой доброжелательной надежде..
 Он понимает сущность всех эпох
 И не таит о будущем свой вздох..

14 августа
24.00

* * *

Кастро, Кастро. Че Гевара..
 Нашей юности пора..
 Тот погиб, а этот — старый,
 Всех их знает детвора.
 Романтизма годы спали,
 Пал и с ними коммунизм,
 Кастро — это Вам не Сталин,
 Нынче в мире глобализм.

Потеряв индивидуальность,
 Сколько стран ушло в запой,
 Только Кастро гениальность
 Вся осталася живой.
 Не прислуга он России,
 И Америке — не друг,
 Но какой могучей силой
 От него повеет вдруг.
 И завидую я Кубе,
 Где могучий исполин,
 Властью личной не погублен,
 Жив. И мыслит до седин...

*14 августа
 Ночь*

СТРАШНЫЕ НОЧИ

(цикл)

1.

Который день, которую ночь
 Не превозмочь мне страшной боли,
 И страха мне не превозмочь
 В твоей, о дочь моя, юдоли..
 Ребёнок без тебя, один,
 Такая слабая, больная,
 В ночи, одна.. И до седин
 Я плачу, сердце разрывая..
 Одна, без матери, во тьме,
 Почти глаза не открывая..
 Мерещутся всё время мне
 Её черты, моя родная..
 За что такая бездна мук
 Младенцу с влажными глазами,
 Лишеньё материнских рук
 И глаз, наполненных слезами.
 О! Господи, за что ты шлёшь,
 Такие ночи без отрады,
 Меня карай за лень, за ложь —
 Но только девочек не надо..
 Пошли им хоть надежды знак —
 Они надломятся иначе..
 Но глух к мольбам полночный мрак,
 А сердце мается и плачет..

*Десятый день болезни Маши в коме и разлуке с Анютой..
 Боже, спаси их! Молю
 15 августа 1.00 ночи*

2.

Молитва Богородице

О, Божья Матерь — помоги..
 Ведь дочь моя изнемогает..
 Владычица — твой взмах руки
 Народы в гибели спасает..
 Слеза твоя всех исцелит,
 А слабым укрепляет веру..
 Добротосердие — твой щит,
 Которому ты знаешь меру.
 Ты непорочна и чиста
 В державной власти над живыми,
 И твой синоним — Красота,
 И Справедливость — Твоё имя
 Не дай исчезнуть на Земле
 Младенцу с именем Твоим же,
 Оставь губами на Челе
 Свой знак, которого нет ближе.
 Твое восшествие грядёт
 В сцепленьи женского начала,
 И дочери священный плод
 Избавь от горестной печали..

*15 августа.
 2.00 ночи*

БОГ И ПОЭТ

Ты — есм. И я уж не ничто...

Г. Державин

Я не поклонник мира колдовства,
 Не верю в чудо магии двуличной,
 Но сердцу мало просто естества
 В той очевидности привычной..
 От предков мы наследуем урок:
 Безверие в опасности — погибель,
 Державин написал нам оду «Бог»
 Не как пророк и даже не святитель..
 Поэт — и не алхимик, и не маг,
 Но, прозревая связи Сотворенья,
 Не ради празднословия и благ
 Он небу шлёт опять стиха творенье..
 И эти животворные псалмы
 Царя Давида вдревле исцелили..
 А ныне — разве слабодушны мы,
 Чтоб не прибегнуть к вдохновенной Силе..
 О! Господи — ты есть! Не одинок
 И Человек тогда в подлунном мире.
 Хотя ему отпущен малый срок —
 Он прибегает к музыке и лире.
 Бессмертие заключено в словах..
 Переживая эры и народы,
 Поэт не превращается во прах —
 В воображении — его свобода.
 Но он — не своеволен. Знает Бог
 Его границы гнева и печали,
 И потому чеканен стиль и слог,
 Чтоб слёзы у потомков проступали..

15 авг. 2.30 ночи

НА РЫНКЕ

Купите про запас могилы —
 Земля пока что дешева,
 Всего сто долларов от силы,
 Но только всё — до Покрова.
 Купи, пока родня жива,
 А олигархи всей России
 Между собой не заключили
 Билль на особые права..
 Запас земли карман не тянет.
 Бессмертье людям не дано,
 Владыки мира и крестьяне —
 Все лягут в землю заодно..
 Но всех расставят только деньги —
 Купите землю во владенье.
16 августа

ИЗ ЦИКЛА «СТРАШНЫЕ НОЧИ»

* * *

Когда не будет в пустошах полей,
 Когда умолкнет голос жеребёнка —
 — То не узнаем мы страны своей,
 Как мир к закату солнца зрит подёнка..
 О! Одиночество без матери ребёнка,
 Покинутого в плеске тополей,
 Лесов горящих дымчатая плёнка
 И крылья обожжённых журавлей..
 Какие беды ожидают нас,
 Беспамятных к зерну и сайгачатам,
 Без человека не взрастёт початок,
 И кошка даже голос не издаст..
 Леса горят. Пустыня наступает.
 А человек спокойно засыпает..

*19 августа 2006
 Ночь 2.30
 Дом, Челябинск*

БЕРЕГА

Берегите речек берега —
 Шепчет мне богиня-берегиня..
 Коли Вам Земля не дорога,
 То дорожке станет Вам пустыня.
 Из далёкой древности донине
 Шепчем мы замедленно слога:
 Бережёный берег и река —
 Это наших пращуров святыня.
 Ведает Ригведа этот слог,

Волга — это вольная Россия,
 Матери-праматери исток,
 Что скрывают лиственные крылья..
 Молит нас язык — бережём
 Честь и матерей своих, и жён..

19.08.06
 2.45

СТАРАЯ СКАЗКА

Детская причудливая сказка..
 Яблоня и мальчик-дурачок..
 И сестрицы мужество и ласка,
 На гусей и лебедей зрачок..
 Обо мне, как видно, тот намёк.
 Для меня на старости натаска.
 А, быть может, поздняя подсказка,
 Чтобы я тот выучил урок..
 Уроню усталую главу
 На сестрицы сторбленные плечи,
 Мир для нас уже не долговечен,
 Только лаской я твоей живу..
 Милая сестрица, нет гусей.
 Мы одни среди России всей..

19.08.06
 3.00

ПУСТЬ

Пусть приходит поколение,
 Не изведавших сомненья,
 Упоённых дерзновеньем
 К дикой скорости Стремленьем..
 Нам останутся моления,
 К их телам прикосновенья,
 В снах когда отдохновенья
 Кожи дышат испаренья..
 То Природы повеленье —
 Дарит юным нетерпенье,
 Дарит старости сомненья
 И ошибок сожаленье.
 Чуешь тонкий запах тленья.
 Слышишь предков дальних пенье.
 И приходит ощущение,
 Что наступит озаренье..

19.08.06
 3.30 Челябинск

ТЕБЕ

Сама ли ты произвела
 Несчастье, что возникло свыше,
 Иль это гром ударил в крышу
 Исчадием слепого зла..
 Но нынче выгорел дотла
 Овин, где обитали мыши,
 И голос совести стал тише,
 Увы — такие вот дела..
 Не управляем мы судьбой,
 А беды — словно тучи в небе..
 Но на лице написан жребий
 У всех, и даже нас с тобой..
 Смиримся.. Так ячменный злак
 Стоит под ветром, прям и наг..

*20 августа
 с. Варламово
 10.00 утра*

ЕВРАЗИЙСКИЕ СТАНСЫ

(цикл)

1.

Величем Разума один.
 Другой — величем традиций.
 Один — как рыцарь-паладин.
 Другой, как йог, собой гордится..
 Как между ними уместиться
 России сын — простолюдин,
 Не раб, но всё ж не господин,
 Не склонный к гордости амбиций..
 Сам по себе? Но сплав души
 Язычества и православья.
 Ему такую отлил жизнь,
 Где только боль взамен тщеславья..
 Стоим эпохи и века.
 То — жребий наш наверняка.

2.

То жребий наш наверняка,
 Сыны праматери-природы..
 Полгода — сумрак небосвода,
 Звезда Полярная ярка..
 Так в недрах прото-языка
 Хранится память у народа,
 Где город — возле огорода,
 А град — как пули у виска..
 И Коло-солнца яркий диск —
Коловращеньем дарит лето,
Околиц отдалённый свист
 И оку зримые приметы..

Полярной родины сыны,
Мы северные видим сны...

3.

Мы северные видим сны..
Из древних уз оледененья
Пришли мы, северу верны,
Славянства множа поколенья.
Хранит былин славянских пенъе
Тот отблеск славной старины,
Где жёны в мужестве равны,
А мужи сдержанны в терпеньи..
Деревьев древняя судьба,
В деревнях воплощаясь зримо,
Дала нам прозвище «раба»
С времён владычущего Рима*..
Природы раб стал «божий» раб,
Хотя отнюдь не хил, не слаб...

4.

Был предок наш не хил, не слаб,
Но, брэнность мира наблюдая,
Берёзы чтит священный кап
И капище сооружая..
Он знал — природа всеблагая,
Где тропы в отпечатках лап,—
Свидетельство земного рая,
Где мёртво слово римских пап..
Языческо-крестьянский сплав
Руси хранили христиане,

* «Slave» — раб (лат.)

Отдав владыкам брэнность прав,
Но не прощая их в обмане..
Купалы с Масленицей ор
Хранит он свято до сих пор..

5.

Хранит он свято до сих пор
Зимы сожжение, как жертву,
И одиночества блаженство
В отшельничьих извивах нор..
Пусть скуп его церковный хор,
Струны не зная совершенства,
Но регента изящность жеста
Ведет с органом вещей спор..
Зато разгульность балалаек,
Гармошки наигрыш лихой
Срамят веками ложь всезнаек
И спесь учёности сухой..
Но главный след веков — изустен.
Правдив, сокрыт и безыскусен..

6.

Правдив, сокрыт и безыскусен
Могучий пращуров язык,
Санскриту родственный по чувству,
В корнях таинственно-велик.
В нем «матра» сдерживает крик,
А «папу» нас ласкает грустно,
А «бхатра» бьёт врага в капусту,
И «агни» звёздам чертит лик..
Всех пестует всеильный Род —

— Народу корень и породам,
 Родство роженица несёт,
 А правду — возглашать урдам..
 Десятки тысяч лет — наш путь,
 Но лишь язык всю знает суть..

7.

Язык. Язык. Первопричина
 Со-знанья, со-вести, семьи..
 Пред ним бессильна чертовщина,
 А с-частье кратко до семи.
 Ему ни в чём не измени,
 Как рода воин и мужчина,
 Обожжена которым глина
 Души от скверной суетни..
 Пути от Полюса на юг
 Иль от Онеги до Камчатки —
 Лишь перекрестье мощных дуг
 Судеб стремительных и кратких.
 А мощь родного языка —
 Есть след ядра материка..
 20—26 августа 2006

ЛЮБИМОЙ

О, Гордость женская, как мало
 Её в жизни понимал!..
 О, царское её начало —
 Начало всяческих начал..
 Её я в матери узнал,
 Когда её чело венчало
 То, что другим обозначало
 По мужу павшему печаль..
 И ты, величием своим
 Так миру брэнному контрастна,
 Так вызывающе-прекрасна,
 Что я предчувствием томим —
 А вдруг тебя я не достоин,
 Вдруг я — изменник, а не воин..

26 августа
 с. Варламово

РАЗНОЧИНЦЫ

Мы — не дворянские сыны,
 Мы — разночинцы с огорода,
 Нам разносолы не важны —
 Была бы пицца и свобода.
 И мы податливы весьма
 На снисхождение от власти
 По части нашего ума
 В преодолении напасти..
 Да, мы такие гордецы,
 Нас похвали — и мы раскисли,
 А все другие — подлецы,
 В башках которых нет и мысли..

Мы только к старости поймём,
 Как обманулись в мире круто,
 Став для детей своих дерьмом,
 Причем прогнившим почему-то...

*26 августа
 9.00 утра*

СУШУ ГРУШУ

Сушу я грушу. Солнце. Красота
 Ни облачка на синем небосклоне.
 А мухи к груше лезут неспроста:
 Так липнут люди к ликам в пантеоне..
 Моя рука их тучи не отгонит,
 Где каждый ломтик груши — красота..
 У нас отнюдь не южные места,
 Где фрукты сушат, как на полигоне..
 Там сушат души, видимо, к тому ж
 Самоубийством горького террора,
 А я гоняю мух от жалких груш
 В тени почти столетнего забора,
 И удивляюсь — до каких же пор
 У нас лишь мухи смелы на террор..

*26 августа 15.00 дня
 Двор в Варламово*

ПРОПАВШЕЕ ЛЕТО

Кончалась августа пора,
 Как запоздалое признание
 За тучи, мокрые вчера,
 И за обилье излианья..
 О! лета позднего свиданье,
 Любви не бывшей вечера,
 И чувств незрелых увяданье,
 Таких заманчивых с утра..
 Любовь — увы — не состоялась,
 И не обманут эти дни,
 Где солнышка — такая малость,
 Печаль пугливой суетни..
 И всех в душе пугает осень,
 Хоть солнце гордо лик возносит..

*26 августа
 18.00*

ЧИТАЯ МОИСЕЕВА*

(Монолог-поэма)

*Ко мне на суд, как баржи из тумана,
Столетия приплывут из темноты...*

Б. Пастернак

Когда смотрю на поступь биосферы —
То замечаю тайный сей закон:
Так в монстры обращаются химеры,
Чей вид к уничтоженью обречён..
Вот папоротник задумал стать владыкой
Земли безбрежной, вымахав в леса,
И динозавр — громадный и великий —
Вершит по всей планете чудеса..
Но миг — геологическая эра
Их превращает в ящериц и змей,
Как будто говорит им биосфера:
Опасен ты, и крупным быть не смей..
И никнет папоротник, дорогу уступая
Сосне и ели, шишкам-семенам..
Закономерность чётче проступает,
Ведь он приравнен к древним Плаунам,
Которых он опередил когда-то,
Как те — лишайник и густые мхи..
В природе за монополизм — расплата
Видна в игре таинственных стихий..
Недаром уменьшаются в масштабе
Гигант-медведь пещерный или тигр,
А мамонт выдыхается и слабнет

* Н. Моисеев. Расставание с простотой. — М. : Аграф, 1998.

Средь ледниковых и неледниковых игр..
Природа не спешит в игре мутаций..
Свободно проводя эксперимент.
В цветеньи мака, яблонь и акаций
И человечеству пришёл момент..
Секунда на часах вселенской эры.
Теперь ему доверена Земля..
Пусть он проверит действенность химеры,
Когда свои свершает вензеля..
Но, как бы не был упоён он властью,
И не стремился к звёздам, осмелев,
Природа приготовила напасти
Подейственнее, чем пещерный лев..
Спирально время убыстряет темпы.
Тысячелетия теперь — ни в счет,
И силлогизмов власть и аргументов
Бессильны, если вирус взять в учёт.
Да, человек обрёл величье мозга,
Да, он способен оценить себя.
Но ни одной загадки он серьёзно
Не разрешил, природу всю губя:
Не знает тайну смерти и бессмертья,
Какой владеет плесень, например,
Не знает направленья круговерти
В насыщенности информационных сфер..
Ни нищеты, ни злобы не смирил он,
Но увеличил бешенство стихий,
Чтоб засуха полмира раззорила,
А беднота восстала на верхи..
Здесь разуму не остаётся места,
Слепой инстинкт тут царствует опять..

А дальше — всё заранее известно...
 И сам Господь не даст нам Благодать...
 Но, может быть, величье интеллекта
 Преодолеет дикий гигантизм,
 Как предок наш — наш одовайский Некто —
 В несчастьи обрёл иную жизнь.
 Сотрудничество слабых — это сила,
 И голод — это пища для ума.
 Сама Природа наверх возносила
 Питеков из звериного дерьма.
 В миллисекунды по шкале планеты
 Обрёл наш предок ловкость и огонь,
 И не орудия — тому приметы,
 А мощный тезис: «Слабого — не тронь».
 Исчез питекантроп, неандерталец,
 Имея близкий генный механизм,
 Лишь кроминьонцы молча догадались
 Священной почитать собратьев жизнь...
 Запрет убийства и кровосмешенья,
 Единство мифа предков — вот трамплин,
 С какого слабый начал возрожденье,
 Лишь отличаясь разумом своим...
 Не помогла ли и ему Природа,
 Передвигая горы ледников,
 Чтоб выжила особая порода
 Способных к переменам чудачков...
 Ведь жили же века в каннибализме
 Неандертальцы, жгли в охоте лес,
 Не зная ни святилищей, ни тризны,
 Ни всяких сверхестественных чудес.
 А кроманьонец знал запреты рода,
 И женщину возвёл на пьедестал...

Так началось обилие народа,
 Быть зверем древний предок перестал...
 А мы, своё забыв происхождение,
 С времён патриархата чтим Мужей —
 Точнее, собственное самомнение,
 Что Разум — это фаллос в Кураже...
 Увы, увы — путь этот в преисподню,
 И потому Природа нам и мстит,
 Унижена, как женщина в исподнем,
 С порно-журналов что на нас глядит...
 Четыре тыщи лет патриархату,
 Религиям, что Бога чтут Отца.
 Шестнадцать тысяч лет матриархату,
 Что роль сыграл Вселенского творца...*
 Но разве гигантизм Урбано-Мира
 Цивилизация и дальше сохранит?
 И будет чтить Мужчину, как кумира,
 Как фараона древних пирамид?
 Мужчину, ставшего всемирным каннибалом,
 Убийствами прославив все века,
 Как славятся и папства кардиналы,
 И подвиги ничтожного царька..
 Вся письменность, все мифы и легенды,
 — Всегда о Нём, о Зодчем, О Творце,
 Лишь о Христе чуть-чуть интеллигентно,
 Как миротворце или мудреце...
 А женщина? То ведьма, то колдунья,
 То лесбиянка. Только Бога мать —
 Таинственно-молчащая ведунья,

* Открытие одной Евы — прародительницы (1999 г.) по митохондриям негров Африки.

Несущая страдания печать...
 Где женщина, создавшая запреты
 На инцест и убийство стариков?
 Где женщина, узнавшая секреты
 Звучанья мелодичных языков?
 Где женщина, чья песня колыбели —
 Исток поэзии и чародейский слог,
 Где женщина, пред коею робели
 Все воины и всемогущий Бог...
 Она — зерно взрастившая для пищи,
 И тёлку дикую — для молока,
 Пригравшая болезненных и нищих,
 Изобретательница всякого станка...
 Нет женщины такой в былинах мира,
 И лишь Афины чтит за мудрость грек,
 Хотя давно растоптана порфира,
 Поскольку лишь Мужчина — Человек...
 И, спрятана в гаремы и бордели,
 Четыре тыщи лет жила она,
 Служанкою иль телом на постели,
 От власти навсегда отстранена...
 И что в итоге! Стыд цивилизаций.
 Коррупция, война, концлагеря:
 Парад всемирный всяческих мерзавцев.
 И это длит Природа всё не зря.
 Пока не сменит Мир координаты,
 Сотрудничеством заменив вражду —
 Бессилен нам помочь и даже атом,
 С Природой и моралью не в ладу.

Таков Итог, что видится с Урала,
 С древнейших гор планеты, где пути

Народов, добывающих металлы,
 И в Индию сумевшие дойти...
 Здесь виден смысл древнейших эволюций
 От звероящеров до ядерных ракет...
 Коль в культе Женщины народы не сойдутся —
 То всей Цивилизации — привет!

Уйдите же с подмостков подлой сцены
 Фигляры — патриархи и шуты,
 Настало время новой перемены
 И обнаженья вашей нищеты.
 И древней Прародительнице Мира
 Мы возвратим и почести, и трон,
 И нравственность планетного эфира,
 И замысел, что носит электрон.

Пусть зазвучит, как древняя Ригведа,
 Призывы Женской воли и Судьбы,
 Природы замысел дано изведать
 Ценою состраданья — не мольбы..

А нам, поэтам, бардам, менестрелям,
 Что прославляли Женщину века,
 Дано воскликнуть даже на расстреле:
 «Да славится судьба Материка,
 Где сохранили женщины величье,
 Где разгадали весь природный ход,
 И где мужская доблесть — в слитном кличе
 Свершить спасительный переворот...»

26—27 августа 2006 г.
 с. Варламово

ЯМА ДЛЯ ПЕРЕГНОЯ

В провал промоченной земли,
Которую дожди прорыли,
Валою зеленые стебли,
Как бы в подобие могилы..
Так предки предков хоронили,
Которых, впрочем, мало чли,
Лишь от зверей едва зарыли
И в конный поиск утекли..
Не так степенный духобор
Себе готовил домовину:
К колоде применя топор,
Выдалбливая сердцевину.
И листовницы твердый свод
Его в столетьях бережёт..

27 августа
13.00

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Земля, земля. Тяжелая земля.
Как много я перекопал лопатой,
Хоть и провел полжизни у руля —
Ты будешь мне итогом и расплатой.
Не хватит ни богатства, ни зарплаты,
Чтоб домовину не проела тля,
Долбить колоду — это тоже зря,
Там ни к чему и каменны палаты..
Лишь слово сохранит и дух, и страсть,
Но только на пределе откровенья,
Поскольку нам дана иная власть
Достоинства, и чести, и терпенья..

Тогда Возмешь меня, моя земля,
Когда сочтешь, что прожил жизнь не зря..

27 августа
13.30
с. Варламово

* * *

Все сверхестественно, по сути:
Ты жив. И дочь твоя жива.
Воспринимает твой рассудок
Закономерность естества.
Кончину друга. И слова
О том, что прошлого не судят,
А грязь естествена в посуде,
Коль нет в продаже вещества..
И сверхестественно, что это —
В одном потоке. В стиле фраз.
И взрыв наития сонета,
И о предательстве рассказ.
Так, структурируя реальность,
Ты обретаешь гениальность..

27 августа
22.30 после покраски фасада дома на высоких лесах..

МЫ И ВНУК

Всё холоднее августа пора.
Обильнее дары труда и воли.
Таков итог: превозмогая боли,
Обязаны трудиться мы с утра.
Нас созидает деланье добра,
А не разврат ничтожных своеволий,

Так пахарь, надышавшись пылью в поле,
 Яснее чувствует вкус хлеба в вечера...
 И мы с тобой, копая огород,
 Любуемся, как внук нам помогает,
 Что не лентяй, хотя, наоборот,
 Он часто вредничает, явно досаждая...
 Но мальчик вырос, честен и любим.
 И без него тоскливо нам двоим...

27 августа

23 часа. После рассказа внука о книге «Рыжик», потрясшей его судьбой беспризорника...

* * *

Кончается лето. В итоге
 Отнюдь не кончается жизнь
 Мы снова стоим на пороге
 Осенних свиданий и тризн.
 Чуть-чуть оклемалася внучка,
 Простыл и сопливеет внук,
 Теперь не совсем белоручка,
 В мозолях натёртых у рук.
 Как медленно копится зрелость
 Детей городских и шальных,
 Не знающих трудного дела
 Всегда в окруженьи родных.
 Он вырос в стране перепутья,
 Где деньги опять и обман,
 И где каждый третий — распутник,
 А каждый шестой — хулиган...

Ночь 27—28 августа

К 50-ЛЕТИЮ ОБЛ. ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Сентябрь 1956 — сентябрь 2006 года

Неужто минуло полвека,
 Как я узнал телеэкран,
 И слишком юным человеком
 Влюбился искренне в обман...
 О, дни счастливого эфира,
 Явленье славы в тот же миг,
 Когда в соседские квартиры
 Твой облик радостно проник...
 И пусть бранит зловедный Пивер*,
 Медведев* мягко упрекнет —
 Я, как солдат, что чистит кивер,
 Опять пушу стихи в полёт...
 То было юное блаженство,
 Весь мир поэзии объяв,
 Мне Оболенский в совершенстве
 Урок дал мужества и прав.
 И пусть прошло теперь полвека —
 И ветеран, и старожил,
 Я благодарность не к потехе,
 А к искренности сохранил...

8.09.06

* Режиссеры Обл. ТВ 50—60 гг.

ШУТОЧНАЯ ПРИТЧА ОБ «ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КРАЯ»*

Мы — дети радостной Природы,
 Всегда готовые вдвойне
 Во имя чести и свободы
 К любой приткнуться стороне,
 Нам все в далече интересно:
 Дворцы, интриги старых лет,
 Как кто-то на столбе воскреснул,
 Как кто-то вскинул пистолет...
 И только место дня рождения,
 Как глупость юных ранних дней,
 Неинтересны, без сомненья;
 Сей бред с годами всё сильней...
 Поэтому ни для карьеры,
 Ни для учёных степеней
 Не ищут в детстве Агасферы
 Особой мудрости корней.
 И — признаюсь — и я в том грешен,
 И если б не начальства рык,
 И я б остался безутешен,
 Свой вовсе не найдя язык...
 А так — благодаря Заказу,
 Министр который подписал,
 Обрел я о культуре фразу,
 И сказы-были прочитал...
 Ведь правда — тьма тысячелетий
 На малой родине моей

* Написано для представления-презентации книги «История культуры Челябинского края», написанной мной по заказу Минкультуры.

Таких полна порой соцветий,
 Причем, чем ближе — тем сложней.
 Но, слава Богу, есть редактор,
 Есть консультанты-молодцы,
 И можешь ты пахать, как трактор,
 Иль конь, что взнуздан под узды.
 И радуйся, что жив Татищев,
 В анкетах, письмах, рапортах,
 И что Аносов правды ищет,
 Ресовскому неведом страх.
 Ликуй, что гневна Вириная,
 И мудр Трашутин, аки змий,
 А Зальцман Сталину, бледнея,
 Перечит фразой «не убий»...
 Но главное, что есть прекрасно —
 Что не кочевник я уже.
 Единство Место — это ясность
 Любых событий в крутеже,
 Начало и концы подонков,
 Возмездья изошренной лжи,
 И мифы странные потомков —
 Вот человеческая жизнь...
 Спасибо и судьбе-рулетке,
 Что, там где вырос — там живу,
 И, не гоняясь за отметкой,
 Чудес касаюсь наяву.
 И благодарность Министерству —
 (Ведь не Управа, почитай),
 Что учит, как нам жить по средствам,
 Урал любить, а не Китай...

7—8 октября 2006 г.
 г. Челябинск

* * *

Собственные домыслы-умыслы.

В этой тетради конца 2006 — начала 2007 года сразу три значимых ухода — Логинова, Тросмана и Лаймы. Одновременно продолжается исследование Пушкина, Державина, Пастернака, что сказалось на стилистике циклов, рождённых в поездках в В. Уфалей. Архаика и модерн, традиции и разлом современных кричащих проблем — фантастичны и предельно отражены. Слава богу, дал мне силы на эту тетрадь — такую непредсказуемую и искреннюю...

* * *

Вчера прошла презентация моей жизни — книги «История культуры Челябинского края», или 4 тысячи лет культуры на Южном Урале. Она была в здании ТЮЗ — Театра юных зрителей, бывшего Театра Драмы им. С. Цвиллинга, бывшего Народного Дома (1906 г.), т. е. зданию сто лет, и в нём я с детства смотрел сначала детские спектакли («Снежную королеву»), потом — первые юношеские («Любовь Яровую»), потом — постановки моего друга Тенгиза Махарадзе («Легенда о белом дереве», «Гарсия Лорка»), а теперь — я на сцене получил «Медаль Михаила Шолохова», к 100-летию великого Нобелевского лауреата, творца «Тихого Дона» с надписью «За гуманизм и служение России»...

Излишне говорить, как это было знаменательно для меня, родившегося и выросшего в этом Городе, где прошла вся сознательная и такая бесконечно счастливая моя жизнь, полная изумительных открытий, потрясений и откровенной судьбы...

И была в зале моя родная сестра Ирочка, ранее утром получившая новую книгу «Семейных хроник», которую я

составил в клубе писательского мастерства, где занимаются около двух десятков пенсионеров — пишущих о своём прошлом, о военных временах, о судьбах своих и родительских..

Книга предельно искренняя, мастерская, феноменально откровенная и высоко-искренняя, какими только и могут быть книги моего поколения, прокалённые войной, голодом, нищетой и борьбой за собственное достоинство. Она так, кстати, и называется «Обретая себя»... (моя идея)

Почти все тексты я обработал слегка, убирая длинноты и чистя язык просто интуитивно. И забыл уже почти, как это делал, но, читая готовое издание, наслаждался чистой языком, деталями быта и семейных подробностей..

И это тоже — веха моей жизни, за которой труд и выносливость, доброжелание и плавное вхождение в мир чувств моих прекрасных земляков..

Надо ли говорить, какое одушевление это даёт, настрой и полёт воображения, даже «гордыню» какую-то, хотя вокруг столь много гадкого, мелкого и трагичного...

Сюда относятся —

1. Смерти, неизбежные смерти моих родственников, спутников многих лет.

Смерть Владимира Ивановича Логинова, Володьки «Зуба», одноклассника по дому, школе, институту, соседу по саду, необыкновенно дорогого человека; его родители — Логинов Иван Кузьмич, мастер слесарного дела, завода Колущенко, учивший меня в 40-е годы (с 7 лет, с 1947 года по 1955 гг.), как работать с деревом и металлом. Его помощь в сооружении модели яхты запомнилась на всю жизнь. Шпангоуты, киль, стрингера — все эти слова связаны с ним. Он сделал невероятное — отлил на заводе специальные плоские грузики для кия, чтобы паруса яхты

(длиной около 1 м) уравнивались величиной груза на жестяном киле..

Бесконечна эта волна благодарности того подростково-го мальчика, которая навсегда утвердила во мне уверенность — тебе помогут, тебя уважают, тебя поддержат. Не имея отца, я преклонялся перед Иваном Кузьмичём, с которым долгие годы общался и в саду (новелла «Демьяныч» посвящена ему)...

Володька был в одном классе со мной — худенький, остроносый, слабый и хитрый — но соображал по выгоде мгновенно. Я, естественно, помогал ему всегда, и в школе, и в вузе, куда он пошел по моему примеру — на строительный факультет. Был в одной группе.

Он учился неплохо, как неплохо жил — обыкновенно и расчетливо, только всегда бранил власть, время, страну, умело устраиваясь (работал на стройке жел. дороги в капремонте). Жена его — Тамара — из нашего же двора, из многодетной рабочей семьи, очень работающая, терпеливая, красивая, как цыганка. Мы с ней были в дружеских отношениях, даже в старших классах ходили вместе в театр и в филармонию..

От этого Володька очень не доверял мне впоследствии, когда мы уже оба жили в разных домах, работали далеко друг от друга, но сады были рядом..

А ведь именно Тамара пригласила меня на их свадьбу, когда они поженились в 1962 (?) году, а я только искал себе будущую подругу жизни.

Именно Тамара (и сестра Володьки Ирочка-красавица) пригласили меня и двух сестер — Наташу и Милу, чтобы устроить мою жизнь, за что бесконечно благодарен я все-все годы, которых прошло почти полвека (с 1963 года).

И вот Володя умер вчера, в день моего торжества (презентации книги и получения медали, а до этого — две недели назад — получения из рук Губернатора звания «Заслуженного работника культуры»). Умер, перенеся несколько инфарктов и инсультов, как и Иван Кузьмич, который выдержал их чуть не десяток..

Не скажу, что мне безразлично своя планида, но как грустно, что на похороны я не попадаю — столько добра я получил от этой семьи, столько участия и поддержки, что просто немыслимо: надо читать лекции в В. Уфалее, увы..

2. Умер Вадим Сергеевич Пшеницын — коллега по ЧПИ — ЮУрГУ, кандидат исторических наук, бывший телеоператор студии, прекрасный, эрудированный, благожелательный человек, который жил рядом, часто встречались, обсуждали эпоху и её повороты, психику молодёжи (он был даже проректором по воспитанию в вузе в годы перестройки)...

Он много пил, болел, нервничал, рычал на то, что всё идет не по его схеме устройства общества, ибо он был всё-таки догматик от демократии, диссидент в душе как всякий деятель искусства наших кругов..

Ещё год назад он прочистил сосуды по американской технологии (сын его — крупный финансовый деятель местной администрации, зам. министра экономики Дятлова) и настроился жить долго-долго, чего бы и я искренне хотел.. Но он был всегда зол и рассержен на новый тоталитаризм Президента из ФСБ, на «управляемую» демократию, и сам себя загонял всё время, будучи столь больным..

И вот Леня Пикус — седой мальчик-фотограф, друг из ЧПИ — ЮУрГУ — сообщил мне в троллейбусе (я ехал всего две остановки) печальную весть: он и Володя Хламкин были всего вдвоём на его — Пшеницина — прово-

дах... Как всё это ужасно и драматично — ведь это коренные мои, любимые люди самых близких отношений... Как быстро опадают листья в октябре, так с тихим шелестом прощания уходят самые близкие люди, мужчины — мальчишки моей жизни, которых сразу вспомнив, видишь насквозь всю тоннель бытия...

17 октября 2006
Поезд Челябинск — Уфалей

Памяти друзей детства

ЗАМЫКАЯ КРУГИ...

(цикл)

* * *

Великих личностей когорта
Всегда соседствует в пути
С людьми обыденного сорта
Которых запросто найти..
И пусть им не дано светить —
Они, как в химии реторта,
Иль, как соседство с Богом чёрта,
Должны с тобою жизнь пройти..
Я знаю их и жест, и фразу,
Любовь, обыденность и быт,
Их имена напомнят сразу
Эпохи плесневелой вид..
Их путаная заурядность
— Судьбы печальная обрядность..

17 октября,
поезд Челябинск — Уфалей,
9.30

* * *

Судьбы печальная обрядность
В терпении, суголке, любви
Всегда несёт такую странность,
Какую бытом не зови..
Не бьёт горячий пульс в крови
Иль юной девушки нарядность,
Иль с другом выпивки парадность,
Пусть даже с другом — визави..

Не быт — такие вспышки счастья:
 Беседы, встречи наобум,
 Восторженная властность страсти,
 Питающая дух и ум..
 О! Жизнь врасплох. Удачи. Горе..
 Святое жизненное море..

Там же. 10.00

* * *

Святое жизненное море —
 Достоинства потери риск,
 И настороженность во взоре
 При виде дев и одалиск..
 Метает каждый в жизни диск,
 С апатией и ленью споря,
 Бандит иль будущий артист,
 Не чужа жизни траекторий..
 Но даже подвиг — не итог
 Его посильных устремлений,
 Их не тревожит даже Бог —
 Их гложет тайный червь сомнений..
 И каждый жизненный уход
 Есть факт, что он себя сгрызёт..

* * *

Тот факт, что он тебя сгрызет,
 Сомнения червь, заранее виден..
 В уста он вставит анекдот,
 Он душу захлестнет в обиде,
 Уверит он — что жизнь — в корриде,
 Где бык — на шпагу нападёт,

И что бессмысленно Овидий
 В изгнание жалкое идёт..
 Всё — правильно, всё так и есть,
 Всё в этой жизни — тлен и падаль,
 Бессмысленна любая честь,
 А здравомыслие — отвага..
 Сим успокойся. Навсегда,
 Всё в этом мире ерунда.

Квиштым 10.30

* * *

Всё в этом мире — ерунда,
 Но старый хрен пускает корни,
 И прорастает лебеда
 На старых вырубках упорней,
 И чудной силой непокорной,
 Ничуть не чувствуя стыда,
 Художник кистью чудотворной
 Пейзаж рисует у пруда..
 Заложник вечности седой,
 Зачем он вкладывает душу,
 Законы гибели наруша
 Наперекор судьбе благой..
 Бессмысленна его отвага,
 Ведь всё равно вонзится шпага..

Поезд 11.15

Маук

* * *

Пусть всё равно вонзится шпага,
 Пусть заметает землю снег —
 Не для корысти, не для блага
 Творит, дерзая, человек.
 Обыденность — его ковчег,
 И штурм её — трудней рейхстага,
 Но не горит в огне бумага,
 Где виден строчек нервный бег..
 Так спите, детские друзья,
 Тщеты бессмысленной пророки —
 Отмерены от Бога строки,
 Но вам мне следовать нельзя,
 Меня влечет неочевидность
 И глупых истин дальновидность..

Подъезжая к Уфалею
 11.30

ПРОЩАНИЕ С ВЛАДИМИРОМ ЛОГИНОВЫМ

(цикл)

* * *

*Beati Possidentes —
 блаженны имеющие.*

Спутник жизни моей и товарищ,
 Сверстник детский и добрый сосед..
 Пережили мы много пожарищ
 И потерь, и несчастий, и бед..
 Подаривший жену мне и друга,
 Помогавший буквально во всём —
 Вот пришла мне с тобою разлука,
 Ты покинул родимый наш дом —
 Дом прекрасного детства святого,
 Дом застенчивой доброй мечты,
 Где отца твоего, как родного,
 Я узнал, как творца доброты..
 О! Родительский дом незабвенный,
 Был ты верен ему навсегда,
 Украшая свой сад вдохновенно
 Неустанным искусством труда.
 Ты владел этим миром, Владимир,
 Беззаветно Россию любя,
 Ты носил высочайшее имя,
 И таким мы запомним тебя..

18.10.06
 6.00 утра
 В. Уфалей

* * *

Осознают ли юные внуки
 Этой верности дому пример —
 Тот высокий образчик науки
 Отрицанья корыстных карьер —
 Мы не ведаем... Спи же навеки,
 Терпеливец и однолюб,
 Доказавший, что есть в Человеке
 Крепость Духа, что крепче, чем Дуб..
 Пусть цветение яблонь напомним
 Поколениям наших детей
 Запах милых родительских комнат,
 Что нам был всей планеты милей.
 Да, войны повторенья не надо.
 Но Распаду России не быть
 Только верностью дому и саду —
 И уроков твоих не избыть..
 Миром надо владеть, как Владимир,
 И не бить себя в грудь на ветру.
 Тяжек труд — поддержанья святыни,
 Потому и зовётся он — ТРУД..
 18.10.06,
 6.30

* * *

О! Тамара, царица Тамара,
 Ты — подруга его и жена,
 Основанье земельного шара —
 Ты и мужу, как прежде, нужна.
 Только Бабушка внуку подарит
 Дедов-прадедов тайный секрет,
 Что России на крохотном шаре
 Лишь наследием убыли нет.
 И династии корень подземный —
 Всем соблазнам стоять вопреки,
 А иначе безродно-туземны
 Станут в прах на Руси мужики..
 Знаешь ты все борения мужа,
 Боли-радости, гнев и печаль,
 Ты всегда их сносила не вчуже,
 Закалена в работе, как сталь..
 Пусть же внук унаследует деда
 Неуём, беспокойность, азарт..
 Обойдут и Россию те беды,
 Что сегодня готовы на старт..
 18.10.06
 7.00

* * *

Нет в России общин стародавних,
 Нет крестьянских старинных миров,
 На которых стояла державность
 Самобытных хозяйских дворов..
 Старый дом городской наш надстроен
 Новым русским манером внадрыв,
 Всё же дед оставался героем
 Тех общинно-хозяйственных нив..
 Он всему был открыт и заботлив,
 А по-русски сказать — домовит,
 Со-товарищ он был. Со-работник.
 От отца был в труде даровит.
 Потому и сумел он оседло
 В старом доме прожить целый век,
 Что он был не кочевником беглым,
 А устойчивый был человек.
 Унаследует ли тот характер
 Ваш талантливо-радостный внук.
 Впрочем — в этом желательном факте
 Вся основа грядущих наук..

18 октября 2006 г.,
 7.30 утра

Эпилог

Весною будут яблони цвести
 Пред нашим общим домом-старожилом,
 Где железнодорожные пути
 Звенят от скорости по закалённым жилам..
 А нам опять к родительским могилам
 С инвентарём покрасочным брести,
 Чтоб поклониться ласковым и милым,
 И все обряды снова соблюсти..
 Да будет стоек вновь круговорот
 Обычаев, рождений и уходов,
 С которыми Россия обретет
 Достоинство среди других народов
 Владеет Миром тот, кто домовит —
 Владимир Логинов об этом говорит..

18 октября,
 8.00
 В. Уфалей — День похорон.
 Умер в 65 лет.

ДУБОК И ВНУЧОК

Я дуб посадил, он ещё невысок.
 По плечи мне будет плечистый дубок.
 Я внука вырастил. Он ещё паренёк.
 По плечи мне будет упрямый внучок.
 Растите, растите, живые тельца,
 И радуйте душу, измаяв сердца...
 Как желудя дуба мне знать не дано —
 Так внука не ведать судьбы полотно...
 Разрывы, надрывы во пряжке времён:
 Дуб только подросток, а внук не мудрён.
 Но временно это. Их шанс — впереди,
 А сердце стучит всё сильнее в груди...

31 октября 2006

14.

БЕССНЕЖЬЕ

(цикл)

(Диалоги с самим собой)

* * *

Стоит ноябрь, а всё-таки тепло...
 Земля черна, и трактор пашет землю,
 И, эти изменения принимая,
 Смотрю я вдаль сквозь поезда стекло...
 Быть может, нам и вправду повезло,
 И ход событий нами впрямь приемлем,
 Хотя порядок мира поколеблен —
 Нас благодати осенит крыло...
 Сухая осень шла так благодатно,
 Что вызрело до спелости зерно.
 Друзья ушли в бессмертье безвозвратно —
 Их больше знать нам в жизни не дано.
 Уход ли их так изменяет климат,
 Хоть говорят, что мёртвых срам не имеет..

Поезд В. Уфалей, 13.11.06

8.10—8.30

ст. Челябинск

* * *

Да, говорят, что мёртвых срам не имеет,
 Ибо имеют лишь живые срам,
 И потому так стыдно по утрам
 В соседстве грустном с мыслями своими...
 И этот срам своё имеет имя,
 Его не обелит молитвы храм,
 Не возвеличит лазерный экран
 В своём усердии неповторимом...

Он ощущеньем горечи живёт
 От высохшей травы, что бесполезно
 Торчит в грязи, земле отдав приплод,
 А снега нет, в котором тайны бездна...
 Тот стыд и есть иссохшее быльё
 России-родины. Твоё. Моё...

Поезд В. Уфалей
 8.30—9.00

* * *

Стыд, не покрытый снежной белизной,
 Он, как безумие — везде со мной,
 Полюнью горькою полны поля,
 И чёрной пахотой сквозит земля...
 Да, этот вид истерзанной тоски —
 Гниющие от грязи стебельки,
 Заржавленные рельсы у путей
 И ржавая листва у тополей...
 Мы не привычны к этой срамоте.
 Мы видим божью кару в хромоте.
 Мы чуем беды в жёлтом камыше,
 Мы ищем грех бесснежия в душе...
 Расплатою нам предстаёт земля,
 Где поздней осенью обнажены поля...

Поезд В. Уфалей
 9.30

* * *

Друзья, друзья — как рано вы ушли:
 Сквозные раны у родной земли,
 Родимый хаос обступает мир
 И наполняет яростью эфир...

Вы — безответны. Вы ушли не зря,
 Оставив нам бесснежные поля,
 Отравленные реки безо льда
 И порванные ветром провода...
 Несчастий на земле не перечесть,
 Когда на ней исчезло слово «честь»,
 И климат изменился до того,
 Что встали у черты мы роковой:
 Природа обессилена от нас,
 Как цеха заржавелого каркас...

Поезд В. Уфалей
Аргаяш. 10.00

* * *

Ну, полно, друг. Стенания пусты...
 И невозвратны милые друзья,
 Изменчивость природной красоты
 Нам избежать, повидиму, нельзя...
 Твоя ещё не прервана стезя,
 А зоркость возрастает у черты,
 Где обаянье строгой простоты
 Тебе даёт величие Ферзя...
 Цени, цени безвременье, как миг,
 Нашествия пурги не избежать,
 Будь у природы зоркий ученик,
 Ищи во всём величия печать...
 Ты видишь сосен зелень. Их урок
 Пускай тебе послужит Далё впрок...

Разъезд Бижеляк
 10.30

* * *

Есть Доля и Воля. Согласен.
 Но русская доля страшна..
 В вулкане людских разногласий
 Сгорает, как порох, она..
 Иные грядут времена,
 Когда не до простеньких басен:
 Вид нашей природы ужасен,
 Как будто край рушит война..
 Я вижу безнравственность воли,
 Что Солнцу идёт поперёк,
 Круша угодованность доли,
 Что нам заповедовал Бог..
 И это бесснежье нагое —
 Совсем не явленье благое..

ст. Татъиш
 11.00

* * *

Многостволие тонких берёз,
 Разнолапость подростковых сосен
 Не могу ощущать я без слёз,
 Хоть бесснежия вид и несносен..
 Такова нынче выпала осень,
 Солнце светит уже не всерьёз,
 На былинках лишь белая просесть,
 Да заснежен чуть горный откос..
 Тонок лёд запаршивленной лужи,
 Ярок солнца архангельский диск,
 Звоник писк безымянных пичужек,
 Вспыхнет вдруг от луча аметист..

Так ли в мире печально бесснежье —
 Говорю и себе я в надежде..
ст. Кубалжиха
 11.15

* * *

Что вижу я? Что ведаю?
 То не одно и то ж..
 Я лишь умом разведаю,
 Где видимость, где ложь..
 Природное наследие
 Давно изменено
 Разбоем ли, усердием —
 И тут не всё равно..
 Родник, облагороженный
 Оградой плитняка —
 Иль лиственень, уничтоженный
 Просчётом лесника —
 Тут — разные последствия,
 Тут даже малый сдвиг —
 Рождает то наследие,
 То подлость
 в краткий миг..
ст. Тюбук
 11.30

* * *

Ну, вот и станция Маук!
 А рядом — снеговые горы,
 И сразу — приглушенный звук
 В снегах упрятали моторы.
 И всё ласкает мои взоры:
 В опушке снега — каждый сук,

И мы идём в тиши, как воры,
 Разглядывая мир вокруг:
 Уже подмерзла вверх тропа,
 Уже предновогодни ели,
 Уже испуганна толпа
 Величием ночной метели.
 Всё набело занесено,
 Здесь Север властвует давно!

Ст. Маук
 12.00

Дальше поезд не идёт, пересадка в автобус до В. Уфалея

* * *

Тягун могучий в гололёде
 Автобус медленно берёт,
 И видно, как вчера в Природе
 Здесь совершён переворот:
 Ещё не встал на речке лёд,
 Но все леса — по зимней моде,
 Принарядились на свободе,
 Где всяк — по своему урод:
 Кривые ивы-побирушки
 В изломах слабонервных поз,
 У сосен рослые опушки
 Вдохнули, наконец, в мороз.
 И заяц юркнул чрез дорогу,
 Сменивши шубку, слава богу...

Дорога Маук — В. Уфалей
 12.30

* * *

Вот, наконец, и поворот,
 Где юная туристов пара
 (Не всем же быть в России старым)
 В развалку к выходу идёт.
 Он и она. Комбинезон
 На каждом пригнан, как на фото,
 Чтоб лыжный открывать сезон
 В горах им предстоит охота.
 А я смотрю во все глаза:
 Как юноша широкоплечий,
 Чей взор влюблённостью отмечен,
 Так просится на образа..
 Иконопись из древней сказки —
 Вот смысл поездки и развязки...

Поворот на Аракуль в 10 км от Маука
 13.00

Эпилог

Ничто не кончено нигде..
 Бесснежье предвещает чудо,
 Коль ты внимателен; покуда
 Способен видеть смысл в беде..
 Значеньем полон мир везде,
 Особенно, когда остуда
 На зеркало ложится пруда
 И стягивает жизнь в узде..
 Свобода переходит в смерть,
 И ужас — вот он, рядом с нами,
 Но снег покроет белым твердь —
 И кто-то хрустнет раменами
 И, радуясь, летит в снега
 За девушкой, что дорога..

*В. Уфалей
 Гостиница 14.00
 13 ноября 2006 г.*

СЮРПРИЗЫ К 66-ЛЕТИЮ

(запись)

Вот и прошло моё горькое 66-летие..

19 ноября для меня дата странная, ибо, по утверждению матери, я родился 19 сентября, а свидетельство о рождении — с ошибкой выдано на два месяца позже. Я был безразличен к этому, вплоть до женитьбы, когда жена в паспорте нашла другую дату.. И не плохую — 19 ноября был День Артиллерии — начало Сталинградского окружения, что потом стало и днём Ракетных войск, ибо «катюши» решили исход окружения, начало краха Германии — значит, вообще всей моей жизни впредь..

К этому дню и приурочил свой уход мой учитель Л.А. Оболенский, и я всегда помнил об этом. И даже когда создавали музей-квартиру его в Челябинске — я всегда помнил: мы повязаны с ним навсегда и по смерти..

И вот именно на эти дни приходятся всегда все мои горести и отчаянья: учитель был гоним и проклинаем при жизни; я должен это нести тоже при жизни: клевету за врага народа, за соблазнителя и растлителя, предателя и изменника.

Более 15 лет создавали музей, искали выходы, имели жуткие газетные наскоки и оскорбления.

Теперь, к 19 ноября 2006, мы ещё и преступники перед Законом: пустили в священные стены — турфирму для рекламы музея..

Клубок надругательств над нами дополнился ещё и кражей у меня дубленки в гараже вместе с ключами, отчего я в мороз 30° в старой фуфайке ЗЭКа (как Оболенский в 40-х) метался по городу без ключей, ибо ни жены, ни внука в доме не было..

Гонка на морозе в собственном городе ночью стала апогеем униженности и отчаянья: я понял, как близко всё — срам, одиночество, бессилие в этой стране..

Но так жил Учитель, метаясь между огнями Великой войны.. Так проверяла и меня судьба на стойкость..

И, очутившись у дочери, сидевший безвыходно возле больной внучки моей, я провел ночь наедине с книгами и с собой вне дома..

Сэтон Томсон рассказал мне о судьбе медведя гризли — тоже одинокого в лесах, среди охотников с ружьями, капканов и койотов — трусов, нападающих из-под тишка..

Медведь устал бороться и трусу «лохматому» уступил место своей территории..

И, хотя я тоже безумно устал от жизни в борьбе, я всё-таки нашел силы.. 19 ноября был в музее учителя, ни слова упрека не сказал ни наивным предателям, ни злобным трусам, ни простодушным спутникам своих долгих лет.. Я выпил с ними вместе за одно — пусть в миллионном беспмятном городе останется хоть одно имя честного и несчастного старика-праведника.. Ибо одним праведником спасётся Город.. Вот и 19 ноября!

19.11.06 г.

У МАТЕРИ В УТРОБЕ

Когда меня носила мать под сердцем,
 Когда сознание ещё не родилось,
 Какая нить любви и милосердия
 Возникла в слабых кончиках волос..
 Ей столько горя видеть довелось..
 От ней потребовала жизнь усердия,
 А дети не хранятся, как консервы —
 Они вбирают вкрадчивость иль злость..
 И если я доверчив и subtilen,
 Отходчив, невраждебен и не зол —
 То, значит, материнский дух всеилен,
 И не среда вершит свой произвол..
 Как мать отца любила бесконечно —
 Так плоть моя устойчиво-сердечна..

5 декабря 2006 г.

Похороны Ю. Д. Тросмана

Памяти Ю. Д. Тросмана

УХОД ДРУГА-НАСТАВНИКА

Я знал его юношей — с шестнадцати лет. Тогда меня познакомил с ним приятель моей сестры — взрывной еврей Роберт Шрон.. Он знал мою сестру, когда мы жили в одной квартире в войну, стесняясь для прожитая эвакуированных евреев с Украины.. После войны Роба изредка заходил — проведать мать с отцом, что жили напротив. Узнав, что у нас в библиотеке отца есть рукописи Цветаевой — он пришёл с другом — красивым и холёным евреем..

Рукописи были не Марины, а Анастасии, и не были ценны. А вот знакомство состоялось, и я был приглашен к Юрию Дмитриевичу..

Огромная квартира в центре, красивая жена — теле-режиссер. Библиотека, сокровища которой я изучал полвека — все это стало структурой моей жизни. От тех пор и до сегодняшнего дня прошло почти полвека — а они всегда были там: Юра и Изольда, муж и жена, еврей и славянка — самые мудрые, красивые, образованные и душевные люди, которых я только знал в жизни..

Видимо, от этого я не уехал из родного города. Поэтому я понял прелесть самообразования и ценность высокого искусства: это они терпеливо и красиво учили меня жизни, а не месту, пытливости, а не профессии, всемирности, а не заскоружлой провинциальности.

Он был юрист, как мой отец. И по нему я реконструировал отца — начитанного и изысканного, нравственного и привязанного к женщине навсегда, ибо Юра так показал мне ценность Женщины (Изольды), что я бессознательно копировал его уклад жизни всегда..

Я любил женщину из соседнего дома и жил почти десять лет рядом в том же квартале, изредка вырываясь через улицу посидеть у любимого наставника, послушать его презрительные речи о власти и восторженные — о пьесах Ануйля, Брехта. Он всегда уводил меня от повседневности — в римское право или рассказы Бабеля, и я возвращался домой, в бой и склоки, полный надежд и тончайшего чувства превосходства перед своими родственниками, глазеющими фигурное катание или хоккей..

О, Юра, Юра, сколько срывов и трагедий ты предотвратил, когда я опять, после столицы, приехав домов, впрягся в лямку преподавателя техники, а к тебе приходил дышать озоном искусства, редкого элитарного кино.. Помню «Мать Иоанну от ангелов» в кино на вокзале, где все вместе ходили с Робой, Изой, Таней и Юрой..

Я научился видеть подтекст и не доверять пошлости. Я по крупичкам впитывал озон искусства и робел от вечной прямолинейности. Я учился быть верным внутреннему голосу вечности в себе и презирать обще-принятое и примитивно-очевидное..

Изочка волшебным образом возбуждала во мне преклонение перед Женщиной-творцом: она была мой единственный режиссёр телесериалов о памятниках Урала, спутник многих поездок, передач, киносюжетов, где мы познавали свой край вместе, изумляясь красоте наследия и презирая тупоумие власти, желая ей гибели, что потом и случилось — как мы и хотели..

А потом — эпоха демократии, выборы, суета конкурентных дискуссий, где я оказался рядом.. с Юрой. Радио-диспут, где я впервые рискнул назвать его идеалы мировоздания — «цивилизацией», противопоставив этому «культуру»..

Мы оба потерпели поражение, но я был рад, что дорос до наставника. А ему — как узнал на похоронах от А.П. — грозили смертью за.. участие в выборах против Пустового — милиционера городского уровня..

Мне не угрожали — я не был соперником... Но этап этот мне очень понятен и стал моим апогеем..

Депутатом ОблСовета я стал по другому округу, и к Юре уже ходил повзрослевшим: наши мальчики были почти ровесники, а его дела шли не так блестяще, как раньше: он тянул лямку чиновника высокого уровня, я — «препа» с научной степенью, которой у него не было, увы..

Сегодня я понимаю, что он уникален был в терпении: еврей, не уехавший за рубеж. Еврей — обречённый на второстепенность должности, хотя и на высочайшем — областном уровне..

На самом деле же он был Гением — в философии и психологии (внучка окончила Ленинградский университет по этому направлению), театроведении и лингвистике. Он дал мне впервые Поршнева и Гумилева в 60-е годы, требовал знать Сократа и Платона — в 70-е, привлёк к Достоевскому и Рильке, Лескову и Набокову..

Сколько бесконечно щедро давал он мне всегда — при каждой встрече. Сорок пять лет я женат, и все эти годы — он — рядом.

Устанешь — позвонишь — сходишь — в гостиной с напольными древними часами, мягкой софой и промокшим потолком — пять, десять, пятнадцать, двадцать лет..

Софизмы и парадоксы, ароматный чай и экспромты из его юности. Журчащая ласка Изольды и его скептицизм и ирония..

Неужели это все кончилось!.. Боже, вся моя ласково-журчаще-духовно-органичная музыка жизни.. Вся моя ус-

тойчивость — неповторимая краска города, судьба. Основательности..

На похоронах — всё странно: ритуальный зал, окружённый стеной с колючей (!) проволокой..

Теледрузья (Леонид Григорьевич Пивер и Анатолий Павлович Бычук) — уговорили ехать в УАЗике от ТВ-вестей ... Потом он заглох возле Торгового центра — и я понял, что Юра не хочет нашего присутствия при спуске в яму.. И мы приехали, когда холм был уже высок, а автобус завяз в снегу.. и мы толкали его до пота всё оставшееся время.. И, мокрые от пота, посмотрели на установку ограды и двинули обратно на поминки — в кафе «Сова», где я был лишь раз..

А там — мои речи и Пивера с его анекдотами, прихватами и иронией. Он старше Юры на десять лет, но работает в ЮУрГУ на тележурналистике, и поэтому — бодр и улыбчив, смешлив и жизнеспособен..

А Юра — уйдя с поста зам. главного арбитра — протянул всего года три-четыре.. Как я не просил его начать писать о своей жизни — он ничего не сделал, высмеивая мою идею..

Я не напишу за него ничего, но я ещё тысячу раз припомню эпизоды моих контактов с ним: и Робу Шрона, и Арона Кербеля, и — конечно Еву, его родную сестру, к которой он съездил за год до смерти в Италию (умер её муж и Юра поддержал сестру в тот страшный миг), но Ева на его смерть так и не приехала..

А ведь и Она была для меня Высочайшим Университетом Познания Жизни тогда, на втором-третьем, даже четвёртом (?) курсе..

От неё я узнал цинизм и расчёт, обаятельность и соблазнительность женщины, умеющей привлечь и ... рас-

топтать напрочь и навсегда... Но и это было очень нужно в моей бестолковой жизни провинциала-самоучки...

Господи! Как грустно, что ушёл он — Юрий (Юлий?) Дмитриевич Тросман — спутник полувека моей жизни... Господи, как тяжело ты рвёшь струны жизни — по которым шёл животворный ток бытия...

5 декабря 2006
19.00—20.00

ПАМЯТИ ТРОСМАНА

(цикл)

* * *

Полвека дружбы* — это стаж,
Немыслимый в подлунном мире,
Тут — юности ажиотаж
В его ухоженной квартире.
Его — армейски-плоский тесть,
Его подруги обаянье,
Моя напыженная спесь —
И их любви вокруг сиянье..
И Ленинграда ореол
Во всём — в дискуссиях о театре,
Где ясен власти произвол
И глупость местная в спектакле..
Я слушал, каждую строку
Примеривая на веку..

5.12.06, ночь

* * *

Да. Точно. Каждую строку
Из книги, взятой для прочтения,
Я помнил на своем веку,
Примеривая для сравнения..
Нет летоисчисления
Измерить духа укрепления,
Когда любое дерзновение
Ухватываешь на бегу..

* С 1957 по 2007 год.

Я рос. Метался. И детей
 Растил, учителя ревнуя,
 Вершил премножество затей,
 Писал, о долге помятуя.
 Но рядом был наставник мой —
 Скептический, желчный, но родной..
 5.12.06

* * *

Он был по истине Сократ,
 Меня в тупик поставя в споре,
 А я, признаться, был и рад,
 Ему в дотошности не вторя.
 Он был, поистине, как море,
 Меня вода, как будто в ад —
 Была мне Родина, как горе,
 А я — бессмысленный солдат..
 Лишь за полвека бытия
 Я выучил сопротивление
 В отстаиваньи жития,
 Отчизны одолев сомненья..
 Но всё, чтоб я ни написал,
 Он, очевидно, не читал..
 5.12.06

* * *

Пусть не читал он никогда
 Ни строчки из моих писаний —
 Я спорил с ним везде, всегда,
 В минуты сна или мечтаний.
 Слова летят не из гортани —
 Душа дотолё молода,
 Что чует вкус очарований,
 Когда меняет города..
 Я мир объездил, споря с ним,
 Из юноши стал мудрым дедом —
 Он жил предчувствием одним,
 Что родиной он с детства предан..
 И этот многолетний спор
 С ним не окончен до сих пор..
 5.12.06

35.

* * *

Омерзительность русской истории
 Он всегда мне показывал так,
 Что пугался от личного горя я,
 Не Отчизны ли тайный он враг.
 Шёл за письменный снова верстак,
 Я, как будто живя в крематории,
 И доказывал гневно и в споре я
 Что и русский — совсем не простак..
 Но вершились нелепо события,
 Дураки вновь влезали во власть,

Что рождало опять в чаепитиях
 наших встреч к издевательствам страсть...
 Брал он верх в череде доказательств,
 Что Россия — отчизна предательства...
 5.12.06

*Презирать суд людей не трудно,
 презирать суд собственный невозможно.*
 А.С. Пушкин*

* * *

Да, Россия — отчизна предательства —
 Он логично доказывал мне,
 Не беря на себя обязательств,
 Словно Свифт, что бывал на луне...
 Лишь с годами, когда, поумнев,
 Я причину нашёл обстоятельств,
 Почему мой и друг и приятель
 Не показывал жизни корней...
 Пол-столетья уча меня трезвости
 И бесстрашью пред мерзостью лжи,
 Он основы создал гордой дерзости,
 Всей Вселенной круша рубежи...
 Так сковал он мой дух, словно в кузнице.
 Дай же, Боже, чтоб он не обузился...
 16.02.07.

* Письмо к А. А. Вяземскому из Михайловского — в Москву, ноябрь 1825 г.

К 15-летию гибели СССР

6 декабря 2006

6.30 утра

Ю. Афанасьев «Эхо Москвы»

Живем в традиционалистском сознании до сих пор, не в силах осознать, что с нами произошло.. Коррупция заполнила все поры России, где произошла реструктуризация. Стало гражданское общество наоборот: Москва — III Рим — это все цели диктовались русским национализмом: «Мы — не похожи на всех! Мы — лучше всех!» Значит — нам решать то, что никому не удалось.

Отсюда — столетиями давился частный интерес. Но делать это нельзя: человек — есть человек. Интерес перешёл в криминал, в коррупцию.

Все перешло в ... культуру. И надо воссоздавать на иной основе..

У нас смотрят на 1991, на рубеж — там всё хорошо, а теперь — иная эпоха..

Но это — слишком! А вышли ли мы от социума, от советов.. Рубеж был бы, если бы от несвободы мы перешли к Свободе Человека..

Но это не произошло. СССР не рухнул — откололись лишь части, а сущность России — советская..

Правда, на законной основе развивать паразитическую часть..

(корр.: 1/3 хотят вновь СССР)..

Голос по обр. связи: с 1921 года — обязат. труд. книжки.

А пр-сть труда хуже, чем в Западе.. так ли?

Афанасьев: Всё это — слова, социализм — в одной стране — это белиберда. Так и осталось навсегда..

Все разучились работать! Весь рост преступности — на Западе, как и рост социализма, в сущности...

Голос: Вы задаёте тон обвинениям СССР и президенту... А ведь вы отвечаете за Ельцина и Путина. Он — ваш внук, за которого вы должны отвечать всё-таки...

Ответ Ю. Аф-ва: Я несу некую ответственность за приход Ельцина. Это — моя проблема, хотя относился к нему критически... Но Гайдар и др. — больше.. Надо признать — события после гибели СССР пошли не тем путем, как мы представляли...

(Расписывается в полной незрелости шестидесятников, даже не ведая о противоположности целей и реализации их в истории революций. — **К. Ш.**)

25.XII.06

Голос: III Рим — идеология христианства... Вам оно не нравится?..

Аф-в: Это — религ. составляющая русского национализма. Тут добавила ещё и лит-ра XIX века...

Греко-Римская от измены христиан-католиков.

Зем. жизнь Православна — это III Рим, а IV — не бывать...

Вот идеологема на все времена России...

Моё резюме: Это — почти точное изложение точки зрения Ю. Д. Тросмана, что умер почти сегодня...

Всегда он ненавидел русский национализм и презрение к частному человеку, чему и обучил меня за многие годы.

Он был злым всегда в беседах со мной именно за мою вечную наивность в том, что мы непохожи на других... Сотни книг переводных и глубоких были у него на тум-

бочке, он их читал, но мне давал с годами всё реже... Но его тон бесед со мной рос в издевательствах, он хитро блеснул глазами, парадирюя официальные фразы и штампы: «согласие партии с народом превысило мыслимые пределы! Разрешите выразить чувство глубокого удовлетворения» и т. п. ...

Недавно, в последние дни встреч я понял, что в юности он реально был напуган возмездием за инакомыслие, потому и ушёл в юрфак — опередить вероятность преследования, стать юристом-профессионалом (как и мой отец), но не стал защищать личность всякую, а лишь свою?..

И борьба за себя вылилась в непохожую Личную Жизнь: жить иными ценностями — в тоталитарной стране, служа внешне её Закону — глупому и антигуманному, удушающему и ведущему в тупик..

Тупик России он видел везде: в истории и реальности, в национализме и советизме, вверху и внизу, в традициях и в укладе.. в попытках нового и восхваления старого.. Отвратительная мерзкая страна, прогнившая до глубины дна..

Вот его мировоззрение всегда..

А могила его — на широком проходе в глубине Успенского Кладбища — с громадным размером для родных (?): так сказала Изольда — «заплатили 10 тысяч на будущее. Скоро приду к Юлиньке»... Там же — глубокий след провала колес автобуса на повороте, ибо было тепло и в оттепель оттаяла даже чёрная земля..

(Между прочим — также думает и Юрий Милютин) — Милюков, Маклаков — это просто схожие фамилии схожих мыслителей России.

6.12.06

* * *

Наука деланья добра
Парадоксально-молчалива,
Как золотые вечера
На плёсах чистого залива..
Так на закате светит нива
Отливом злата-серебра,
Когда душа твоя щедра
И в состраданьи терпелива..
И пусть проходим невдомёк,
Как старику помог ты тихо,
Вложив монеты в кошелёк,
Чтоб отступило горе-лихо..
Но как мала любая мзда
В стране, где царствует беда..
11.11.06

* * *

В стране, где царствует беда,
Изысканно вершится подлость,
Отнюдь не ведая стыда
За изощрённейшую гордость..
Сочатся слесью города,
Изображая Первосортность,
И зарастает борозда,
Замедленно копя покорность..
Расходятся сокрепы сил
Труда и разума лукаво
В укромной тишине могил,
Где почиет земная слава,
Уходит благородство в глушь,
Земле пророча мор и сушь..
11.11.06

**ЧИТАЯ Б. ПАСТЕРНАКА
«ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ» 1959 г.**

Крупномасштабность естества
 Нам открывается под старость,
 Когда нам медленно досталась
 Наследство на правах родства..
 Нам раскрываются слова,
 К которым время прикосалось,
 В великое слагая малость,
 Где корни видимы едва..
 Живое к косным различив,
 Мы видим трассы тех деяний,
 Что излучают свет в ночи
 Бессмертных пращуров преданий..
 Их подвиг
 так под старость зрим,
 Что с лиц сдирает напрочь грим..
 11.11.06

* * *

О! Жизнь, какой в тебе урок..
 В тебе рифмуются события,
 И плохо различим намёк
 В домашнем шабаше и быте..
 Но первозданности открытья
 Вдруг наступает некий срок —
 Как солнце озарит восток —
 Так мысль взлетает по орбите..

И ясно видно все концы,
 И различимы все начала:
 И праведные все отцы,
 И матери, что у причала..
 Проникновенья страшный дар
 Сулит огонь небесных кар..
 11.11.06
 23.00

* * *

Погибельны не времена,
 Где бедность стыдна и презренна,
 Где развлекается страна
 Избытком пошлости и плена..
 Всё происходит постепенно,
 Как вымирают племена,
 И лишь поэты вдохновенно
 Пьяны свободой от вина..
 Погромы, драки впереди,
 Удачи временно-волшебны,
 Вожди-архангельски-душевные, —
 Почти рыдают на груди.
 Так время обретает лик,
 Когда коснеет в лжи язык (немотствует?)
 16.12.06

ГЛЯДЯ НА МАШУ...

Прикосновење ко младенцу
 Даёт внезапно взлёт тоски:
 Нельзя без слез не наглядеться
 На взмах изящнейшей руки...
 О! Страшное наследье предков —
 Овал высокой головы,
 О! Ум, доставшийся в наследство
 На пытки новые, увыл...
 Там, в глубине веков страданий,
 Ему готовится иной
 Ход новых диких истязаний
 И равнодушьем, и молвой...
 Сумеет сохранить особость
 Младенец крошечный без нас —
 Душевность, состраданье, совесть
 И честь и разум не продасть...
 Кто знает, если рвутся нити,
 Преемственности рвётся ток...
 О, Боги, душу сохраните,
 Хотя безмерно век жесток...
 19.12.06

* * *

Родители мои родные,
 Как часто думаю о вас,
 Хоть времена идут иные
 И жёсток времени каркас...
 Наверяд ли дочка передаст
 Те скрепы жёсткие, стальные,
 Какими в времена былые

Держались вы без пышных фраз...
 Мрак испытаний вы прошли,
 Детей не предавая души,
 И, честь до Смерти не наруша,
 Ушли в объятия земли...
 А передал ли я заветы —
 Со страхом думаю об этом...

19 декабря 2006 г.

После вечернего купания Маши — внучки шестимесячной и загадочно-молчащей, выразительной до щемлящей тоски и ужаса перед ходом времени...

* * *

Когда итожат декабри
 Годов жестокое наследство —
 Ты неожиданно замри,
 Мгновенья вспоминая детства...
 То было — с вечностью соседство:
 В окно — кровавый взлёт зари,
 Война оставила мне след свой,
 За что её благодари...
 Отец вошёл, как исполин,
 Невидимый, неповторимый,
 И привкус истовых былин
 Неистово промчался мимо...
 Вот миф и фон моей судьбы.
 Армагеддон моей гоньбы...

19.12.06

Утро, одиночество (редчайшее) в 9.00

СНЕЖНЫЕ СОНЕТЫ

(Записи в поезде В. Уфалей)

25 декабря 2006 г.

Я в небе видел слабый серп —
 То Рождества изящный месяц,
 Новорождённый года герб,
 Который Дед Мороз повесил.
 И снова города и веси,
 Улыбки слабые эвтерп,
 Беспомощный в унынии смерд
 И наглость воротил концессий...
 Родная Родина моя
 Смотрится в зеркало империй,
 Трусливо прикрывая двери
 От воронья и от вранья...
 И снова в ней меж рельсов снежность
 В моей душе рождает нежность...

*8.30 утра
 вокзал в Челябине*

* * *

В моей душе рождают нежность
 Контрасты тьмы и белизны,
 Рассветов тихих безмятежность,
 Где поступь лёгкой желтизны..
 Пусть снег нам навевает сны,
 Суля забвенья безнадежность —
 Я вижу гордую безбрежность
 Идущей горькой новизны..
 Как солнца путь необратим,

Леса рождая и пустыни,
 Как благовестья херувим
 Дает нам счастье святыни —
 Так в мир приходит новый век,
 Предвестьем высылая снег..
 9.00

* * *

Недаром скрыта в слове «снег»
 Вся нега нежного забвенья,
 И жемчуга отдохновенья
 Тебе так нужны, человек..
 Пусть короток твой краткий век
 В той неизбежности успенья —
 В зиме есть сила возрожденья
 И к новизне крутой разбег.
 Летит стремительно снегирь.
 Он — ледяного моря вестник —
 В раскраске огненно-чудесной
 С собой приносит мира ширь.
 Ты от него мечтать учишь,
 Стремясь душой и в даль и в высь..
 9.10
 Ессаульская

* * *

Стремясь душой и в даль и в высь,
 Наш предок не любил бесснежья —
 Снега его будили мысль
 Эпох контрастом порубежья..

Теперь не то, что было прежде —
 Стыковкою времен гордись —
 Снегов над крышами карниз —
 Уже не символы к надежде..
 Как раб дешёвых распродаж,
 Ты обуян иной наживой,
 И Рождества ажиотаж
 Тревогою пропитан лживой..
 Уходит с улиц городов
 Снегов таинственный покров..

9.30
Касарги

* * *

Снегов таинственный покров
 Уходит вглубь пространств России
 В печальной предести бессилья
 Перед всесилием ветров.
 Между берёзовых стволов
 Спасаясь слабо от насилья,
 Он лечит лучше докторов
 Своими красками красильни:
 То синевою с желтизной,
 То жемчугами с алебастром,
 То ледянистою каймой
 С алмазно-солнечным контрастом.
 О! Нежность снежная снегов —
 Тебе молиться я готов..

10.00
Аргаяш

* * *

Тебе молиться я готов
 Когда, как звуки тихой скрипки,
 Возникнут солнышка улыбки
 Среди нетронутых снегов.
 Пусть вид небросок и суров
 И в дымке очертанья зыбки,
 Но ослепительность стволов,
 Как гимн после безумной пытки..
 Сороки чёрно-белый крест,
 Усердьем солнца освещённый —
 Как освящение сих мест,
 Светилом нег позолочённый.
 А зелень хвои — риза тех,
 Кто ищет в таинстве утех..
 10.30

* * *

Кто ищет в таинстве утех —
 Того влекут в оврагах тени,
 Где, в глубине переплетений,
 В ветвях таится стыд и грех..
 Там чудится язычный смех —
 Дитя напрасных вождений,
 И оползни поползновений
 В сугробы намедает снег..
 А на опушках, на полях,
 На жёлтой поросли болотин —
 — Свет освящёнья беззаботен,
 И радость выжигает страх..

Здесь бьёт литаврами оркестр
 Всесилья божеских чудес...

11.00

подъезжая к Кыштым

* * *

Всесилье божеских чудес —
 Полдневная пора светила,
 Что купол храма осветила
 И бронзово-сосновый лес...
 И снова Дух во мне воскрес —
 Се Рождества — восторг и сила,
 И настороженность, что была,
 Взлетела к куполу небес...
 Так ясен смысл у бытия,
 Как эти горы Сугомака,
 Как ослепительна атака
 У исполинского житья...
 Могучий день в тиши снегов —
 Незыблемость моих основ..

11.15

Кыштым

(Впервые заметил мост над урочищем при подъезде к станции на высоте ≈ 50 м. И высокие древние липы у реки...)

* * *

Незыблемость моих основ
 Омыта снега белизною,
 И прошлое всегда со мною
 В приверженности к силе слов.
 О! Речь родная средь снегов —
 В контрасте с теменью ночною,
 Ты, ослепительно-святою,
 Мне открываешь дом и кров.
 Ничтожны кражи, суета,
 Всесилие вещей зловещих,
 И даже смерти темнота,
 Нам о которой ночь клеветает...
 Речь — это солнце наших дней.
 Весь смысл жизни только в ней.

11.30

Тюбук

Эпилог

Заснеженные кровли.
 Заблудшие леса. —
 То — сказки предисловье,
 То — вера в чудеса.
 Томительно-прекрасны
 Гористые хребты,
 Которым мы контрастны
 Под гнётом суеты.
 Но — выйдя на просторы,
 На лежбище снегов —
 Мы ощущаем гордость
 За таинство даров:
 За сосны, за урёмы,
 За снежные поля,
 За царство полудрёмы,
 Что нам дана не зря...

12.00

Подъезжая к Уфалею, 25 декабря 2006 года

СТИХИ САМОМУ СЕБЕ

(цикл)

* * *

Да, русскому так мало надо:
 Пусть уваженье — на микрон,
 И слова малого награда —
 В ответ ему даёшь поклон..
 И это — явь, совсем не сон,
 И сердцу слабому отрада,
 На самого себя досада,
 Что быть трусливым — не резон..
 Униженность — таков обычай,
 Испуганность — завет веков,
 И себялюбие отвычка
 Особенно — у стариков..
 И даже крохи снисхожденья
 Считаем мы за уваженье..

26 декабря 2006 г.

Пребывание в филиале В. Уфалея

* * *

Как человеку тяжело
 В былой Империи ютиться,
 Когда ты не большая птица,
 А старость вышла на чело..
 Несчастье произошло —
 Успел ты издревле родиться,
 Но не успел обогатиться,
 Раз счастье не снизошло..

И, занимая слой нижайший,
 Сумеи не оскорбленным быть,
 Когда иной твой друг дрожайший
 Тебя совсем сумел забыть..
 Довольствуйся итогом малым —
 Своим заветом обветшалым..

*26 декабря 2006 г.
 Гостиница В. Уфалея
 12.00*

* * *

Насущным хлебом озабочен,
 Служилой спеси не имев,
 И, прижимаясь вдоль обочин,
 Не смей иметь и гордый гнев.
 Ты жил, таясь и присмирив,
 И помогал другим не очень,
 И не был твой устав столь прочен,
 Чтоб лобызать в распале дев..
 И потому будь благодарен,
 Суму и тюрьмы миновав,
 Что не дрожащей равен твари,
 И не обласкан в трубы слав..
 Не капитал, и не поместья,
 А дашь ты внукам благочестье..

*26 декабря
 Там же, 12.30*

* * *

Былых соперников утрата
 И благодушие — вот итог,
 Руде подобный в концентрате,
 Что преподнёс тебе сам Бог..
 Звонил намедни сам сынок,
 Что в качестве почти солдата
 В Москву отослан был когда-то
 И сам себя изладить смог..
 В нём — тоже концентрат ума
 И риска ярко воплотился,
 Фортуна, видимо, сама
 Хотела, чтобы он пробился.
 И он соперников разбил,
 Как дух, являя страсть и пыл..

29.12.06

Размышления на обратной дороге с Уфалея.

ИТОГИ ГОДА

Казнён Садам Хусейн
 И умер Юрий Тросман,
 И этот год — бассейн,
 Где был воздвигнут остров
 На память временам
 Иных лихих событий,
 Где жить придётся нам
 В мучениях и быте.
 Там прошлое без них
 — Увы — не состоится,
 А, кто из них был псих,
 А кто — гуманный рыцарь —
 Там позже мы поймём,
 Коль примемся обдумать
 Листая свой альбом
 Смятенно и угрюмо...

30.12.06

Последние дни 2006 года

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКА ОДНОГО РЕЙСА (Экспромты)
 23 ЯНВАРЯ 2006

В путь	5
Певец в поезде	6
Страхи	6
Ст. Шагол	7
Ст. Есаульская	8
В вагоне-1	8
В вагоне-2	9
Надписи	10
Снегурочки	10
Пироги в вагоне	11
Русь без покаяния	12
РАНГИ ЭПОХИ	13
ТЕЛО И ДЕЛО	14
ХОЛОД-1	15
ХОЛОД-2	15
НАБЕРЕЖНАЯ НЕИСПЕЛИМЫХ (К 10-летию смерти Иосифа Бродского)	17
ЛЮБАЯ	20
НА УТРО ПОСЛЕ СНЕГОПАДА	21
НАСЛЕДИЕ	21
МОИМ ДРУЗЬЯМ — ЕВГЕНИЮ АЛЕКСАНДРОВУ, ВЛАДИМИРУ АСТАШКИНУ, ТАТЬЯНЕ МАЕВСКОЙ	22
ОДИН ДЕНЬ ВСЕГО	23
ЦАРСКИЙ ПОЕЗД (Новелла)	24

ВРЕМЯ ОБМАНОВ	30
МОЙ ГОРОД	31
«В средоточии живущих...»	32
«Дорогая и родная...»	32
20 МАРТА 2006 ДВЕ ДАТЫ: 30 ЛЕТ КОСТИ РУБИНСКОГО СМЕРТЬ ЕВГЕНИЯ САДАКОВА ≈ 70 ЛЕТ	33
ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ САДАКОВА	33
К 80-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ТУЛИНСКОГО	35
ВЫРОЖДЕНЬЕ (ЦИКЛ) ИЛИ ВОЗРОЖДЕНЬЕ	
«Когда погибели России...»	36
«И нам блеснул пресветлый луч...»	36
«Как всходы злаков из земли...»	37
«Да, мы несём Отчизне горе...»	37
«А что учитель — оппонент?...»	38
«Почти согласны с ним всегда...»	38
«Чтоб поколениям сродниться...»	39
«При каждом выборе дороги...»	39
«Уйдём, Учитель, с этих троп...»	40
«БОГИНИ» (Цикл)	
«Да, это ты была — Она...»	41
«“Под вязами” — внезапный фильм...»	42
«Да, эти женщины прошли...»	42
«Нет, без богинь нельзя любить...»	43
«Как Блоку — профиль незнакомки...»	43
«Она играла иль жила...»	44
«Когда доступен смысл высокий...»	45

СОНЕТЫ ГЛОБАЛИЗМА (Цикл)	
«Взгляни, поэт, на смысл времен...»	46
«Что движет Миром? Почему...»	47
«Народ.. Всегда ли он велик?»	47
«Идут Кортесы. Рвется Кук...»	48
«Не Божий промысел. Отнюдь...»	48
«Но вот является торгаш...»	49
«Закат Европы — не закат...»	49
«Казалось — как всевластен Ум...»	50
«Барак — колоний давних сын...»	50
«Так бешено войдя в азарт...»	51
«И ты, Россия, в той узде...»	51
«Что предвещает глобализм...»	52
РЯДОВЫЕ (Новелла)	53
СУПЕР-ДЕНЬ (Запись на память)	56
СВЯТАЯ ТРОИЦА (Цикл)	
Я сам	59
«Родина»	59
Мир	60
Эпилог	61
МАТЕРИНСКИЕ ПРОСТЫНИ-1	62
СТАНСЫ	63
ГЕНИЙ МЕСТА (Цикл)	
«Гений Места летал надо мною...»	64
«Везде — в походах иль в застоли...»	64
«Помню, помню те ранние дни...»	65

«Передать невозможно решимость...»	65
«Ты понимаешь ли, Поэт...»	66

ЭПИТАФИЯ ДРУГУ. К ГОДОВЩИНЕ УХОДА

Р. ЧАПЦОВА	67
«Воскрешенье-воскресенье...»	67
МАТЕРИНСКИЕ ПРОСТЫНИ-2	68
ЛИТГАЗЕТА № 16 (19—25 АПРЕЛЯ 2006 г.)	69
«И ещё: 23 апреля — Всемирный день Книги...»	69
ВАЛЬГУРГИЕВА НОЧЬ (Новелла)	71
МАЙСКИЕ ЭТЮДЫ	78
ИЗ ОЧЕРКОВ М. О. МЕНЬШИКОВА	
«ВЫШЕ СВОБОДЫ»	79

СОЛОВЬИНАЯ ПОРА (Цикл)

«Когда на тополь не расцветший»	81
«Зачем мне дом в глухой деревне...»	81
«Невелик — как положено певчим...»	82
«Я только помнил: Соловей-Разбойник...»	82
«Учись, поэт, у соловья...»	83
«Как совпали — мистика иль нет ли...»	84

ДЕНЬ ПОБЕДЫ!	85
У ПАМЯТНИКА К. МАРКСУ В СЕЛЕ	86
СОНЕТ О СМЕРТИ	86
СЛУЧАЙ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ	87
«Как просыпался виноград...»	88
«А вот и наклюнулась груша...»	88
БАННЫЙ СОНЕТ-1	89
БАННЫЙ СОНЕТ-2	90

СВЯТОТРОИЧНЫЙ ВЕНИК (Новелла)	91
БАЛЛАДА О ПРОХОДИМЦАХ	98
ЗАПАСЛИВАЯ СТАРОСТЬ	99
СУТЬ	100
ПОИСК СУТИ	100
ВЬЮН	101
БУДЬТЕ, КАК ГОЛУБИ (Микро-трактат)	102
«Эти голуби не кормятся из рук...»	106
МЕДЬ И БРОНЗА (новелла)	107

«ВЕЛИКИЙ ЗУБР» (Поэма)

Вступление	112
Глава первая. «Учителя»	114
Глава вторая. «Биосфера»	116
Глава третья. Герой — как архетип	119
Глава четвертая. Становление Зубра	123
Глава пятая. Эволюция Революции	127
Глава шестая. У родины в секрете	133
Глава седьмая. Послевоенные войны	140
Глава восьмая. Встреча в Ильменах	148
Глава девятая. Окрыление	153
Глава десятая. Контакт — есть контакт	158
Эпилог	162

ЭРОТИКА (Цикл)

1. Жрица любви	164
2. Между богом и вакханкой.. ..	164
3. «Как в теле юноша живёт...»	165

Целое и его части (Цикл)

1. «Природа-мать, даёшь зачем...» 166
2. «Копая сорную траву...» 166
3. «Кто не знает разделенья пола...» 167
4. «Потешается Природа...» 168

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДОЧЕРИ

- 11 ИЮНЯ 2006 г. 169
 ХВАЛА ЕМУ 171
 ГРОЗА В ИЮНЕ 172

В ДЕНЬ 33-ЛЕТИЯ ДОЧЕРИ АННЫ (Цикл)

1. «Величие заката пред грозой...» 173
2. «Насколько ведаёт природа горний нрав...» 173
3. «В сей благодатный день мы ждём...» 174
4. «Мы встали в очередь на выход...» 174
5. Утренний дождь 175

КЕСАРЕВО СЕЧЕНИЕ (Новелла) 176

- 24 июня 12.00 ночи 182
 «И доктор Чехов болен был...» 183
 25 ИЮНЯ 184
 ПОХОРОНЫ ТЁЩИ 184
 ПАРКЕТНЫЙ ПОЛ 187
 УЧИТЕЛЬСТВО 187
 МЕЖВРЕМЕНЬЕ 188

СТИХОТВОРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

К ПОЭМЕ «ВЕЛИКИЙ ЗУБР»

1. Мировая игра 189

2. Цефалоз 189
3. Апогей 190
4. Появление Духа 191
5. Яйца жизни 192

РАЗГОВОР С СЫНОМ В БАНЕ (цикл)

1. «Горит в камине медленный огонь...» 193
2. «И эта ночь — вершина в их числе...» 193
3. «Мы — в бане. Дети — в волнах сновидений...» 194

РУССКАЯ ДОЛЯ (Путевая зарисовка) 195

«Непредсказуемая погода» 202

ОТЧАЯНЬЕ (цикл)

- «Восьмое августа. Пора...» 203
 «Да, равнодушие — есть грех...» 203
 «Не обрати пути назад...» 204
 «Сам посуди — велик контраст...» 205
 «Как призрак Лира горемычный...» 205
 «Не прибегай ты к укоризне...» 206

СВОЯ ВИНА 207

ПРОВОДЫ СТАРШЕГО ВНУКА 207

РАЗГОВОР СО СТАРШИМ ВНУКОМ 208

К 80-ЛЕТИЮ КАСТРО (Цикл)

- «Какой спокойный гений у страны...» 209
 «Кастро, Кастро. Че Гевара...» 209

СТРАШНЫЕ НОЧИ (Цикл)		ЯМА ДЛЯ ПЕРЕГНОЯ.....	232
1. «Который день, которую ночь...»	211	РОДНАЯ ЗЕМЛЯ.....	232
2. Молитва Богородице	212	«Все сверхестественно, по сути...»	233
БОГ И ПОЭТ.....	213	МЫ И ВНУК	233
НА РЫНКЕ	214	«Кончается лето. В итоге...»	234
ИЗ ЦИКЛА «СТРАШНЫЕ НОЧИ»		К 50-ЛЕТИЮ ОБЛ. ТЕЛЕВИДЕНИЯ	
«Когда не будет в пустошах полей...»	218	СЕНТЯБРЬ 1956 — СЕНТЯБРЬ 2006 ГОДА	235
БЕРЕГА	215	ШУТОЧНАЯ ПРИТЧА	
СТАРАЯ СКАЗКА	216	ОБ «ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КРАЯ»	236
ПУСТЬ	217	ЗАМЫКАЯ КРУГИ.. (Цикл)	
ТЕБЕ	218	«Великих личностей когорта...»	243
ЕВРАЗИЙСКИЕ СТАНСЫ (Цикл)		«Судьбы печальная обрядность...»	243
1. «Величьем Разума один...»	219	«Святое жизненное море...»	244
2. «То жребий наш наверняка...»	219	«Тот факт, что он тебя сгрызет...»	244
3. «Мы северные видим сны...»	220	«Всё в этом мире — ерунда...»	245
4. «Был предок наш не хил, не слаб...»	220	«Пусть всё равно вонзится шпага...»	246
5. «Хранит он свято до сих пор...»	221	ПРОЩАНЬЕ С ВЛАДИМИРОМ ЛОГИНОВЫМ (цикл)	
6. «Правдив, сокрыт и безыскусен	221	Спутник жизни моей и товарищ,	247
7. «Язык. Язык. Первопричина»	222	«Осознают ли юные внуки...»	248
ЛЮБИМОЙ	223	«О! Тамара, царица Тамара...»	249
РАЗНОЧИНЦЫ	223	«Нет в России общин стародавних...»	250
СУШУ ГРУШУ	224	Эпилог	251
ПРОПАВШЕЕ ЛЕТО	225	ДУБОК И ВНУЧОК	252
ЧИТАЯ МОИСЕЕВА (Монолог-поэма)	226	БЕССНЕЖЬЕ (Цикл) (Диалоги с самим собой)	
		«Стоит ноябрь, а всё-таки тепло...»	253
		«Да, говорят, что мёртвых срам не имет...»	253

«Стыд, не покрытый снежной белизной...»	254
«Друзья, друзья — как рано вы ушли...»	254
«Ну, полно, друг. Стенания пусты...»	255
«Есть Доля и Воля. Согласен...»	256
«Многостволие тонких берёз...»	256
«Что вижу я? Что ведаю?»	257
«Ну, вот и станция Маук!»	257
«Тягуч могучий в гололёде...»	258
«Вот, наконец, и поворот...»	259
Эпилог	260
СЮРПРИЗЫ К 66-ЛЕТИЮ (Запись)	261
У МАТЕРИ В УТРОБЕ	263
УХОД ДРУГА-НАСТАВНИКА	264
ПАМЯТИ ТРОСМАНА (ЦИКЛ)	
«Полвека дружбы — это стаж...»	269
«Да. Точно. Каждую строку...»	269
«Он был по истине Сократ...»	270
«Пусть не читал он никогда...»	271
Омерзительность русской истории	271
«Да, Россия — отчизна предательств...»	272
К 15-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ СССР. 6 ДЕКАБРЯ 2006. 6.30 УТРА.	
Ю. АФАНАСЬЕВ («ЭХО МОСКВЫ»)	273
«Наука деланья добра...»	276
«В стране, где царствует беда...»	277
ЧИТАЯ Б. ПАСТЕРНАКА «ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ»	
1959 г.	278
«О! Жизнь, какой в тебе урок...»	278

16 декабря 2006 г. Диалог на «Эхо Москвы»	279
«Погибельны не времена...»	279
ГЛЯДЯ НА МАШУ...	280
«Родители мои родные...»	280
«Когда итожат декабри...»	281

СНЕЖНЫЕ СОНЕТЫ (Записи в поезде В. Уфалей)

25 ДЕКАБРЯ 2006 г.	282
«В моей душе рождают нежность...»	282
«Недаром скрыта в слове “снег”»	283
«Стремясь душой и в даль и в высь...»	283
«Снегов таинственный покров...»	284
«Тебе молиться я готов...»	285
«Кто ищет в таинстве утех...»	285
«Всесилье божеских чудес...»	286
«Незыблемость моих основ...»	287
Эпилог	287

СТИХИ САМОМУ СЕБЕ (Цикл)

«Да, русскому так мало надо...»	289
«Как человеку тяжело...»	289
«Насущным хлебом озабочен...»	290
«Былых соперников утрата...»	291

ИТОГИ ГОДА	292
------------------	-----

Кирилл Алексеевич Шишов
ЕВРАЗИЙСКИЕ СТАНСЫ.
ВЕЛИКИЙ ЗУБР
(поэма)

Верстка *В. Б. Феркель.*

Сдано в набор 17.01.08 г. Подписано в печать 25.01.08 г.
Формат 70×100 ^{1/32}. Гарнитура Лазурского. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,51.
Тираж 300 экз.

Издательство «Цицеро»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.